

**Владимир
Свинцов**

**ЛОПОУХИЙ
БЕС**

Владимир Свинцов родился
в 1938 году
в Волгоградской области.
Детство провел на Кубани.
В 1956 году уехал
по комсомольской путевке
на Урал —

строить Орско-Халиловский
металлургический комбинат.

Был арматурщиком,
бетонщиком, шофером.

Служил на Черноморском
флоте.

Закончил высшую школу МВД
СССР,

адъюнктуру в Москве.

В настоящее время
заведует краевым бюро
пропаганды

художественной литературы
Союза писателей РСФСР.

Живет в Барнауле.

Автор сборников:

«Олежкины каникулы»,

«Мой друг Сенька»,

«Несостоявшаяся охота».

**Владимир
Свинцов**

**ЛОПОУХИЙ
БЕС**

Повести и рассказы

Барнаул
Алтайское
книжное
издательство
1986

Р 2
С 24

*Рецензенты В. Башунов и Л. Квин,
члены СП СССР*

Свинцов В. Б.

С 24 **Лопухий бес: Рассказы и повести. — Барнаул:**
Алт. кн. изд-во, 1986. — 176 с. с ил.

Книга рассказывает о домашних и диких животных, живущих среди людей. Она заставляет задуматься об ответственности человека перед всем живым, что населяет землю.

С 4803010102—29
М 138(03)—86 — 34—86

Р 2

© Алтайское книжное издательство, 1986.

Часть I ОЦЕНКА ЗА ЭКСТЕРЬЕР

Его звали Топ, и ему было уже восемь месяцев. Нескладный щенок, крупный, веселый, очень любопытный и окрас имел, как говорилось в родословной, кофейно-пегий, в крапе.

Старый хозяин-пенсионер, бывший прокурор, не считал свои силы. Он надеялся вырастить и воспитать еще одну охотничью собаку — вот эту. Но заболел и понял, что заболел надолго.

Откровенно говоря, покупая Топу, я надеялся, что кто-то, а прокурор привьет ему дисциплину и послушание, потому как за себя в этом деле поручиться не мог. Очень уж равнодушен к собакам. По этой причине с дисциплиной у моих питомцев всегда не получалось.

Но надеялся я напрасно. Топ был избалован донельзя. Единственная команда, которую он выполнял, — «Ко мне!», да и то лишь потому, что рассчитывал получить лакомство и ласку.

Топ охотно запрыгнул в мою машину и устроился на заднем сиденье, весело поблескивая глазами. А его старый хозяин плакал. Он отворачивался, но слезы были видны. Я понимал его.

Собака мне нравилась. Дома я все уши прожужжал о ней и в мыслях уже считал своей. Закрыв машину, я спросил хозяина — сколько же она стоит? Потому как от этой темы он все время уклонялся и это меня весьма беспокоило.

— Восемьдесят рублей я платил за месячного щенка, — сказал хозяин и, страшно стесняясь, поспешно добавил: — Это государственная цена.

— Понятно. А всего сколько? — настаивал я.

— Сказал же — восемьдесят рублей, — внезапно рассердился он. Я растерялся:

— Но ведь вы семь месяцев его кормили, ухаживали за ним...

— Он был членом нашей семьи. А за это денег не берут.

Так у нас в доме появился новый член семьи — курцхаар Топ, короткошерстная немецкая легавая.

* * *

Не успел я проехать и двух кварталов, как Топ забеспокоился. Поднялся на заднем сиденье и уткнулся мордой в стекло. Я с опаской поглядывал на него в зеркало. Молодой-то он молодой, да как бы по молодости не цапнул сзади. Пасть у него — ого! Потом спрашивай о возрасте.

Но мои опасения оказались напрасными, доехали мы благополучно. Заслышав шум машины, к воротам вышли мать, сын, соседи. Я открыл дверцу, взялся за поводок. Топ, пригнув голову и поджав свой куций хвост, нехотя вылез. Встречающие молчали, внимательно разглядывая пятнистое, нескладное существо, и на их лицах явно проступало разочарование. Я было хотел вступить за Топу, как он вдруг бросился в сторону, вырвав из моих рук поводок.

У калитки сидел соседский кот и смотрел на нас. Топ, отвернув голову, косил глазом на кота и мелко-мелко дрожал. Это была первая в его жизни охотничья стойка.

Кот не стал дожидаться, что будет дальше, юркнул под калитку. Топ — за ним. Ну, куда такому большому под калитку?.. И тогда он без всякого, казалось, усилия (я потом не раз удивлялся его прыгучести), перемахнул через высокий забор, и уже с огорода донесся басистый, призывный лай.

Мы зашли во двор. Топ прыгал у лестницы, ведущей на чердак, поднимался на одну-две ступеньки и скатывался вниз, не отрывая глаз от чердачной двери, из которой нахально выглядывал кот. Кот не убегал, но и слезать не хотел. И правильно делал. К кошачьему племени Топ был беспощаден, и позже не один кот поплатился жизнью за свою медлительность или безрассудство при встречах с ним.

Соседи расходились, и я ясно слышал, как один из них сказал:

— Вещь какую купить, я понимаю. А за собаку деньги платить, да еще такие... Зачем? Вон их сколько по улице бегает. Мало одной — поймай две...

Второй поддержал:

— Это все от жиру. С ума посходили люди.

* * *

Рос Топ весело. Его красивые, коричневые глаза горели азартом. Команды он понимал быстро, но и непоседа был страшный. Однажды я заметил, что он очень неохотно стал отдавать поноску — кусок ненужной кожи или утиное крыло. Заброшу подальше:

— Топ, ищи!

Топ бросается сломя голову выполнять команду, и не было случая, чтобы он не нашел брошенный предмет. Схватив его своей широкой пастью, галопом мчится ко мне. Но, не пробежав нескольких шагов, вдруг останавливается, широко расставив лапы, пригибает голову и, лукаво блестя глазами, смотрит на меня.

— Подай, — приказываю я.

Топ стоит, как изваяние.

— Подай!

Тот же результат. Но стоит мне двинуться к нему с протянутой рукой, как он делает прыжок в сторону и опять становится в стойку. Приходится брать в руки прут, и только тогда, с виноватым видом, но все-таки нехотя, он отдает поноску.

Я никак не мог взять в толк, кто мне его портит? Пока однажды вечером мать, глядя в окно, не сказала:

— Запалил мальчишек Топ.

На лужайке, неподалеку от нашего дома, оголтело крича, бегали несколько мальчишек, в том числе и мой сын. И бегали за Топом. Они пытались поймать его, но тот так ловко лавировал, что преследователи оставались с носом.

Я вышел из дома и подошел поближе. В пасти у Топа был мяч. И мальчишки пытались его отнять. Но не тут-то было! Топ стоит, широко расставив лапы и пригнув голову в ожидании нового нападения. И нападение, конечно же, следует. Топ носится среди уставших мальчишек, уши развеваются, словно птичьи крылья. Ну бес! По-моему обе стороны очень довольны и новой игрой, и друг другом.

Я понимал, что эта невинная забава обязательно подпортит работу Топа на охоте. Поэтому настрого запретил сыну играть так с собакой. Но подозреваю, что мой запрет не всегда соблюдался.

* * *

Перед майскими праздниками я с друзьями поехал на рыбалку. Прошел слух, что на Большом Островном озере вовсю клюет на удочку карась. Уже просохли дороги. В лужах талой воды возле них плавают дикие утки. Над оживающими лесополосами курится легкая зеленоватая дымка. В кустах ссорятся сороки и вороны, устраивая гнезда. Облезлый заяц, весь в клочьях старой шерсти, высоко взбрыкивая задними лапами, метнулся через дорогу и пропал, затаился за кучей старой прошлогодней соломы. Весна!

Солнце припекало совсем по-летнему, но озеро еще было покрыто льдом, и только камыши да полоска воды около них вытаяли и были чистыми.

Топ выскочил из машины, я смотрел на него безотрывно. Нет, он не убежит, в этом я не сомневался. Просто мне интересно все, что он делает. Вот подбежал к берегу, полакал воды, потом направился к желтым, поваленным зимней непогодой камышам, сохнувшим под ярким солнцем. Что привлекло его внимание? Шланг. Кусок шланга, свернутый кольцом. Топ не спеша подошел, сунулся носом и вдруг отскочил, затряс головой. Я видел, как стремительно развернулся шланг, и слишком запоздало крикнул: «Назад, Топ! Змея!»

Мы бросились на помощь, но Топ уже схватил змею поперек и трепал так, что она моталась, словно веревка. Я отнял змею, отбросил подальше. Топ кинулся было за ней, но его не пустили. Возле ноздрей, справа, виднелась на морде собаки темная капелька крови. Мешая друг другу, мы, сколько могли, отжали из ранки кровь, осторожно отсосали, прижгли йодом. Конечно, теперь нам было не до рыбалки.

Мы с тревогой поглядывали на Топа, он все так же весело крутился рядом, разве только чуть медленнее. А может, это нам казалось? Прошло минут двадцать. И когда мы уже готовы были вздохнуть с облегчением, Топ вдруг упал. Глаза у него закатились, по краям губ забелела пена.

Мы втащили его в машину и помчались в деревню, в поисках ветлечебницы. Ее-то нашли быстро, но на двери висел внушительных размеров замок. Оставив недвижимого Топа, мы бросились по ближайшим к ветлечебнице домам и довольно быстро отыскивали женщину-врача. Она белила комнату, торопясь успеть к празднику. Мы видели, что ей не до нас, но надеялись, что она поймет.

Спасибо ей, она бросила свои дела и осмотрела собаку.

— Нужно было везти сразу. Боюсь, что уже поздно, — с сожалением сказала она. Все же сбегала куда-то за ключами, открыла ветлечебницу и приготовила шприц.

Я внес Топа. Он слабо шевелился и обильная слюна тянулась из его открытой пасти.

— А где намордник? — спросила врач. — Без намордника делать уколы не буду.

Мы в один голос заверили, что Топ смирный, да и мы будем держать так крепко, что ей не грозит никакая опасность. Уговорили.

Первый укол она сделала в шею. Топ даже не вздрогнул. Но второй укол в место укуса — в нос — вдруг поднял его. И мы, трое взрослых мужчин, не смогли удержать. Правда, он только выбежал из ветлечебницы и упал, но сколько же еще сил оставалось в нем?

— Если сутки проживет, будет жить, — сказала врач на прощанье. Ей тоже было жаль нашего Топа.

* * *

Ночь мы провели беспокойно. На озере что-то грустно вздыхало, кричало, хлопало крыльями. Я не выдержал, вылез из палатки. Большая часть льда была черной, и эта чернота копошилась, издавала звуки... Огромная стая уток присела отдохнуть на наше озеро.

Воздух был свеж, от камышей тянуло почему-то запахом луговых трав. Все было хорошо, просто замечательно. Если бы не Топ... Он стонал, хрипел, часто лакал холодную озерную воду, которую мы постоянно меняли в чашке. Голова его распухла так, что стала похожа на голову бульдога, только еще безобразнее и больше. Глаза превратились в узкие слезящиеся щелки. Улучшения не было.

Утром пришел местный рыбак по имени Проня. Поставил у камышей сети, вылез на берег. Открыл молнию на черной хозяйственной сумке, достал хлеб, соленые огурцы, сало и вареное мясо.

— Сидайте,—пригласил он нас, с интересом поглядывая на Топа. От угощения мы отказались. Проня принялся за трапезу сам, одновременно слушая взволнованный рассказ о постигшей нас беде.

— Бычок молоденький. Для себя колол, — сообщил он с набитым ртом. — Старое мясо желудок плохо переваривает.

Прожевал. И прежде чем снова приняться за мясо, сказал ласково:

— Сдохнешь, собачка. Никто еще после такого укуса не выживал. Ни одна скотина. — И разъяснил подробнее: — Змея за зиму яду накопила. Сколь месяцев берегла. Капец тебе будет...

Мы были готовы сбросить этого пророка в воду, но он, не обращая внимания на наши недружелюбные взгляды, продолжал:

— Да и зачем в городе собака? В деревне — и то не нужна. Я свою уж третий год как извел. А что? Воров нет. Зверя тоже не стало. Не охота, баловство одно. Рыбалка — еще куда ни шло, да и то только весной. Поймаешь с центнер, продашь... А в остальное время и пытаться нечего. — Он провел большой заскорузлой рукой по спине Топа. — А шкура у тебя видная. Ишь, словно ковер. В узорах вся. Такую и на пол, да и на стенку не стыдно, — развивал он свою мысль и вдруг застыл, чуть привстав, отведя в сторону руку с куском мяса. Мы тоже затаили дыхание, прислушались.

У камышей глухо булькнуло.

— Пошел карась, — удовлетворенно сказал Проня, опускаясь на прежнее место, и испуганно отдернул руку: Топ вслепую выхватил у него мясо и стал жадно есть, похрустывая косточками. Проня ошалело глядел на него, а мы облегченно засмеялись, потому что поняли: Топ будет жить.

• • •

В дороге нас застал дождь. Это было не страшно — мы уже выехали на шоссе. Тонкие ручейки потекли по стеклам, застучало по крыше машины. Лужи заблесте-

ли на асфальте, и встречные машины обкатывали нас грязью. Пришлось остановиться у большой лужи перед въездом в город, чтобы помыть машину. Дождь прекратился. Топ, сразу же выбрав место посуше, улегся, дремотно прикрыв глаза от яркого солнца. Он заметно подрос, стал подтянутым и очень красивым. Голова коричневая, с длинными висячими ушами. Коричневый цвет резко кончался на шее, и начинался белый, в мелких коричневых пятнах. На спине, словно седло, красовался большой коричневый овал.

На рыбалке Топ набегивался так, что всю обратную дорогу лежал пластом и еще суток двое не выказывал желания гулять. Но зато потом, стоило только завести машину, он начинал беспокоиться, лаял и затихал лишь тогда, когда убеждался, что ни лодки, ни удочек ~~я~~ с собой не взял. Обнюхав мой портфель и костюм, он на всякий случай провожал меня до ворот.

Вот и сегодня Топ лежал на боку, вытянув лапы и откинув голову. Мой друг Тихоныч не выдержал:

— Ты только глянь, какой аристократ! Разлегся, видите ли, на травке, а мы тут полощемся. Ну-ка, Топ!

На свою кличку Топ реагировал прекрасно. Сразу поднял голову.

— Ко мне! — приказал Тихоныч.

Топ глянул на меня—не возражает хозяин? Хозяин не возражал. Он с неохотой поднялся, зевнул, протяжно выдыхая: «А-а-а!», не спеша подошел к Тихонычу. Тот, размахнувшись, забросил на середину лужи грязную тряпку и скомандовал:

— Подай!

Топ, все еще на что-то надеясь, посмотрел на меня, но я отвернулся. Тогда он вздохнул и вошел в лужу. Вода была ему по брюхо, так что плыть не пришлось. Подошел, понюхал тряпку и снова посмотрел: «Ну что? Нести?»

— Нет, ты посмотри какой чистюля! — всплеснул руками Тихоныч. — Подай!

Опять вздохнув, Топ взялся за самый кончик тряпки и, отвернув голову, брезгливо сморщив нос, вытащил ее на сухое и бросил. В руки не подал, а, сгорбившись от унижения, пошел прочь, тряся головой и фыркая.

«Фу! Какая гадость!» — так ясно было написано на его морде, что мы с Тихонычем стояли, растерянно улыбаясь.

Утром я проснулся от всхлипываний. Это меня сильно встревожило. Давно у нас в доме никто не плакал. «Мать!» — понял я и вскочил. Точно, на кухне плакала мать.

— В чем дело? Что случилось?

— Посмотри, что натворила твоя паршивая собака! — сквозь слезы сказала она. — Весь огород вытоптала.

Я знал, как трудится мать над нашим маленьким участком, как дорожит своими посадками, и бросился к окну.

Четыре сотки нашего огорода были использованы все до сантиметра. У забора ровными рядами висится малина, чуть в стороне — крыжовник и смородина, тут же две низенькие, но раскидистые сибирские яблони, а между ними клубника, морковь, петрушка, укроп, огурцы... И все это разделено узенькими тропочками, прополото, ухожено. Отдельно стоят помидоры — материнская гордость и неустанная забота. Они стоят аккуратными зелеными рядами, каждый стебелек тряпочкой привязан к своему колышку.

— Помидоры целые, — пожал плечами я.

— А лук...

Я вышел на крыльцо. Боже мой! Две грядки лука, темно-зеленого, стрелчатого, лежали на земле.казалось, какой-то утюг безжалостно пригладил высокие стебли.

Между грядок лежал Топ, виновато поглядывая на нас своими коричневыми глазами. Гнев затопил меня. Заметив мое состояние, мать сказала:

— Не вздумай! Я его отругала, он все понял.

Но я уже схватил стоящий здесь же веник, сбежал с крыльца и изо всей силы ударил. Топ вжался в землю и стоически перенес удар, только вздрогнул. Я замахнулся еще раз, но на моей руке повисла мать.

— Ты что?! — возмутился я.

От ее слез не осталось и следа. Взгляд сердитый.

— Почему руки распускаешь?!

— Ты же... сама... жаловалась.

— Не жаловалась, а просто сказала. Иди, досыпай. Без тебя разберемся. Иди-иди!

И я, подталкиваемый матерью, поднялся на крыльцо. Обернувшись, посмотрел на Топу. Он лежал на прежнем месте, прикрыв левой лапой морду. И столько

виновности и покорности судьбе было в его позе, что мне стало жалко. Эта поза потом будет для Топа постоянной. Как только он чувствовал себя виноватым, сразу же ложился на брюхо и накрывал морду лапой.

Сопровождаемый материнским ворчаньем, я вернулся на кухню.

— Разве можно собаку битьем воспитывать? — никак не могла успокоиться она. — Лаской нужно. Лаской. А то ишь...

— Вот ты и портишь собаку. А с ней нужно строго, — втайне гордясь тем, что встал выше ее жалости, говорил я. Хотя отлично понимал, что ударил сгоряча, что сейчас бы уже не смог. Но мать?! Разве не она несколько минут назад плакала над погубленным луком? И вот сама же мне и выговаривает. Нет, поведение ее было по меньшей мере странным.

* * *

Кататься на машине Топ готов был целыми сутками. И на рыбалку ездил с нами с большим удовольствием. Серьезно и величаво восседал он на заднем сиденье, не обращая внимания на восхищенные взгляды пешеходов. Когда же выезжали за город, укладывался, вытягиваясь во весь свой немалый рост, и дремал, изредка открывая глаза. При этом он упирался лапами в спинку переднего сиденья, и силу его мышц своей спиной я чувствовал прекрасно.

Однажды в прибрежных кустах мы вспугнули крупного зайца-русака. Отбежав немного, он присел и стал внимательно нас разглядывать.

Был он довольно крупным даже для своей породы. Серый. Глаза неотрывно смотрят на нас, а уши непрерывно двигаются. Вблизи очень похож на кролика. Передние лапы быстро-быстро переступают по земле, и кажется, что рад он нам страшно и от радости пританцовывает. До него было каких-то десять метров, а заяц дразнил нас, бесстрашно сидя среди зеленой травы.

Я хотел запустить в него удилищем, но тут выскочил откуда-то Топ, остановился, пораженный, закусив губу и подняв переднюю лапу. Такого зверя он видел впервые. Замешательство обеих сторон длилось недолго. Заяц подпрыгнул и задал стрекача. Топ — за ним.

Они мчались по ровному полю, и ясно было видно,

что Топ, хотя и медленно, догоняет зайца. Пес изредка взвизгивал от азарта и набавлял скорости. Очевидно, опасность почувствовал и заяц: внезапно изменил направление и понесся к большому кусту боярышника. Топ за ним по пятам. Перед самым кустом заяц вдруг вильнул в сторону, а Топ, не успев затормозить, со всего размаха врезался в куст, пробил его насквозь и вылетел с обратной стороны, отчаянно визжа.

Нам пришлось основательно повозиться, чтобы освободить его шкуру от острых колючек боярышника. Незадачливый охотник вздрагивал, пытался вырваться из наших рук, но мы держали крепко.

На обратном пути Топ долго ворочался, устраниваясь поудобнее, а когда заснул, стал взвизгивать во сне: не жалобно — от боли, а звонко, с азартом. Очевидно, во сне он снова гнался за зайцем...

После этого случая Топ постоянно повизгивает во сне и стучит лапами. Бывалые охотники поясняют — вырастет собака.

* * *

В воскресенье ко мне пришел сосед позвонить по телефону. Был он нетрезв и привел с собой овчарку Дика. Если говорить откровенно, я не люблю этих закормленных животных. Дик было уже четыре года и он походил на объемистый чемодан без ручки. Сосед привязал свое сокровище к забору и вошел в дом.

— Слушай, — сказал он с пьяной бесцеремонностью, — давай стравим Дика и Топу. Интересно, кто кого, а?

— Ты что? — возмутился я. — Топу чуть больше года, да и потом это же не боевой волк.

Насчет боевого волка сосед не совсем понял, потому и упрямо твердил:

— А я хочу. А я все равно хочу.

— Иди звони! — прикрикнул я.

— Ах, да! — спохватился он и пошел к телефону. Долго крутил диск, о чем-то вяло говорил и, наконец, забыв попрощаться, вышел.

И сразу же со двора донеслось яростное рычание и визг. Я выскочил на крыльцо. Дверь вольера была открыта, и там, в глубине, свернулись в клубок два собачьих тела. Сосед, пьяно ухмыляясь, потирал руки.

Заскочив в вольер, я схватил Дика одной рукой за шиворот, второй — за хвост и перебросил через изгородь. Ну и тяжел же он был!

Топ, истерично взлаивая, жался к моим ногам. Я ошупал его. К счастью, глубоких ран не было. Очевидно, лаял он больше от обиды. Еще бы — такой большой и на такого маленького.

На следующий день, когда сосед, уже трезвый и без Дика, протянул к Топу руку, чтобы погладить, он укусил его. Это был единственный случай, когда Топ причинил боль человеку.

А на следующий год, летом, Топ и Дик случайно оказались вместе у реки. И вместе поплыли за брошенной соседом палкой. И вот тогда Топ чуть не утопил своего давнего обидчика, насадая в воде на него всем телом, стараясь достать до горла. Таким злобным и непослушным я его никогда не видел. Нам пришлось броситься в воду в одежде, чтобы спасти Дика. На берег мы его вытащили чуть живого. И с того времени, если мы с Топом проходим мимо соседского забора, эта громадная и свирепая овчарка, словно нашкодивший щенок, забивается в свою конуру и только оттуда подает недовольный голос.

А сосед до сих пор выговаривает с обидой:

— Конечно, у меня собака сторожевая, а у тебя — зверовая...

* * *

Лось перед нами возник так неожиданно, что мы растерялись. Это был красивый зверь с великолепными рогами, на концах которых я насчитал по четыре отростка. Он выскочил из молодого оеинника на опушку и, затормозив на мягкой земле всеми четырьмя копытами в каких-то тридцати метрах, замер, ошалело глядя на нас.

Только нервно раздуваемые ноздри да вздымающиеся бока говорили о его живой природе. За ним стеной возвышались сосны и березы, одетые в зеленый наряд. И он, темно-коричневый, разный с ними по цвету, был все же неотделим от них. Эта гармония сразу определила пропасть между нами. Он был их, а не наш. Мы могли или любоваться или убить.

Топ вывернулся из-за него сзади, запыхавшийся и весь встопорченный. А когда лось наконец сообразил, кого встретил на своем пути, и попытался убежать, —

встал перед ним. Лай его был полон ярости. Лось прынул в другую сторону, но Топ опять загородил дорогу.

У нас не было ружей. В руках — корзинки, полные великолепных грибов, да разномастные ножи. И все же мы внушали лосю страх. А тут еще эта собака... И он, сделав огромный прыжок, помчался по вспаханному под пары полю. Топ молча, чуть в стороне — сзади. Вскоре они скрылись из вида.

Но не прошло и получаса, как с другой стороны снова выскочил этот же лось и снова остановился как вкопанный, страшно удивленный встречей. Он развернулся, подставляя нам левый бок, и снова Топ некоторое время держал его на месте, ожидая выстрела. Но выстрела не последовало, и красавец лось умчался в березняк, цел и невредим. Топ — следом, не внимая нашим призывным крикам и свисткам.

Полные корзины оттягивали руки. Вечерело. Пора было ехать домой. Мы вернулись к машине, и, прежде чем укладываться, я несколько раз резко посигналил. Знал, что на сигнал Топ явится незамедлительно.

Но прошло десять минут, двадцать, полчаса... Вечер сгустил сумерки под деревьями. Воздух обострил запахи. Ветер тревожно качнул вершинами. Что-то резко крикнула сойка.

И только спустя час, Топ, усталый, с далеко высунутым языком, приплелся к машине. Он сразу улегся на заднем сиденье, далеко отбросив свои длинные лапы. На нас не смотрел, очевидно, сердился.

Мы ехали домой и рассуждали о собаке, о ее удивительном, природном охотничьем азарте.

* * *

Мы были за деревней Выползово у озера Глубокого на рыбалке. Озеро замечательное. Это даже не озеро, а старица Чумыша. Густо поросли оба ее берега лесом. С правого, крутого, стекают многочисленные родники. Левый пониже, плавно переходит камышом и кустарником к кудрявому березняку. Вода чистая, холодная. Рыба всякая — карась, линь, щука, сорожка, окунь. Был и язь, но озеро постепенно зарастает телорезом и медленно умирает. К сожалению, таких озер немало. Приписные охотничьи хозяйства ничего не делают для их спасения. Скоро и в Глубоком тиной затянется зеркало воды и останутся жить карась да линь...

А пока мы успешно ловим здесь на спиннинг шук. Да еще каких! До семи килограммов попадают.

День был не очень жаркий. Мы вылезли из лодок на берег передохнуть, перекусить. Топ подбежал, ткнул мордой в мою руку. Я погладил его мимоходом и стал готовить обед. Была моя очередь.

— Посмотри-ка, — немного погодя, окликнул меня мой компаньон Алексей Васильевич.

Топ сосредоточенно вглядывался вдаль. Шерсть на холке взъерошена. Я проследил за его взглядом. Метрах в двухстах проходило стадо. И не успел я окликнуть Топу, как он стремглав бросился вперед.

— Ничего? — забеспокоился Алексей Васильевич.

— Что ему сделается? — ответил я беспечно. — А потом... там же пастухи.

Заметив, хотя и не сразу, чужую собаку, стадо остановилось. Задние стали напирать на передних. Постепенно, коровы сбились плотно, образовав полукольцо, центром которого был Топ. Он никак не мог понять, что это за звери. И почему его не боятся? Похожи на лосей, но не убегают. Раньше коров ему не приходилось так близко видеть. Но вот одна из них, коротко мыкнув, шагнула вперед. За ней двинулись другие таким слитным строем, что Топ не выдержал, повернулся задом.

Это была ошибка, все стадо сразу же бросилось в атаку. Топ прибавил ходу. И если у собак бывают мысли, в чем я убежден, то сейчас у нашего любимца они были совсем не героические.

Коровы наддали, и Топ выбрал не лучший выход — кинулся к машинам.

Мы вовремя заметили опасность, стали с палками наперевес. Топ ужом проскользнул между нами, остановился позади. Очевидно, его очень интересовала развязка. А может, просто считал, что сделал благое дело — вон сколько добычи привел хозяину прямо в руки.

Коровы напирали на нас все решительнее, и мы уже опасались за машину, потому что ни на удары, ни тем более на крики коровы не реагировали. Мы выбились из сил, пока Алексей Васильевич не догадался закрыть Топу в машине.

Коровы сразу же успокоились и, подчиняясь нашим возбужденным голосам, сначала немного отступили, затем побрели прочь по своим коровьим делам.

Мы выпустили Топу. Он с опаской поглядел на уда-

ляющееся стадо, обошел вокруг машины и улегся в тени.

— Чуть-чуть не наделал беды, — обратился к нему Алексей Васильевич.

— Да, это тебе не лоси! — добавил я.

* * *

Однажды сын пришел с речки в слезах.

— Что случилось? — встревожился я.

— Топ кусается.

— Как кусается? Почему кусается?

— Не дает купаться.

Из рассказов сына выходило, что стоит ему броситься в воду, как Топ следом. Подплывает, хватает зубами за плечо, да еще и рычит.

— Вот смотри, — он показал внушительных размеров царапины на спине и плече.

— Ну-ка, пойдем купаться, — предложил я.

— Только ты сам в воду лезь. Я боюсь, — сын с опаской поглядывал на Топу.

Пришли на речку. Недалеко от нас строители поставили мощную плотину со шлюзами, перегородив речку Барнаулку. Получился хороший городской пляж. За мягким, рассыпчатым песком горой поднимается старый берег, сплошь поросший высокими соснами. Так что и отдохнуть приятно и глазу красиво. В выходные дни людей тьма. В будние, как сейчас, поменьше.

Мы отошли подальше от купающихся и рыболовов, и только я начал раздеваться, как Топ забеспокоился. Я разбежался, прыгнул с берега. Но не успел вынырнуть, как почувствовал рядом с собой еще кого-то. Отплыл в сторону. Вынырнул. Топ! Он попытался схватить меня за плечо, я еле увернулся. Но он вновь устремился ко мне. Плыл быстро, рассекая воду широкой грудью, и вскоре оказался рядом. И опять попытался схватить меня. Тут я немного промедлил и сразу же почувствовал боль в плече. Я протянул Топу руку, чтобы успокоить, приласкать. Но он вдруг схватил ее, крепко стиснул и повернул к берегу, таща меня за собой. Вон оно что! Оказывается, Топ спасал нас, а мы думали...

Этот добровольный спасатель доставлял в воде большие неудобства, да к тому же больно царапался и кусался. Мы долго не могли ничего придумать. Некоторое время сын не брал Топу на речку.

Все разрешилось само собой. Кто-то из мальчишек, когда Топ плыл к сыну «спасать», хотел задержать его и схватил за короткий, но толстый хвост. Топ тут же повернул к берегу, буксируя мальчишку.

С тех пор началась новая увлекательная игра. Мальчишки заплывали подальше от берега, Топ, естественно, следом. Потом сын цеплялся Топу за хвост, остальные за сына. И Топ к общему удовольствию быстренько доставлял орущую компанию на берег.

* * *

Изредка в наших рыбацких вояжах принимал участие отец моего друга Сергея — Николай Васильевич. Этот замечательный человек до сих пор носил на себе жестокие следы войны. У него часто открывалась одна из ран, и жена отпускала его с ночевкой при условии, что он и в палатке будет спать на чистой простыне.

В этот раз мы поехали на ловлю форели. Ручьевая форель — очень красивая и сильная рыба. Ловить такую — большое удовольствие. Водоем искусственный, но интересный. Мощные родники питают отличной водой это озеро. Вода холоднющая. Течение сильное. А вокруг, на сколько хватает взгляд, садовые посадки — черноплодная рябина, малина, вишня...

Мы подъехали к озеру вплотную. Вышли из машин. Николай Васильевич, с обожанием глядя на нашего четвероногого друга, шутливо проговорил:

— Собака-собака, давай с тобой дружить.

И Топ отвечал на ласковое поглаживание снисходительным помахиванием своего короткого хвоста. Чувствовалось, что их симпатия обоюдная.

Ночью прошел дождь. Воздух был свеж до озноба. Солнце еще не взошло, но вершина холма на востоке уже заалела. Поеживаясь, мы закрыли палатку и поплыли на свои рыбацкие места. Топ провожал нас до лодок.

К обеду мы причалили к берегу. Нас никто не встречал. Предвидя неладное, я бросился к палатке. И точно! На белой простыне с грязными лапами лежал Топ и спал. Сладко спится на чужих простынях.

— Пшше-л! — шикнул я, и он пулей вылетел из палатки.

Я не знал, что делать. Говорить Николаю Васильевичу

чу сейчас или уж подождать до вечера?.. Посоветовался с Сергеем.

— Чего тянуть? Нужно говорить сейчас.

Сказали. Николай Васильевич, нахмурясь, осмотрел крупные грязные следы на простыне и спросил:

— Где он?

— Скрывается от наказания, — ответил я виновато, но на всякий случай позвал: — Топ, ко мне! Ко мне, Топ! Как сквозь землю провалился.

Простыню перевернули другой стороной и уселись обедать. Уха удалась на славу. Да и богатый улов способствовал хорошему настроению, если бы не Топ... А вот и он. Я видел, как он вышел крадучись из-за куста и направился к нам. Подошел к Николаю Васильевичу и с тяжелым вздохом улегся у его ног.

— Явился?! — с вызовом сказал тот.

Топ прикрыл морду передней лапой и исподтишка поглядывал на нас, покорно ожидая решения своей участи.

— Хорошая ты собака, но балованная. Уйди от меня, — пытался удержаться на заданной ноте Николай Васильевич. — Не люблю я тебя, — и отодвинулся.

Топ выждал некоторое время и опять подвинулся к нему. Николай Васильевич растрогался.

— Собака-собака, давай дружить, — произнес он, протягивая руку для ласки, но, прежде чем помириться, все-таки выговорил: — Ты только... больше не надо. А то... жена есть жена. Тебе что, за хозяином отсидишься...

* * *

Возвращаясь из ветлечебницы, куда возил Топу на прививку, я заехал в санаторий. Поставил машину на стоянку у ворот и пошел искать друга, который проводил здесь отпуск. Нашел я его быстро, и мы решили погулять по прекрасным аллеям.

Санаторий расположен в самом городе, и его территория неустанными стараниями сотрудников превращена в уютный парк с маленьким прудом, фонтаном, игровыми залами и аттракционами. Под густо насаженными высокими раскидистыми деревьями тенисто и нежарко.

Неожиданно я увидел две большие клетки неподалеку от ворот санатория.

— Что там такое?

— А ты не знаешь?—удивился друг. — Здесь живут два медведя: Миша и Маша. Их привезли из Горного Алтая еще маленькими. Они выросли здесь, мирные, к людям привычные. Дети из города приезжают посмотреть на настоящих медведей...

Я очень удивился — как так не слышал об этом раньше? И озорная мысль пришла в голову — посмотреть, как Топ будет реагировать на медведей. Я читал, что в Альпах на медведя охотятся только с курцхаарами и очень успешно. Поделился с другом, он тоже загорелся:

— Давай, пока обед и никого нет у клеток!

Я бегом к машине. Пристегнул к ошейнику Топа поводок. Сначала он шел спокойно. Потом весь напрягся и вдруг рванулся, ужом проскользнул между прутьев клетки и вцепился в гачи ничего не подозревавшего Миши. Закормленный, неповоротливый медведь взревел испуганно и всунул голову в нору, выставляя и без того беззащитный зад.

Я дергал Топа за поводок, выворачивая морду на сторону, тянул из всех сил — ничего не помогало. Тогда просунул руки сквозь решетку, схватил за задние лапы и с огромным трудом вытащил.

На рев испуганного медведя спешили люди, и мы поторопились ретироваться. А вслед нам неслись возмущенные возгласы.

После этого случая Топ еще часа два не мог успокоиться. Ни с того ни с сего вдруг вскакивал на сиденье и так свирепо рычал у меня над ухом, что я невольно тягивал голову в плечи.

А на следующий день в газету пришло письмо от одного отдыхающего с жалобой, что некоторые охотники притравливают своих собак прямо на территории санатория. Хорошо хоть фамилия моя не указывалась.

Правду говорят — озорство до добра не доводит.

* * *

В августе я повез Топа на выставку. Он был не только красив, но и силен, что и продемонстрировал немедленно. Когда у ворот выставки я чуть замешкался, запирая машину, Топ схватился с двумя лайками. Одну сразу сбил с ног, вторая позорно отступила за своего хозяина.

На территорию выставки он входил хотя и наказанным, но довольным и взволнованным. Никогда ему не приходилось видеть сразу столько собак. «Вот где потешимся!» — было написано на его коричневой симпатичной морде.

На ежегодную эту выставку со всего края свозят чистопородных охотничьих собак. Здесь их внимательно осматривают судьи-эксперты, оценивают за внешний вид, схожесть с лучшими представителями породы.

Каких только пород нет! Длинноногие борзые с печальными человеческими глазами. Серьезные гончие, спокойно сидящие на своих местах. Беспокойные громогласные лайки. Лопухие добродушные спаниели. Некрасивые, с торчащей во все стороны шерстью, дратхаары. Длинные, как гусеницы, таксы. Женственно гибкие сеттеры... Зрелище любопытное.

И вся эта хвостатая и бесхвостая братия ходит, сидит, лежит, гавкает, воет, скулит, лезет друг к другу, нервничает, кусается, играет, дерется...

Много сил мне здесь понадобилось, чтобы удержать Топа от нехороших поступков.

Рассердившись, я надел на него строгий ошейник и привязал к забору. Но едва успел оформить документы, как разноголосый лай, рычание, визг и крики «Чей курцхаар?!» известили меня о том, что Топ опять что-то натворил. Как-то отвязавшись от забора, он носился между собак, на свободе, и те, очевидно, из зависти, подняли невообразимый гвалт.

Наконец я выловил Топа между гончаками, которые было начали ругаться и на меня. Удовлетворенный Топ сидел у моих ног и поглядывал по сторонам, словно прикидывая, что бы такое еще вытворить.

— Ну бес! — восхищенно произнес кто-то из зрителей.

— Лопухий бес! — согласился другой.

Я молчал, запыхавшись и вытирая обильный пот. Наконец явились помощники. Первым неожиданно подошел старый хозяин Топа. Выглядел он посвежее, чем в последнюю нашу встречу. Но все равно вид у него был такой, словно он только что вместе со мной гонялся за собакой. Топ сразу узнал его и обрадовался несказанно. Он просунул свою голову меж колен старого хозяина и мелко-мелко дрожал.

Я ревновал. Надо же, почти год у меня, а все помнит...

Потом подошли мои друзья, которым, конечно же, были небезразличны успехи нашего любимца на собачьей выставке. Вокруг толпились люди, с восхищением оглядывая единственного курцхаара. Некоторые просили адрес и телефон с надеждой когда-либо приобрести щенка. Но Топа зрители не интересовали. Он вновь переживал разлуку со старым хозяином. И когда тот уходил, поднял такой горестный лай, что я всерьез обиделся на них обоих.

На выставке Топ единогласным решением судей получил высшую для молодых собак оценку — «очень хорошо», заработал диплом, серебряный жетон и подарок.

Мои друзья тоже были довольны результатом выставки. А виновник торжества, оказавшись в центре внимания, вдруг совершенно перестал слушаться — совался к незнакомым людям, нервничал. Я сам устал и поэтому поторопился отвести его в машину.

Когда мы шли по двору, меня окликнул председатель общества охотников и рыболовов. Выставкой он был доволен. И на самом деле, собак много как никогда, прибавилось и высокопородных.

— Поздравляю вас с успехами вашего питомца! Надеюсь, что с вашей легкой руки курцхаары на Алтае будут водиться. — Он говорил горячо и долго, а я, взглянув на Топа, сначала остоленел, а потом изо всей силы дернул поводок. Потому что, верный исконной собачьей привычке, он метил все предметы, что считал своими. И по брючине председателя общества охотников и рыболовов стекала прозрачная струйка. Какой конфуз! Хорошо хоть председатель оказался понимающим — усмехнулся криво.

— Теперь мы вообще чуть не родственники.

И поспешил прочь.

— Ну, Топ, с тобой никак нельзя появляться в порядочном обществе, — выговорил я ему под веселый смех друзей.

Первое испытание Топ выдержал с честью, теперь оставалось главное — охота, испытание делом.

Часть II

ИСПЫТАНИЕ ДЕЛОМ

Первая суббота сентября на Алтае — открытие охоты на водоплавающую дичь. Это всегда долгожданно и волнующе. И именно перед этим днем страшно не хватает времени. Вдруг оказывается, что патронов с дробью № 5 явно недостаточно. И ты мчишься в магазин, толкаешься в очереди таких же взволнованных и мечущихся страдальцев. Ни с того ни с сего начала пропускать воздух твоя незаменимая помощница — резиновая лодка... А в этом году забот стало больше, потому что еду не один, с Топом. Как он поведет себя на охоте?

В день отъезда я поднялся рано. Подогнал машину к дому, еще раз проверил все снаряжение и стал укладываться. Топ сначала молча наблюдал за моими хлопотами, потом заскулил. Его беспокойство достигло предела, когда я стал укладывать в багажник лодку. Эта вещь ему была очень хорошо знакома. Так, значит хозяин собирается на рыбалку! И без него? Ну уж нет! Коротко рывкнув, он одним махом перепрыгнул почти двухметровую сетку вольера и бросился к машине. Заскочил в открытую дверцу и уселся на своем обычном месте на заднем сиденье. Уж теперь-то без него не уедут!

Я хотел положить палатку между сиденьями и нечаянно толкнул Топу. Он отодвинулся, недовольно ворча. Ах, так! Я толкнул сильнее. Топ зарычал на меня и перешел на переднее сиденье. Я положил палатку на него. Он лег и затих. Пусть хоть в духоте, лишь бы ехать... Я вместе с палаткой выпихнул его из машины. Он вновь вскочил на сиденье и всерьез оскалил зубы. Ого! Уж и пошутить нельзя.

Вообще-то мне было не до шуток. Как бы чего не забыть. Лодка, ружье, патроны, палатка... Весла! Чуть не забыл. Чучела, продукты, котелки... Все? Топорик. Сапоги. Плащ. Как будто все.

Сажусь в машину. Завожу мотор. О! Лопату! Все! Топ неожиданно кладет морду мне на плечо и тяжело вздыхает. Только нежностей мне не хватает... Ах, он тоже волновался...

Через несколько минут выруливаем из города и присоединяемся к друзьям, которые нас уже ожидают с нетерпением.

Друзья мои уехали по всяким разным делам в райцентр Хабары. А мы с Топом остались благоустраивать лагерь. Открытие охоты послезавтра, так что времени больше чем достаточно.

В ста метрах от лагеря озеро Травное. Озеро неглубокое и зимой промерзает до дна, так что с точки зрения рыбалки неинтересно. А вот с точки зрения охотника... Заливы и заливчики, бухты и бухточки, островки, кучки оторванных от общей массы камышовых зарослей — просто раздолье для уток разных пород: шилохвость, кряковая, чирок... Не облетают это озеро и гуси. Коричневатую устоявшуюся его воду окружает — куда ни кинь взглядом — сплошная зеленая стена камыша. Егерь, привезший нас сюда по единственной малонаезженной дороге, с заметной гордостью сказал:

— Сто гектаров непроходимых зарослей. Так что утке есть где гнездиться.

И на самом деле уток было много. Они крякали и справа и слева, и сзади и впереди... Проносились низко над нашими палатками, кружили над озером и с легким посвистом исчезали за камышом.

Вот несколько крякашей потянули вправо от озера и плюхнулись в зеленую чашу метрах в двухстах от лагеря. А вот еще пара прошла над моей головой и канула туда же. Интересно! Ведь, по словам егеря, в той стороне открытой воды нет.

Я залез на машину, но ничего не увидел. Сплошное зеленое море. Значит, зеркало воды небольшое, скорее всего узкая длинная ляга. Вот бы сесть там на открытие охоты! Напуганная выстрелами утка будет искать именно такие укромные места.

И я, недолго раздумывая, поднялся и, прикинув направление, пошел, стараясь идти прямо. Топ бежал впереди. Некоторое время мне удавалось выдержать направление, несмотря на то, что камыш был очень густой и каждый шаг давался с трудом. Топ уверенно раздвигал стебли, прокладывая дорогу, идти за ним было легче. Но его постоянно отвлекали разные запахи, и поэтому двигаться мы стали зигзагами. Это меня не устраивало, и я стал ломиться напрямик. Ноги проваливались в каналы, прорытые ондатрами. Паутина липла к лицу, было душно, пахло прелью, застоялой водой. Когда я ос-

тановился, чтобы перевести дыхание, стало слышно чирканье камышовок, писк мышей, хруст срезаемой ондатрами зелени, какое-то шипенье, бульканье... Передохнув, я вновь устремился вперед. Но где-то уже недалеко от предполагаемой ляги ноги мои почувствовали предательскую трясину. Пришлось взять правее. Выбравшись на сухое, повернул влево, потом вправо и шел довольно долго, но никакого озера не было. Я понял, что потерял направление, и решил вернуться. Но вдруг сообразил, что не знаю, в какой стороне лагерь. «Пустяки! Нужно идти по своему следу», — подумал я. Но его не было и быть не могло. То, по чему я шел, было не землей, а многолетним слоем отмершего камыша. Он пружинил под ногами и не оставлял следов. Можно было ориентироваться только по сломанным стеблям, но ломал их и Топ, и главное, камыш был еще зеленым, гибким, так что сильно надеяться на это не приходилось. И точно, вскоре я окончательно убедился, что заблудился. Если бы я заметил, с какой стороны солнце, когда заходил в этот проклятый камыш... Цвет облаков изменился после того, как я ушел из лагеря. Они потемнели, подсвеченные каким-то грозным огнем изнутри. Тревога охватила меня, я шел все медленнее. «Спокойно. Без паники», — успокаивал я себя и, прикинув поточнее, посчитал, что забрал слишком влево. Поэтому повернул направо.

Топ сновал неподалеку и косил глазом на меня. Ему здесь нравилось. Под ногами снова захлупала вода, пришлось взять левее. Левее? Тогда я уйду к середине... И тут мне припомнились слова егеря о ста гектарах камыша, и я испугался. Ведь приходилось мне читать, как погибали такие вот незадачливые охотники в кубанских плавнях и бескрайних волжских поймах. «И здесь — кричи не кричи — никто не услышит». Эта мысль и определила дальнейшее мое поведение. Я оглянулся. Вокруг сплошной стеной стоял камыш. Сверху давило темное небо. Нет, не хотел я оставаться здесь. Ни за что!

Конечно, страшного ничего не произошло. Ну, заблудился, ну и что? К вечеру приедут ребята из деревни. Найдут. Да они только ехать будут, и уже по звуку мотора можно определить, в какой стороне лагерь. Так думаю я сейчас, а тогда...

Безотчетный страх мешал мне рассуждать здраво.

— Топ! — дрожащим голосом позвал я. — Ко мне!

Топ нехотя подошел, недовольный, что оторвали от

обнюхивания какой-то кочки; я почесал ему за ушами, и он весело замахал хвостом. «Глупый, чего веселишься? Ведь мы не найдем дорогу в лагерь», — хотел сказать я ему, но сообразил, что он-то как раз найдет.

— Топ, в лагерь! — приказал я. — В лагерь!

Он махал хвостом и старался лизнуть меня в лицо.

— В лагерь! В лагерь! Домой! — кричал я, будто это была моя последняя надежда.

Топ смотрел на меня непонимающе.

— В машину! — сообразил я и замахнулся.

Топ отпрянул. Никогда я себе не позволял такого. Но сейчас, подстегнутый страхом, сдержаться не мог и ткнул кулаком куда-то в бок. Топ обиделся, поджал кучий хвост, повернулся и пошел в сторону, противоположную той, где я подозревал наш лагерь.

Я не был уверен в нем, поэтому сердито покрикивал: «В машину! В машину!» и ломился следом без особой надежды. Но минут через пятнадцать благополучно вышел к лагерю.

Измученный, мокрый от пота, я упал около палатки. Надо мной улыбалось небо. Темно-серебристые облака, подсвеченные солнечными лучами,плыли торжественно и чинно. Я позвал Топу. Он подошел с опаской. Я притянул его за длинные уши, поцеловал в морду и попросил прощения.

* * *

На свои места мы выплыли затемно. Стараясь не шуметь, пробрались в заранее приготовленные скрадки и замерли в ожидании. На небе сверкали звезды, отражаясь в неподвижной, тускло темнеющей воде. На другом конце озера грозно угукала выпь. Ее глубокие и глухие вздохи словно колебали воздух. А в промежутках стояла такая жуткая тишина, что я невольно крепче сжимал ружье.

Изредка над нашими головами просвистывали утки, в камышах сонно побрякивал селезень. На воде неподалеку чернели чучела, в которые внимательно вглядывался Топ. Я положил руку ему на спину и почувствовал, как он дрожит. Конечно же, не от холода. Ночь была теплая. Волнение охватило и меня.

Наконец звезды стали меркнуть, небо над головой потемнело, а восточный край медленно бледнел. Уже видны листья на близстоящем камыше. Уже можно разли-

чить длинный шест, воткнутый в берег, чтобы не искать дорогу к лагерю. Наконец заголубело небо, и туман легкой кисеей поплыл над водой. И сразу же, сначала далеко, затем ближе, загремели выстрелы. Вот слева от меня сдуплетил Александр Яковлевич. Гулкое эхо прокатилось над озером. Потом еще, это уже у Тихоныча. Везде шла пальба, только у нас с Топом пока стрелять было не в кого, и я пожалел о выбранном месте. Вдруг из-за камышей вывернулся селезень и спланировал к чучелам. Я повел стволами, ружье толкнуло в плечо... Селезень целехонек, полетел дальше. Эх, нужно было подождать, пока он сядет...

— Топ, куда? Назад, — громким шепотом позвал я. Но было поздно. Топ кинулся в воду и поплыл к чучелам. Подплыл к одному, понюхал, взял в пасть, бросил, повернул к другому... Обследовав все чучела, он в недоумении повернул назад. Все бы ничего — водные процедуры сутра полезны даже собакам, но уж больно лапы длинные. Топ подплыл ко мне в почетном сопровождении двух чучел, зацепившись за их якорные шнуры.

Пара уток налетела от восхода солнца, и вновь я промазал. Топ посмотрел на меня с презрением. Я разнервничался; заторопился перезаряжать, чуть не уронил патроны в воду. Теперь целая стая заходила справа. Целых шесть штук. Я сдуплетил и... опять промазал. Топ недовольно зарычал: «Не умеешь стрелять — нечего ездить на охоту!» — так понял я его и постарался взять себя в руки.

Поднявшееся над горизонтом солнце слепило глаза. Вода мелко искрилась. Камыш стоял стройной зеленой стеной. Запоздавая ондатра быстро плыла, торопясь домой, в хатку, оставляя после себя длинные, широко расходящиеся усы.

Здоровенный крикаш налетел откуда-то из-за моей головы, снизился к оставшимся чучелам и хотел сесть, но, рассмотрев обман, взвился свечой и угодил под мой выстрел. Наконец-то! Через несколько минут Топ подал мне первую добычу в этом сезоне.

Часов в десять мы собрались в лагере, довольные и возбужденные. Все были с трофеями, все выполнили норму отстрела, кроме одного. У Василия Ивановича, который больше всех накануне рассказывал о своих охотничьих похождениях, на поясе сиротливо висел единственный чирок.

— Что же ты? — укоризненно спросил его наш старший — Александр Яковлевич. — Утки как будто хватало...

— Понимаете... — смущенно забормотал Василий Иванович. — Вообще-то я сбил больше. Но проклятый камыш... Не смог найти.

— Только не ври, — сурово предупредил Александр Яковлевич.—Пустим собаку. Говори толком—сколько?

— Две, — нашел в себе силы не покривить душой Василий Иванович. — Ружье что-то...

— Показывай, где?

Василий Иванович указал направление.

— Вперед, Топ! Ищи! — приказал я. И Топ нырнул в камыш.

— Не найдет, — пренебрежительно махнул рукой Василий Иванович.

— Найдет, — безапелляционно заявил Александр Яковлевич и спросил: — А что ты дашь Топу, если он принесет уток?

Василий Иванович полез в рюкзак и с гордостью достал две банки консервированных крабов.

— Вот.

Не прошло и двадцати минут, как две утки лежали у его ног. Александр Яковлевич вскрыл ножом банки и вывалил розовое, вкусно пахнущее мясо Топу в миску.

— Ешь. Заслужил.

— Что за шутки? Оставьте хоть попробовать, — сердито запротестовал Василий Иванович, пытаясь ложкой поддеть кусочек. Но Александр Яковлевич был непреклонен.

— Научишься стрелять так, чтобы собаке не пришлось работать, будешь есть крабов сам, — заключил он под общий смех.

Топ, не обращая внимания на их перепалку, махом слизнул содержимое двух банок и остался очень доволен. Это была его первая награда за работу. Потом их будет много — и медали, и жетоны, и дипломы... Но сегодняшняя была самая вкусная.

* * *

Речка Кулунда вьет свои петли по лугам Завьяловского района и каждую весну заливают необозримые пространства, питая водой соленые озера, опресняя и очищая их. Но вот уже несколько лет как из-за

бездумной отводки воды и строительства временных плотин каждым мало-мальски разворотливым, но педальноповидным хозяином — директором совхоза, речка обмелела и обезрыбела. Уже нет былых весенних разливов, высыхают бесчисленные озера, не растет трава на ранее превосходных сенокосах. На водопой стада приходится гонять за несколько километров, потому что вода в озерах, не опресняясь весной, становится горькой. По этой же причине обезрыбели и погибают озера Китово и Китова отного. Почему они так называются — уже не помнит никто. Китов там, конечно же, нет. А утка есть. Охота неплохая. Но воду для питья приходится привозить издалека. И такой густой камыш, что без собаки охотиться нельзя. Не найдешь убитую утку. Так что работы Топу хватало. Он не жаловался, не капризничал. По первому приказу продирался сквозь камыш и редко когда возвращался без добычи.

Немного в стороне от Китовых озер есть небольшая, диаметром в выстрел, воронка с ровными, отлогими краями, покрытыми вязкой, черной грязью. Вода поблескивает лишь внизу, в центре. Эта лужа имеет самый безобидный вид, но егерь предупредил, что собаку ни в коем случае туда пускать нельзя. «Трясина. Засыивает...»

Мы старались не посылать Топу в ту сторону. Но однажды раненая чернеть потянула низко над камышом, и Топ, не дожидаясь команды, пошел за ней. Вспомнив про трясину, я стал звать собаку, но напрасно. Надеюсь, что чернеть не дотянет до опасного места, я не сильно спешил, да и, откровенно, не очень верил во все эти страхи. Но, услышав необычный лай Топы, побежал изо всех сил.

Злополучная чернеть все-таки дотянула до ляги и упала в самый центр ее. Топ не раздумывая бросился в грязь и благополучно добрался до утки. Поймал и стал возвращаться назад. Вот тут-то и схватила его трясина. С тяжелым всхлипом Топ еле вырывал лапы из вязкой грязи. И не выдержал — залаял, зовя на помощь.

Когда я подбежал, Топ лежал на боку, на полпути к спасительному берегу, и тяжело дышал. Чернеть лежала рядом. Чем я мог помочь своему другу?

Я закричал, сзывая друзей. Но, услышав мой голос и увидав меня, Топ схватил утку и, с трудом выдирая лапы, двинулся вперед.

— Брось утку! Брось утку, Топ! — закричал я.

Подбежали друзья и стали подбадривать Топа на разные голоса. Я было сунулся навстречу, но на первом же шаге провалился чуть не по пояс и без посторонней помощи выбраться не смог.

Продвинувшись на несколько шагов, Топ опять лег на бок. Дав ему отдохнуть, мы стали кричать:

— Вперед, Топ! Ко мне! Хорошо! Молодец! Еще немного!

Мы видели, с каким трудом дается каждый шаг. А тут еще утка в пасти, мешает дышать.

— Брось утку, Топ! Брось утку!

Но он не понимал моего приказа или не хотел понять. Целых полчаса он полз каких-то тридцать метров. Метр в минуту! Стремительный Топ, который догонял зайца, часами преследовал лося!

Наконец мы смогли дотянуться до него и вытащить на твердое. Он лежал у моих ног, загнанно дыша. Прошло несколько минут, прежде чем он встал, отряхнулся, брызгая нам в лица жирной грязью.

Теперь я знал наверняка, что никогда Топ не сможет бросить утку, потому что это его работа, его жизнь, его предназначение.

* * *

Мой постоянный спутник по рыбалке и охоте Тихоныч очень любил Топа. И тот отвечал ему нежной привязанностью. Стоило только появиться Тихонычу во дворе, как Топ начинал волноваться, радостно повизгивать.

Не сказать, чтоб у Топа был ангельский характер, но Тихонычу он разрешал проделывать с собой такие штучки, на которые любой другой не осмелился бы. На кратковременных привалах Топ служил Тихонычу подушкой, по полчаса высиживал в его охотничьей шляпе. В шляпе Топ выглядел так комично, что мы все покатывались со смеху. Но вот найденную утку Топ нес только мне, не поддаваясь ни на какие уговоры. А когда ему заступали дорогу, пытаясь отнять добычу, он, наверное, вспоминая игру с моим сыном, останавливался, широко расставив лапы, и с любопытством смотрел на хозяина утки. Стоило тому только протянуть руку, как Топ отскакивал в сторону и вновь становился в стойку, поджидая его. Но когда игра начинала надоедать или

противник играл не по правилам, Топ, не выпуская из пасти утку, поднимал верхнюю губу, обнажая клыки, и полным ходом мчался ко мне.

Эта привычка доставляла некоторые неудобства, потому как утку приходилось возвращать, но, с другой стороны, я гордился своей собакой. Отличаемый Топом Тихоныч не раз пытался забрать свою утку — ничего не выходило. И он не на шутку сердился:

— Надо же, шляпой моей пользуется, спит рядом, лаковые кусочки все ему, а мою же утку тебе несет...

— Это у него в крови, — защищал я Топу. — В генах заложено.

— Ничего. Все равно я эти гены переделаю, — обещал Тихоныч.

И на самом деле, вскоре Топ стал отдавать Тихонычу уток. Я долго не мог выяснить причину, а Тихоныч хранил ее в секрете и на расспросы только отшучивался:

— Одна бабушка заклинание мне подсказала. Вот и пользуюсь.

Все раскрылось в конце октября. Обычно в это время резкое похолодание поднимает утку в дальних северных краях на крыло, и у нас, на Алтае, начинается ожидание так называемой «северной» утки. Ожидание это томительно потому, что вдруг среди похолодания разбегутся тяжелые тучи, выглянет яркое солнце и полетит по воздуху серебристая паутина. Снова заголубеет вода и небо. Снова природа подарит несколько погожих теплых дней. Но охотнику такой день не в радость. Бесчисленные стаи тяжелой, сытой утки сразу же прекращают свой полет и падают на огромные озера, где к ним не подступиться. И только когда вновь засеет холодный дождь или сыпанет внезапный снег, утка тронется дальше на юг, радуя охотника низким и бесстрашным полетом.

Мы с Тихонычем ожидали северную утку на озере Шуракша. Стояли неподалеку друг от друга. Погода была холодной, но ни ветра, ни дождя не ожидалось, так что утка летала плохо и мелкими стаями. Вот четыре черные точки стремительно стали снижаться к озеру справа, и после дуплета Тихоныча три шарахнулись в сторону, а четвертый, тяжелый крохаль, упал на воду. Топ пошел за ним, как всегда, стремительно и бесшумно. Но крохаль знаменит еще и тем, что очень хорошо ныряет. Поэтому Топу пришлось нелегко, пока он достал

утку. Уставши, он бежал по берегу, направляясь в мою сторону.

— Топ, ко мне!—вдруг послышался голос Тихоныча.

Я выглянул из-за куста. Топ остановился в своей излюбленной стойке, широко расставив лапы. Но Тихоныч не пытался отнять у него утку. Сделав зверское лицо, он громко гавкнул два раза, потом какой-то подвывающей скороговоркой произнес:

— Топ, тебитоп, тебитоп, трам-та-та-та! Утка моя, отдай ее мне! Топ, тебитоп, тебитоп, тебитоп! Тьфу! Тьфу! Тьфу!

Это была какая-то дикая абракадабра, но, к моему изумлению, Топ осторожно положил утку на землю и отошел в сторону. Тихоныч же, довольнешенек, забрал утку, погладил мимоходом Топа, сунул ему что-то в пасть и стал на свое место.

Потом многие охотники пробовали это заклинание, в точности повторяя слова, — ничего не выходило.

— Гавкаете без чувства... — смеялся Тихоныч.

Но дело, конечно же, не в этом. Просто Топ чувствовал нашу с Тихонычем дружбу и принимал за хозяина и его.

* * *

В горы с Тихонычем мы поехали, когда снег еще был не очень глубок. Имея на руках лицензии на отстрел ко-силь, мы надеялись славно поохотиться.

Вокруг гравийной узкой дороги высятся горы. Косули прячутся на их склонах. Ничего живого не увидели мы, сколько ни вглядывались в деревья, опущенные снегом, в кусты, темнеющие в распадах. Только перед самым райцентром нас остановила большая стая серой куропатки, стая сидела прямо на дороге. Птицы с любопытством поглядывали на нас, но стоило только выйти из машины, как они вспорхнули, недовольными голосами осуждая наше появление.

Назавтра утром мы выехали в горы. Наши проводники, местные охотники, оценивающе поглядывали на Топа и задавали много вопросов — о родословной, по какому зверю с ним можно охотиться, о возрасте, о стойкости такой родовой собаки. Последний вопрос интересовал всех — сколько же стоит Топ?

Я ответил честно:

— Пятьсот рублей.

— Ого! — в один голос воскликнули наши новые знакомые. — Неправда! Таких цен на собак нет.

— Никто не собирается продавать, — поспешил успокоить их я. — Просто по возрасту, экстерьеру, качеству работы Топ застрахован на такую сумму.

— Ну-ну! Знаем мы этих городских собак. Посмотрим на него в деле, — неприязненно заметил один из охотников, угрюмый, небольшого роста парень.

— Если вам и насолили чем-то городские собаки, то Топ ни при чем. И потом он никогда не охотился на косуль. Более того, он их в глаза не видел, — попытался я смягчить его. — И пойдет ли за ними — неизвестно.

— Ему бы только понять, что это дичь, что именно козы нас интересуют, и тогда все будет в порядке, — вступился за Топа Тихоныч. — Честное слово, в делах охоты он — профессор.

Но местные охотники поглядывали на Топа уже совсем недружелюбно. Еще бы, такие деньги стоит, а будет работать, нет ли... Ишь ты! Гусь!

В горных районах вся сложность охоты на косуль — в постоянных подъемах и спусках. Я это очень хорошо понял, потому что к обеду окончательно выбился из сил. Охотиться мы пробовали по-всякому — и загоном по кустарнику на склонах гор, и в засадах на козьих тропах — ничего не помогало. Хотя везде встречались следы, разрытый снег, объединенная трава и помет. Выстрелить не удалось ни разу. Правда, коз мы видели. Время от времени Топ прогонял их по гребню горы, игриво взлаивая, и исчезал вместе с ними.

Тихоныч прятал глаза. Угрюмый злорадно ухмылялся. Я сердился. И было от чего. Привыкнув к ровной местности, да и что там греха таить — к городскому асфальту, мы просто измучились. Подъем казался даже легче, чем спуск. Потому как видишь, что делается под ногами. В крайнем случае можно обойти препятствие или помочь руками. А спуск... Колдобины и кочки прикрыты снегом, тяжесть тела переносится на ногу, которая еще стоит на месте, приседаешь на нее и чувствуешь усталую дрожь мышц. Потом, нащупав другой ногой опору, которая чаще всего оказывается ненадежной, падаешь на мягкое место или на спину, чтобы остановить падение и не загреметь далеко вниз...

Тут уж природой любоваться некогда. Хотя она-то как раз и стоит того. Но... Пот заливает глаза, рубашка

под телогрейкой прилипла к телу, ноги подкашиваются, воздуха не хватает. Ну и охота!

Когда солнце стало клониться к горизонту, мы остановились передохнуть и перекусить. Немного погода подбежал Топ. Был он радостно возбужден и доволен.

— Проголодался? — ласково спросил Тихоныч.

— Кормить не за что, — зло сказал угрюмый. — Мало того, что он всех коз поразогнал, он еще, видите, и проголодался...

— Не понимает он, что нам нужно, вот и бегаёт, играет, — пытался защитить Топ Тихоныч.

— Не берите его тогда с собой. Не на прогулку ехали — на охоту. — По всей видимости, угрюмый вину за сегодняшнюю неудачу решил свалить на Топ. — Все, сегодня больше ничего не будет. Возвращаемся! — сказал и повернул назад к машинам.

Удрученные, мы медленно шли гуськом мимо замшевой скалы, когда Топ, неожиданно бросившись к валунам у ее подножья, выгнал прямо на нас козу. Чей выстрел был счастливым — установить трудно, потому что стреляли все. Топ, ошеломленный, подошел к косуле, тщательно обнюхал ее и пошел прочь, держа нос против ветра.

— Ребята, приготовьтесь, — шепотом предупредил Тихоныч. — Сейчас профессор покажет класс.

И хотя недоверие читалось в глазах местных охотников, все же они перезарядили ружья и засели в кустах. Не прошло и десяти минут, как Топ подогнал под выстрел двух косуль. Потом еще одну...

Нам уже нельзя было стрелять — кончились лицензии, а он, словно мстя за недоверие, все подгонял и подгонял новых...

— Ну, может, не профессор и не стоит таких денег, — начал угрюмый, сняв шапку и почесывая мокрый затылок. — Да уж ладно, плачу за него пятьсот рублей. Оставляйте собаку.

— Вы меня неправильно поняли, — попытался объяснить я. — Собака не продается.

— Ладно скромничать. Набавлю еще сотню. Дома отдам, только придем. По рукам?! — горячо воскликнул он.

— Да нет же...

— Ну восемьсот! У соседа займу... — продолжал он набавлять цену, не понимая, что друзья не продаются.

Я был в отпуске, в отдаленном горном селении. Здесь в окружении снеговых гор все было размеренно и тихо. Иногда, правда, спускались откуда-то сверху метели, но это были не городские — пронизывающие, слепящие глаза снегом, а спокойные, с торжественным шумом вековых кедров. Их даже трудно назвать метелями, просто снег кружил немного быстрее, чем всегда.

Я рассчитывал, что при обилии дичи в здешних местах отлично поохочусь. Но увы! На меня вдруг накатил такой писательский голод, что я почти не выходил из-за письменного стола. Топ лежал у моих ног и откровенно скучал.

Я мысленно извинялся перед ним, но ничего с собой поделать не мог.

Наконец, закончив повесть, я разрешил себе размяться. Выпросив у бригадира коня под седлом, взял ружье и крикнул Топу. Бригадир, держась за стремя, уговаривал меня:

— Не ездил бы. Скоро банька поспеет. А? А то в горах сейчас опасно... Лесорубы трех медведей подняли из берлоги. Медведицу с годовалым, да самого... Само-го! — он многозначительно поднимал указательный палец. — А он, сам-то, шутить не любит. С ним встречаться — врагу не пожелаешь. Он-то городских сразу распознает.

Нет. Настроение у меня было превосходное, хотелось вольного воздуха, простора. И эти маленькие домики, занесенные снегом, которыми я так умилялся, теперь давили меня. Да и Топ замерз, ожидаючи. Я тронул поводья. Бригадир отпустил стремя. Топ радостно бросился вперед. Застоявшийся конь с места взял рысью.

Охотничья тропа шла по берегу речушки, которая узенькой лентой вилась, раздвигая горы, иногда скованная льдом, иногда тоненько звеня по камням и паря открытой водой. Трудно верилось, что вот эта махонькая речка с поэтическим названием Шебета могла, пусть за столетия, проточить камень, пробраться сквозь многочисленные буреломы и завалы. Я долго ехал вдоль нее, замечая на белом, не испачканном заводской сажой, снегу следы норки. Маленькие кошачьи лапки четко отпечатались и словно кружевная цепочка тянулись по обоям берегам реки, исчезая у перекатов, где обладательница

драгоценного меха заходила в воду, чтобы полакомиться хариусами.

Потом тропинка отвернула в сторону и круто пошла вверх, в гору. Топ бежал впереди. Подъем стал круче. Конь пошел тише. Я смотрел на заснеженные громады кедров, на следы зверей, то и дело пересекающих тропу, и радовался их обилию.

Наконец мы взошли на вершину. Вокруг, сколько хватало глаз, виднелись горы...

Я слез с седла и, чтобы размяться, пошел пешком. Ноги с непривычки гудели, да и коню нужно было дать отдохнуть. Шея его стала темной от пота.

Топ убежал вперед. А я медленно, ведя на поводу коня, пошел по тропе. Ружье висело за спиной, да, честно говоря, не очень хотелось и стрелять, нарушать торжественную, безмятежную тишину. Вдруг конь всхрапнул и рванул повод из моих рук, да так, что я еле удержал его.

Конь встал, высоко задрал голову, и, присев на задние ноги, туго натягивал повод. Испуганные глаза налились кровью. Я посмотрел вокруг — ничего подозрительного. Попробовал одной рукой снять со спины ружье, но оно зацепилось за хлястик телогрейки. Конь начал пятиться, и я, уже не в силах удержать его, невольно сделал несколько шагов за ним. И вдруг из-за вывороченного комля громадного кедра прыгнул бурый зверь, и рев потряс тишину. Я выпустил повод, рванул ружье. Медведь был от меня уже в каких-то десяти метрах. Бежать было некуда. Снегу по колено. Конь умчался, да и на нем вряд ли ускачешь от такого зверя, того и гляди в ущелье свалишься да шею свернешь. Естественно, эти мысли мне пришли в голову потом, после. А сейчас я видел широкую, лобастую голову, горящие злобой глаза, слышал хриплое дыхание зверя. И не выдержал, кинулся в сторону, но тут же упал, споткнувшись о валежник. Что-то промелькнуло мимо меня. Потом раздался яростный рев медведя, и я увидел, как он старается схватить неизвестно откуда взявшегося Топу.

Топ наскакивал на зверя сзади и трепалого так, что клочьями летела шерсть. Медведь старался достать его лапой. Я схватил ружье, обтер со стволов снег.

Удобно расставив ноги, как на стрельбище, я вскинул ружье. Но стрелять было нельзя. Медведь быстро поворачивался на месте, и Топ то и дело попадал на мушку.

— Топ! — закричал я. — Ко мне!

При звуке моего голоса медведь рванулся и вдруг исчез. А следом за ним и Топ. Я потрянул головой — никого! Взметенная снежная пыль медленно оседала, да откуда-то донесся то ли лай, то ли стон. Держа ружье наготове, я подбежал к тому месту, где несколько минут назад сошлись в смертельной схватке дикий зверь и мой Топ. Встав на выступ, я заглянул вниз, в обрыв. Сверху сильно хромающий медведь показался маленьким и совсем не страшным. Топу, наверное, тоже досталось, потому что он не пытался остановить медведя, а следовал сзади, изредка взлаивая.

— Топ! Ко мне! Ко мне, Топ! — позвал я и выстрелил.

Услыхав выстрел, медведь забавно подкинул зад, прибавил ходу и исчез в березняке.

Послышались голоса, на тропе показался бригадир и с ним еще четверо мужиков. Все держали наготове ружья и, видать, спешили здорово. Пар так и клубился от их коней.

— Живой?! — обрадованно закричал бригадир. Ко-ни горячились, чуя медвежий дух.

Бригадир слез с седла, подошел, стряхнул с моей одежды снег и улыбнулся

— В рубашке ты родился, паря! А ведь я тебя предупреждал. Сам — хозяин, сразу городских распознает, — бригадир вновь значительно поднял палец и, подытоживая, сказал решительно: — Поехали домой!

— Погоди, — остановил его я. — Надо найти Топ.

— Да вот же он!

Я обернулся. Топ сидел на снегу неподалеку от меня и зализывал рану на бедре. Я подошел, хотел опуститься на колени, обнять его, но постеснялся посторонних.

— Обездчик мне сказал — вчера еле ушел от этого медведя. И в этом же месте. Вот мы за тобой и погнались. Малость не успели, — весело улыбаясь сказал бригадир. — А я ведь тебе, паря, говорил: баньку спроворим. Не послушал, — и, теребя поводья, добавил: — Банька-то уж поспела. Давай быстрее!

Я погладил еще дрожащего коня и вдел ногу в стремя.

НА УТИНОМ ПЕРЕЛЕТЕ

Мы стояли на перешейке между озерами Шипуновским и Шуракшей на утином перелете. Вечер был теплый, и утка не летала.

Мы жаждали непогоды — пусть дождь, пусть снег, пусть сильный ветер... Только тогда бесчисленные стаи северной утки тронутся дальше и зададут работу нашим ружьям.

Сегодня ждать больше нечего. Мы разрядили ружья и пошли к палатке. Говорить не хотелось. Мой друг и постоянный спутник по охоте и рыбалке Василий Тихонович Тучков, или просто Тихоныч, принялся разводить костер. Огонь бойко охватил заранее припасенные сухие ветки, заплясал под котелком с водой, вылизывая его черные от сажи бока и бросая красноватые блики на морщинистое лицо нашего третьего компаньона — егеря Бабаева.

У моих ног примостился молодой курцхаар Топ. Набегавшись за день, он быстро задремал, изредка взвизгивая во сне. Наверно, ему снились выстрелы, утки... Я нечаянно дотронулся до него рукой, он сразу же проснулся, завилял своим куцым хвостом, посмотрел на меня блестящими глазами. Но вдруг весь напрягся, полуобернувшись в сторону озера.

— Вперед! — приказал я, и Топ рванулся в темноту.

— Колонка учуял, наверное, — спокойно сказал егерь. — Много их здесь...

Топ скоро вернулся к костру, со смущенным вздохом снова улегся у моих ног.

— Что? — усмехнулся я. — Не догнал?

— Еще бы, топает, как слон, все в округе разбегается, — любовно поглядывая на нашего незаменимого помощника, сказал Тихоныч.

— Хорошая собака, — похвалил и егерь. — Крупная, мощная, через любой камыш спокойно идет... — и, помолчав, вдруг добавил: — Только кончают они всегда плохо.

— Кто? — не понял я.

— Хорошие собаки.

— Брось ты, Михаил Григорьевич, — запротестовал Тихоныч, насмешливо улыбаясь. — К чему на ночь глядя да такие страсти...

А меня заинтересовало категорическое заявление егеря. И я, чтобы подтолкнуть его на рассказ, нарочито зевая, произнес:

— Эхе-хе! Не пугай нас, дорогой Михаил Григорьевич. Все эти бабушкины сказки нам давно известны.

— Что? Бабушкины сказки?! — загорячился егерь, мелко подергивая головой. Когда он нервничал, фронтальная контузия напоминала о себе. — Вот я вам сейчас расскажу про один случай... Вот, говорят, из-за знаменитых алмазов убийства да войны бывают. Не только из-за них. Из-за хороших собак тоже. Сколько несчастий и переживаний...

— Ты не философствуй, — сказал строго Тихоныч, засыпая заварку в котелок. — Начал, так рассказывай про свой случай.

— Ладно, слушайте, а то ишь... — егерь хотел по привычке поспорить с Тихонычем, но, заметив мой укоризненный взгляд, перешел к рассказу:

— Когда с фронта вернулся, пришлось поработать мне лесным объездчиком — врачи советовали. И приехал к нам в село новый учитель, тоже фронтовик. Небольшого росточка, худосочный, в чем только душа держится, да еще и в очках. Одним словом — интеллигент. Прибыл прямиком из Германии. Из действующих частей. Тоже искалеченный, но радостный, возбужденный. Да все мы такими были. Все, кто с войны живым вырвался. — Егерь взял кружку из рук Тихоныча, подул в нее и, не отпив ни глотка, продолжил: — И привез он из Германии не перины и ковры, не зеркала и пианино, что частенько бывало, нечего греха таить... А привез он собаку, вот на вашу мастью смахивает сильно. Не помню уж, какая-то такая легавая, но то, что из Германии, это точно.

Поначалу его у нас на смех подняли. Ведь в Сибири сроду охоту на всяких там бекасов да и на уток баловством считали. А если для баловства еще и собаку везти за тысячи километров, тогда кто ты? Сумасшедший. Ну, может, не совсем, но чокнутый — точно. Хоть по всему видать, неплохой он человек был, но думали о нем примерно так. Правда, после первого же года мненше

изменилось. Собака-то оказалась универсальной. Что там по утке, по косачу, по глухарю шла... Лося мертво держала. Одна! Ло-ося-я!

За войну собаки хорошие повывелись. Помешались с дворнягами так, что не поймешь, каких кровей.

Вот охотники и потянулись к учителю. Некоторые, понятно, заводили разговор о продаже собаки. Да зря! Потому как собака для настоящего охотника — это что жена... Недаром им имена человеческие дают... Да охотник, ежели он...

— Вот привычка дурная... — возмущенно всплеснул руками Тихоныч. — Ты про что начал рассказывать?

— А я про что?! — вскинулся егерь и замолчал, обижено поджав губы.

Я сердито глянул на Тихоныча и предложил егерю чай погорячее.

— Нет, спасибо, — сказал тот и не преминул пожаловаться: — Чего он? Я же от всей души...

— Не обращай внимания, — попытался успокоить его я. — Чего ты от него хочешь? Главный инженер. Технарь по образованию. И душа у него уже железная. И чувства человеческие он только по чертежам разбирает.

Тихоныч не понял шутки и засопел. А егерь, удовлетворенный моим заступничеством, продолжил:

— Это сейчас у каждого машина... А тогда на все село, на весь колхоз одна была — «студебеккер». Шофер — мужик рослый, как говорят, косая сажень в плечах... Вечно под хмельком, балованный всеми... А как же — незаменимый человек в селе... Он тоже приставал к учителю насчет собаки, чтобы купить... Да бесполезно все...

И вот раз поехали мы с учителем на этом «студебеккере» в лес выбирать делянку для рубки дров. Заготавливали сами. Делянки громадные... На выбор рубили, не все подряд, как нынче...

— Ты опять про дрова... — не выдержал снова Тихоныч.

— Про собаку я, — спохватился егерь. — Взяли мы ее с собой. А день жаркий... Набегалась она, пока мы осматривали да обмеряли делянку, и легла под машину. А задний борт открыт был. Сухостой мы хотели грузить. Вдруг шофер от нас боком-боком и бегом к машине. Мы стоим, не пойдем, в чем дело. А он, подлец, машину за-

вел да ка-ак дернет! Борт задний от рывка поднялся. Собака вскочила. А он и опустил ее прямо на голову. Даже завизжать не смогла, бедняжка. Упала, вскочила и ходу.

Учитель побелел весь, подскочил к шоферу, кулачки сжал и шепотом спрашивает:

— Ты что наделал?

А тот:

— Не хотел продать, так теперь не мне, но и не тебе. — И грудь выпятил, она как раз на уровне плеч учителя прилась.

И учитель не ударил. Не смог он. Воспитание не позволило. Ударил я. Головой в живот ударил. Как, бывало на фронте, в разведке... Этот гад согнулся, задыхается, а я его же мордой да об свое колено... На, сволочь! На! Шофер вырвался от меня да в бега. Нервный я тогда был, после контузии еще не отошел, — добавил егерь оправдываясь.

Я удивленно посмотрел на него, на его устало опущенные плечи и спросил:

— А если бы не после контузии, то не ударил бы?..

Егерь вскинул голову и улыбнулся открыто.

— Ударил бы! Да я бы за это и сейчас... — И, словно устыдившись, продолжил: — Завели мы машину и домой. Приезжаем — точно, собака уже здесь. Язык как высунула еще до удара, так он и висит, из морды кости торчат во все стороны. Ни есть, ни пить... Позвали ветеринара, тот только руками развел...

Пока надежда была, учитель бегал, суетился. А тут сел на крыльцо, руками лицо зажал и говорит невнятно так, тихо:

— Миша, не надо, чтобы она мучилась.

Тогда я помоложе был, сердцем покрепче. Взял собаку на поводок. За ружьем зашел и повел к оврагу. Верите, все она понимала. Абсолютно все!

Не убегала, не рвалась. Просто стояла и смотрела... Вот такой, понимаешь, случай.

Тихонич молча пил чай. Топ сучил лапами во сне и тоненько взвизгивал. Из-за горизонта поднималась полная луна, предвещающая и назавтра опять хорошую погоду...

МУДРОЕ РЕШЕНИЕ

—
I
Они оба уходили от нее. Уходили в разные стороны. У мальчика шаги были неровные. Он то замедлял, то ускорял их. Спину держал прямо, напряженно, круглая голова с выгоревшими добела вихрами и оттопыренными ушами подергивалась в такт шагам. Руки мальчика были заложены за спину, и пальцы призывно шевелились.

Старик уходил тяжелой ровной походкой. Одной рукой он слабо взмахивал, вторую держал на поясице.

Собака переводила встревоженный взгляд со спины мальчика на сгорбленную спину старика. Ни тот, ни другой не звали ее, не оборачивались на ее тоскливое повизгивание, а уходили все дальше. И тогда она подала голос:

— Гав! — Лай был негромкий, вопросительный. И собака, наклонив набок голову и насторожив уши, ждала, как поведут себя люди.

Старик продолжал идти вперед. Но спина мальчика дрогнула, он словно споткнулся, на какое-то мгновение задержал шаг, и, заметив это, собака в несколько прыжков догнала его, схватила за штанину и униженно завиляла хвостом. Мальчик, украдкой оглянувшись на старика, коснулся будто невзначай головы собаки и продолжал идти.

Тогда собака кинулась за стариком. Забежала вперед, стала на дороге, заглядывая ему в глаза. Старик упорно не смотрел на нее. Тогда собака залаяла громко, требовательно. Старик обошел ее, как столб, и, кривя губы, прошептал:

— Место! Где место?!

Собака бросилась обратно. Она остановилась там, где только что, всего несколько минут назад, стояли они все трое. И где сначала старик, а затем мальчик приказали ей:

— Сидеть здесь! Место! Место!

Собака чувствовала, что это не обычная команда. Обычную она бы исполнила весело, с радостью. Нет, люди чего-то ждут от нее, ждут решения какой-то сложной задачи. Но собака не понимала условия этой задачи и считала, что люди сердятся на нее за то, что слушалась команды. Поэтому тщательно обнюхала землю, которая еще хранила запахи мальчика и старика. Села. Но что-то тревожило ее. Ведь мальчик и старик уходили, почему же она должна оставаться здесь?

II

Мальчик звал собаку Джульбарс. Ее подарили ему месячным щенком на день рождения. Щенок был толстый, косолапый и очень серьезный. Такой серьезный, что, когда с ним играли, он сначала упорно сопел, кряхтел, а потом начинал рычать и кусаться. Очевидно, из-за такого характера он плохо поддавался дрессировке, и мальчику пришлось много трудиться, прежде чем Джульбарс стал выполнять обязательные команды.

Пока мальчику все это было в охотку, он каждую свободную минуту проводил с Джульбарсом. Потом ему надоело, и он забросил все занятия, предоставив собаку самой себе.

Рос Джульбарс быстро и вскоре превратился в красивого пса со стоячими ушами и лихо закрученным хвостом, ярко-рыжего с черными ворсинками. Хозяина Джульбарс любил беззаветно. Правда, тот часто забывал покормить своего четвероногого друга, но Джульбарс как-то ухитрялся прокормиться сам.

А вообще Джульбарс был от молодости еще глупым псом. Из-за своей глупости он и попал в эту неприятную историю.

Ни разу Джульбарс не расставался с хозяином больше чем на одну ночь. Поэтому, когда вдруг орава ребятшек с чемоданами и вещмешками повалила к автобусу, он тоже было сунулся, но его грубо оттолкнули. Тогда Джульбарс помчался за автобусом, чихая и кашляя от пыли. У него не хватило смекалки отстать, переждать пыль. Он видел, что его хозяина увозят куда-то, и бросился сломя голову выручать.

Может, он и добежал бы до пионерского лагеря, но в конце поселка невидимый за пылью грузовик ударил его передним колесом, да так сильно, что пес, отброшенный к обочине, остался лежать неподвижно.

Все, кто проходил мимо, считали, что собака убита машинной. Мало ли их гибнет на дорогах?!

Но Джульбарс был жив. Чуть слышно поскуливая, он отполз подальше от дороги и залез в первую же попавшуюся дыру в заборе.

III

Старик нашел Джульбарса в своем саду под кустом смородины. Осмотрел его, хмуря брови, осторожно под-сунул под голову руку и только начал приподнимать, как собака тонко взвизгнула, и сразу же из-за соседнего за-бора донесся голос:

— Здравствуй, сосед. С прибылью тебя.

Старик не посмотрел на голос, не до этого было, только буркнул что-то в ответ. Поднял раненую собаку на вытянутых руках и, медленно ступая, понес в дом. Там он уложил ее на мягкую подстилку и вышел на улицу, чтобы идти за ветеринаром. За калиткой его поджидал сосед.

Был он примерно одинаковых лет со стариком, но бравый, розовощекий. В поселок перебрался всего месяц назад из города. Купил по соседству добротный, почти новый дом, стал называть его дачей. Нанял рабочих строить гараж и рубить баню. Чувствовалось, что обосновывается сосед прочно. Был он приветлив, улыбчив, и старик ничего не имел против него. Ему стало неловко от того, что не ответил на приветствие там, в саду. Но сосед как будто не обиделся, наоборот, весело улыбаясь, он придержал старика за локоть:

— Мне бы собаку посмотреть...

— А ты что — ветеринар?

— Нет, шкура у нее сильно приметная. Рыжая с темным. Редкий окрас. Давно я ее облюбовал.

— Ну и что? — не понял старик.

— Унты я зятю обещал, собачьи. Одна шкура такого расцвета у меня есть, да одной мало...

— Ты чего? — ошолбенел старик. — Собака-то живая...

— Долго ли... Молоточком по темечку... И отмучилась... А я бы на пол-литра дал...

Старик глянул так, что сосед, пятясь назад, заспешил к дому.

Долго и трогательно старик ухаживал за собакой, сам бинтовал, стягивал повязку, чтобы правильно срос-

лись ребра, кормил костным бульоном... Она привыкла и к старику, и к своему новому имени — Шарик.

Шарик поправился. Шерсть его опять заблестела и в лучах солнца отсвечивала красным. Ходил он еще прихрамывая, но был уже весел. Ластился к старику, охотно выполнял его команды. И вот, когда, кажется, все наладилось, встало на свои места, во двор к старику пришел мальчик.

IV

Мальчик вернулся из пионерского лагеря и, узнав, что пропал Джульбарс, поплакал немного, погоревал и скоро, наверное, забыл бы о нем, если бы не тот одноклассник, который подарил ему щенка. Он видел Джульбарса у старика во дворе и сказал об этом мальчику. И мальчик, полный решимости защищать свои права, пришел к старику.

Собака сразу же узнала первого хозяина и бросилась к нему с радостным визгом. Теперь она была счастлива как никогда — ведь она любила их обоих.

Но старик с мальчиком долго спорили, громко разговаривали. Мальчик размахивал руками, старик недовольно хмурил брови.

Мальчик доказывал, что собака его, гладил ее, называл Джульбарсом, целовал в морду.

Старик говорил, что если бы он не подобрал собаку, не вылечил ее, она бы сдохла. И повелительным тоном приказывал:

— Шарик, ко мне! Место! — и показывал рядом с собой.

Собака волновалась, бегала от одного хозяина к другому, заглядывала в глаза, ласкалась, скулила.

Спор людей ни к чему не привел. Каждый оставался при своем мнении. И тогда старик предложил мудрое решение — пусть собака сама выберет, с кем будет жить, пусть сама определит хозяина.

Для этого люди вывели собаку за поселок, вот на этот пригорок, примерно на одинаковое расстояние от своих домов, и приказали ей сидеть. А сами ушли, решив: к кому прибежит собака, тот и будет хозяином.

Старик не без основания полагал, что Шарик придет к нему, потому что он лечил его, спас от смерти, и память о нем самая свежая...

Мальчик надеялся на то, что первый хозяин собаки все-таки он, первый и, значит, настоящий.

А собака?

Долго собака скулила за поселком. А потом замолчала.

К мальчику Джульбарс не пришел, и мальчик не пошел искать, полагая, что собака предпочла старика.

Но и к старику Шарик не пришел. И старик не пошел искать. Он посчитал, что собака изменила ему.

Больше этой собаки никто не видел.

А на Новый год к соседу старика приехал зять. Приехал в ботинках, а уезжал в шикарных унтах, ярко-рыжих с черными ворсинками.

Большая рыжая лосиха, тяжело поводя раздутыми боками, продирается через кустарник. Разжиженная весенним теплом земля всхлипывает под копытами. Из-под почерневших островков снега ручейки натекли в глубокую промоину. У промоины лосиха замедлила шаг, напряглась, но прыгнуть не решилась, отвернула круто и пошла стороной. Долгий путь утомил ее, но инстинкт гнал в одно ей известное место, где солнечное тепло растопило остатки снега, где уже щетинилась зеленая травка и где меньше опасности для ее будущего малыша.

Осторожно, чтобы не скользнуть по намокшей земле, лосиха выходит на поляну. Она долго и внимательно оглядывается, слушает. Поляна небольшая, пятнистая от старой травы, с трех сторон огорожена частоколом смолистых сосен. Четвертую сторону, плавно уходящую вниз, покрывает пахучий ельник. Есть где порезвиться, а в случае опасности и спрятаться маленькому лосенку.

Весна незаметно делает свое дело. Хлопочут птицы, устраивая свои гнезда. Бурундук торопливо снует по старой листве в поисках съедобного. Белка вылезла из дупла, оглянулась и вдруг, словно устыдившись своей линялой шкурки, юркнула обратно.

А вот и маленький лосенок! Только появившись на свет, он уже пытается подняться на ноги и не может. Мать-лосиха старательно лижет его короткую коричневую шерстку. Лосенок уперся задними ногами в землю, приподнялся и снова упал. Маленький он, еще слабый. Но мать не оставляет его в покое — подталкивает, торопит. И он старается подняться. Вот почти встал, но голова перевешивает, и он падает на бок. Мать фыркает ему в ноздри, топчется около и все лижет, лижет, массируя вялые еще мышцы. Наконец лосенок встает и, держа от напряжения, принимает к материнскому вымени. Наевшись, он сразу веселеет и хочет снова лечь, но мать

осторожно теснит его к ельнику. Сойка вылетела на поляну, уселась на ветке и уставилась удивленно на лосенка. И есть чему удивляться: лосенок-то смешней смешного— туловище куцое, из него ноги-спички торчат, хвоста нет, шея короткая. А голова! Уши длинные, широкие, как лопухи. Крыльев и в помине нету. Сойка долго рассматривала лосенка. Нет, крыльев нету — ну и уродина. Тут сойку что-то отвлекло от лосенка, она затревожилась, закричала.

И лосиха вдруг напряглась, запрядала ушами. Лосенок потянулся к ней, но она сердито мотнула головой — он лег на землю, и его коричневая шкурка слилась с пожухлыми прошлогодними листьями. Лежит, притаился, ждет разрешающего сигнала матери.

Неподалеку треснула ветка, и лосиха медленно двинулась прочь. Лосенок замер. Он, кажется, даже перестал дышать. Вдруг раздался грохот, придавил к земле, оглушил эхом, шарахнулся от сосен. Мать-лосиха качнулась, передние ноги подломились, и она тяжело упала на бок.

Воздух стал едким, горьким...

II

Лосенок лежал долго. Совсем близко метались какие-то тени, в носу щекотали неведомые запахи, уши ловили угрожающий шум.

Наконец стихло все. Но разрешающего сигнала матери не было. Время шло. Лосенок замерз и проголодался. Он поднялся и медленно пошел, изредка бросая призывный клич: «Ы-ым! Ы-ым!»

Но мать не откликалась. Ее не было на поляне, потому что даже запах ее с трудом улавливался, мешаясь с сильным запахом крови.

Долго лосенок брел по лесу, спотыкаясь и падая, пока не вышел на поляну, похожую на ту, где были они с матерью. Он прилег, почти упал, на жухлую траву.

Приближалась ночь. Стало холоднее. Силы совсем оставили лосенка, и он лишь изредка поднимал голову и бросал во враждебное пространство короткий крик о помощи: «Ы-ым! Ы-ым!»

И этот зов слышали.

Два лесоруба, два друга, Николай и Василий, возвращались из поселка к себе на кордон. Семь километров дороги позади, и Василий уже было завел песню,

как вдруг шедший впереди Николай резко остановился.

— Ты чего? — удивился Василий.

— Тихо, лосенок где-то.

— Ха! Знаменитый охотник. Откуда такие сведения?

— Крикнул он тут, неподалеку.

И они оба замерли вслушиваясь.

«Ы-ым!»

Долго бродили друзья по поляне, пока крик лосенка не раздался совсем рядом. Лосенок так ослаб, что даже, завидя людей, не смог подняться.

— Что делать будем? — спросил Николай. — Ведь совсем слабый еще. Пропадет. Видать, матку у него убили. А ему молока сейчас нужно. Молоко где взять?

Лосенок лежал на быстро остывающей земле, дрожал всем телом и не знал, что решается его судьба.

— Молоко где взять? — переспросил Василий. — Грузи лосенка себе на горб и тащи обратно семь километров до поселка. И если он у тебя по дороге не сдохнет, то охотовед, может, и поднимет его на ноги. Он, говорят, в этих вопросах здорово разбирается.

— А что — идея! — обрадовался Николай.

— Не дури, — старался урезонить его Василий. — Куда тебя понесет в такую даль. Да и уж совсем стемнялось. Брось ты его. Пошли лучше домой. — Но увидав, что Николай взвалил лосенка на плечи и зашагал в сторону поселка, плюнул с досады, чертыхнулся, но пошел следом.

III

В поселок друзья пришли глубокой ночью. Долго с охотоведом растирали изю всех сих лосенка полотенцем, поили его подогретым молоком.

А утром Маринка, внучка охотоведа, только проснулась и сразу к бабушке на кухню — шлеп, шлеп босыми ногами. Открыла дверь да так и замерла на пороге.

— Баба, это теленок? — почему-то шепотом спросила она.

— Нет, маленькая, это лосенок.

— Лосенок?! А глаза большущие, как у филина. Да, баба? Баба, а как его зовут?

— Не знаю.

— Деда! Деда! — зазвенел Маринкин голосок на весь дом. — Как лосеночка...

— Не кричи. Нет деда. В лесу он. Мать лосеночка ищет. А его как хочешь, так и назови. Как тебе понравится.

Маринка задумалась, подошла к лосенку, боязливо притронулась к его спине:

— Баба, а можно я его Филей назову? У наших соседей кот Филя, красивый. А у лосенка глаза большие... Филя, Филя.

Так маленький сирота-лосенок приобрел имя и покровителей. Правда, первое время все было слишком шумно. Особенно досаждала Маринка. Потом Маринку забрали родители, и Филька остался один. Охотовед с женой утром уходили на работу. Во двор Фильку не пускали, и ему приходилось целый день коротать на кухне. Правда, в доме еще оставался кот Васька, но они как-то не сдружились. И не Филькина вина, что кот Васька при виде его дыбил шерсть, начинал фыркать, а потом заводил какую-то грозную песню. Почему он так делал? Ведь Филька не желал ему ничего плохого. Наоборот, в знак дружеского расположения он как-то успел лизнуть кота, но тот цапнул лосенка по нежному носу, а сам рванулся по гардине к потолку, крича дурным голосом. Филька с интересом наблюдал дальнейшее развитие событий. Гардина же, конечно, Васькиного веса не выдержала и упала, при этом карниз ударил по вазе, стоящей на тумбочке. Ваза разбилась. Перепугавшись этого грохота, кот Васька рванулся на сервант. Зазвенели фужеры, тарелки, чашки...

Филька спервоначалу тоже испугался, а потом этот звук ему понравился и он нет-нет да толкал сервант мордой, при этом кот Васька, находившийся наверху, отчаянно орал.

Вечером Фильке попало от хозяйки. После этого случая Филька на кота разобиделся страшно и уже никогда не делал попыток подружиться с ним, да к тому же царапина на носу долго не заживала. Кот Васька тоже никак не мог примириться с тем, что в его владениях появился незванный гость. Он следил за каждым движением лосенка, а когда тот подходил близко, шипел.

Филька проверял кастрюли, тыкался мокрым носом в холодильник, скользил копытами по им же сделанной луже, мусолил губами известковые стены и наконец ложился на сухое место мордой к двери в ожидании своей кормилицы — хозяйки.

Прошла неделя, и Фильку вывели во двор. Двор большой, с летней кухней, с сараем, откуда так знакомо пахнет молоком. Филька сразу же направился туда, но из-под ног с кудахтаньем вылетели куры. Филька испуганно рванулся и чуть не налетел на гусака, который сердито зашипел и ущипнул его за ногу.

Обрадованный было тем, что наконец-то покинул тесную кухню, Филька вновь приуныл. Во дворе у него тоже не находилось друзей.

И все-таки во дворе было веселее и свободнее. Да и ноги не разъезжались как на твердом полу кухни. За день Филька успел обследовать все углы. А вечером во двор зашла корова. Филька со всех ног кинулся к ней и чуть не угодил на выставленные рога. Корова тоже отказывалась с ним дружить. Хуже того — она яростно бросилась за ним в погоню, и бедному лосенку пришлось метаться по двору в поисках спасения, пока подоспевшие хозяйка и охотовед не загнали корову в сарай.

Почему даже корова, похожая на его мать, не хочет дружить с ним, а ведь от нее так соблазнительно пахнет молоком? Филька подошел к сараю, потыкался носом в щели, из которых густо шел коровий дух, и заискивающе протянул: «Ы-ым!»

В ответ послышался яростный рев, звон опрокинутого подойника и испуганный вскрик. Немного погодя из сарая вышла расстроенная хозяйка. Филька радостно кинулся к ней. Он лизнул ей руку, запустил морду в подойник, но, увы, там ничего не было.

— Эх ты, дурашка, — потрепала его по горбоносой морде хозяйка. — Не нужно было подходить к сараю. Теперь видишь — пусто. — Она поднесла подойник к морде лосенка, и тот, еще раз обследовав его, уныло протянул: «Ы-ым!»

— Вот тебе и «ы-ым!» Придется к соседям за молоком идти.

Шло время, Филька подрос и привык к своему положению. Он теперь дневал и ночевал во дворе, который изучил хорошо. На задах двора плескалось большое озеро, от которого пахло тиной и сыростью. На одной стороне стояли такие же, как у охотоведа, дом, сарай, за-

бор, только жили там совсем другие люди. К воротам Филька боялся подходить, за ними всегда было шумно— по дороге проезжали машины, от которых остро воняло. Машины очень пугали лосенка. Фильке больше всего нравилось стоять у забора, за которым тянулся невысокий кустарник, а дальше начинался лес.

Что привлекало его сюда? Почему именно здесь он искал лазейку в заборе? Отчего так нервно переступали его ноги и пронзительно блестели глаза, когда он смотрел в сторону леса? Ведь лес, который он узнал в первый день своей жизни, не принес ему ничего, кроме неприятностей...

Друзей у Фильки теперь много. Вся поселковая ребятня сбегалась к дому охотоведа. Каждый тащил с собой какое-то лакомство.

Филька поначалу относился подозрительно ко всем приношениям, но в конце концов сумел разобраться и в конфетах, и в печенье, и в других вкусных вещах. Вот только колбасу он не ел и удивлялся, как его друзья могут есть такую гадость. Филька округлился, похорошел, шерсть его заблестела. Жилось ему вольготно. Корова привыкла к его существованию. А на кур и гусей он просто не обращал внимания. Лишь лошадь охотоведа страшно ненавидела лосенка. Увидев, начинала храпеть и всегда старалась укусить или лягнуть. Правда, лошадь дома бывала редко и со всем этим можно было мириться, но на Фильку стала нападать тоска. Когда от леса дул ветерок, Филька начинал метаться у изгороди. Он тыкался носом в щели, бился грудью о твердые жердны и тянул жалобно: «Ы-ым! Ы-м!»

Однажды мальчишки не выдержали. Воспользовавшись тем, что ни охотоведа, ни его жены не было дома, они сделали дыру в заборе, Филька смело шагнул на волю. Ребята поспешили за ним. Дойдя до леса, Филька остановился и долго принюхивался, широко раздувая ноздри. По его шкуре пробежала дрожь.

Мальчишки, стоя неподалеку, внимательно наблюдали. Вот лосенок осторожно потянулся мордой к молодой березке, схватил губами тонкую веточку, помусолил ее и выпустил. Ветка качнулась раз, другой и замерла, чуть подрагивая помятыми мокрыми листочками. Фильке это понравилось. Он снова дернул ветку, потом еще, еще... Чувствовалось, что леса он не боится, хотя и держится настороже. Сердитая сойка свалилась с неба и, присев

на куст, стрекотнула приветствие лосенку, но, увидав сзади него целую кучу мальчишек, крикнула громко и улетила.

Долго ходили мальчишки за Филькой по лесу, а к вечеру он вдруг сам, без всякого принуждения повернул назад, к поселку. Дом охотоведа Филька нашел безошибочно.

С той поры прогулки по лесу стали повторяться каждый день. Охотовед узнал об этом сразу, но не ругал ребят, а просто попросил выпускать Фильку через калитку. Однако тут-то и начались неожиданные трудности. Филька не хотел выходить через калитку. Может быть, потому, что мимо нее, по улице, часто проезжали автомобили, а может, просто понравилось место, где он впервые шагнул на волю? Как ни бились мальчишки, как ни соблазняли лакомствами, а вынуждены были отступить. Филька уходил в лес через дыру в заборе, а возвращался через калитку.

Так продолжалось месяц. Но однажды Филька здорово напугал и ребят и охотоведа. Возвращаясь из лесу уже под вечер, Филька встретился с небольшим косяком леспромхозовских лошадей, которых выпустили на вольную травку на ночь. Ребята еще не успели и подумать о плохом, как лошади, словно по команде, кинулись к Фильке, тот вовремя заметил опасность, и со всех ног — к лесу. Лошади — в погоню. Ребята, беспокоясь за своего любимца, побежали наперерез. Да куда там! И Филька, и его преследователи вскоре скрылись за деревьями.

Долго ребята ходили по лесу, однако ни Фильки, ни лошадей не нашли. Не пришел Филька к дому охотоведа и за своей порцией молока.

— Пропал Филька. Убили его лошади, — печалились ребята. Охотовед как мог успокаивал их, но тревожные мысли мучили и его.

Утром, подоив корову, хозяйка вышла во двор из сарая, а от ворот знакомое: «Ы-ым!»

— Явился. Сейчас я тебя покормлю. Проголодался, бедняжка. — И пока Филька пил и вечернюю и утреннюю порции молока, хозяйка ласково ощупывала его, боясь обнаружить ушибы и раны. Филька был цел и невредим. Где он провел эту ночь, никто так и не узнал. Лошадей нашли в шести километрах от поселка.

После этого случая Филька перестал ночевать дома. Только днем он теперь бывал в поселке, а на ночь уходил в лес.

VI

Каждое утро, как только хозяйки, позванивая подойниками, направлялись к своим коровам, Филька появлялся около дома охотоведа. Получив порцию молока, он ложился тут же под молодой раскидистой березкой и отдыхал до обеда. Потом шел в центр поселка, к магазину, где его всегда поджидала ребятня. Филька добросовестно съедал все, что для него припасали, и каждого, кто выходил из магазина, встречал радостно, тыкался мордой в сумку, выпрашивая лакомство. Потом уходил в лес. А к вечеру, когда стадо возвращалось с пастбища, Филька вновь появлялся у знакомых ворот, выпивал молоко и исчезал до утра. Он становился взрослым зверем и начинал чувствовать свою силу. Лес тянул его к себе неудержимо.

Как-то вечером Филька не пришел к своему дому как обычно, и приготовленное для него парное молоко остыло. Час шел за часом. Начало смеркаться, а лосенка не было. Охотовед забеспокоился и вышел заворота. Тут-то к нему и подошел пастух колхозного стада Ерофеич. Чинно поздоровавшись, он сразу же полез за папиросами.

— Заходи, Ерофеич, в хату. Гостем будешь.

Ерофеич вздохнул тяжело:

— Не до гостей, дорогой, беда.

— Что случилось?

— Коровы лосенка стоптали, — тихо сказал пастух.

— Как? Где?!

Ерофеич молчал.

— Да говори же ты, ну?

— Неподалеку отсюда. Где водопой. У пруда. Как получилось, до сих пор не пойму.

— Насмерть? — осевшим голосом спросил охотовед.

— Вот не знаю. Мертвым я его не видел. Но и живым вряд ли останется.

— Ты толком-то рассказать можешь? Чего за душу тянешь?! Говори! — не сдержавшись, закричал охотовед.

И Ерофеич рассказал:

— В обед это было. Все стадо у пруда отдыхало. Жарко. Ну и я с лошади слез да прилег под кустом, в

тени. Может, задремал, не знаю, — пастух виновато вздохнул. — Слышу только, забеспокоились коровы. Гляжу, лосенок твой из лесу вышел и к ним. Я и не подумал, грешным делом, ничего дурного. Смотрю, подошел к стаду близко и остановился. Бугай бычится, мычит. Потом морду книзу, землю копытами роет и к лосенку. А он ничо — стоит. И я-то, старый дурак. Мне бы встрять, закричать, а я сижу — интерес взял, думаю, что будет. Смотрю, коровы тоже двигаться начали, словно окружают его, а он все стоит. Ему бы бежать... Вижу, дело плохо. Я к лошади, а ее нет, она тоже в общую кучу, к коровам подалась. А там уже война идет. Коровы ревут, пыль столбом. Ничего не разобрать. Хлопал я кнутом, кричал, кое-как разогнал стадо. Коровы уж меж собой бодаться стали. Глаза кровавые, морды в пене. Трех коров потом еле нашел в лесу. Вот беда-то. Ежели бы не бугай, оно, может, и ничего...

— А Филька? Филька где?

— Лосенка не видел. Как сквозь землю провалился. Может, за пылью не доглядел, как ушел? Но досталось ему, видать, крепко. Моя вина. Прости старого дурака. Да ить не думал, что так получится.

Пастух сидел, виновато опустив голову.

VII

Утром Филька не пришел. Охотовед собрал ребят и повел их в лес. Искали на совесть, но безрезультатно. Фильки нигде не было. Возвращаясь в поселок, все подавленно молчали. И вдруг увидели, что лосенок лежит у ворот. Весь в грязи, на правом боку большая рана. Правая передняя нога странно подогнута.

Ребята приходили к Фильке каждый день, а когда охотовед уезжал по делам, дежурили до позднего вечера. Они носили лосенку траву, мелкие ветки березы и вербы, поили молоком, меняли повязку. Нога лосенка зажила сравнительно быстро, а вот бок болел долго, и когда наконец рана затянулась, под шкурой целый месяц еще оставался твердый нарост. Но лосенок снова был весел. С ребятами за время болезни он еще больше сдружился и охотно бежал на их зов. Да и ребята не разлучались с ним целый день. Они вместе ходили в лес, на речку, а когда мальчишки, играя, тащили Фильку в воду, он не сопротивлялся, но старался поскорее выйти

на берег. Смешно встряхнувшись, он быстро высыхал и где-нибудь в тени покорно дожидался своих друзей. Каждое утро и каждый вечер Филька подходил к дому охотоведа и получал молоко. А ночи вновь проводил в лесу.

Однажды утром Филька увидел своих друзей разнаряженными, с букетами цветов в руках. Он тянулся к ним, пытался лизать блестящие ранцы, тыкался мордой в цветы и дошел до самой школы. Но во двор его не пустили. Он с улицы смотрел, как выстраиваются друзья в линейку, как затем шумной толпой заходят в здание школы. Филька не хотел отстать от них и, одним махом перескочив забор, подбежал к двери, но дежурная успела закрыть ее. Тогда он двинулся вдоль стены. Окна были раскрыты, и Филька совал морду в каждое окно, чем вызывал громкий смех своих друзей. Он сам был доволен. Хорошо! Но тут вновь вмешалась дежурная и ударила его шваброй. Филька разобиделся. Он тоже мог ударить, и еще сильнее, но не стал. Дежурная — человек, а всех людей Филька считал своими друзьями, врагов среди них у него не было.

VIII

Сегодня северный ветер напомнил о приближении зимы, и деревья печально загудели вершинами. В лесу завывали волки. Все живое притихло, затаилось, прислушиваясь к этой жуткой песни смерти. Кто будет сегодня жертвой?

Филька усиленно запрядал ушами, определяя расстояние до волчьей стаи. Ветер гудел в деревьях, сбивал с толку. Казалось, что вой раздается сразу со всех сторон. Филька осторожно сделал шаг, второй, уходя от опасного места. Тропинка вела к большой поляне, с середины которой легче обнаружить подкрадывающегося хищника.

Волчий вой послышался ближе. Поляна уже ясно виднелась из сгустившихся сумерек леса, как вдруг неподалеку вскрикнула сойка. Филька остановился. Что встревожило птицу? Нет. Все спокойно. Филька двинулся дальше. Уже видна одинокая березка, стоящая посредине поляны и рядом с ней стожок сена, заботливо огороженный жердями. Но опять надсадно закричала сойка, извещая лесных обитателей о близкой опасности.

И Филька вновь остановился. Постояв и не обнару-

жив опасности, он сделал шаг, и вдруг что-то тяжелое обрушилось на него сверху. Вскрапнув, рванулся Филька в сторону от тропинки и понесся напрямую через лес. Ветки хлестали его по бокам, острые сучья царапали кожу... Но это было ничто по сравнению со смертельной опасностью. Неведомый враг вгрызлся ему в спину. Филька метался из стороны в сторону, стараясь сбросить страшного седока. Вот впереди старая кривая береза, и инстинкт далеких предков толкнул к ней.

Филька на полном ходу врезался в низко опущенные сучковатые ветви и почувствовал, что освободился... Молодая рысь, сбита острым сучком, осталась позади. Это тоже ее первый урок. В следующий раз она будет проворнее и хитрее.

IX

После недавних дождей проселочная дорога раскисла, потемнела. Проходившие по ней тяжелые автомобили понаделали таких колдобин, что твои овраги. Филька не спеша брел по обочине в сторону поселка. Толстый слой опавших листьев и старой хвои пружинил под копытами.

Филька раздобрел, окреп и больше походил на взрослого зверя, чем на лосенка. Он вышел на поляну и остановился у кромки леса. Скошенная трава была собрана в аккуратные копны. Около одной из них на противоположной стороне поляны стоял работающий трактор. Человек, воровато оглядываясь, бросал вилами сено на тележку. Он, видимо, очень торопился и не обращал внимания на пыль, поднимающуюся из копны. Но Фильку эта пыль заинтересовала, и он двинулся по кромке леса к трактору.

Человек заметил лосенка, когда тот уже подходил к тракторной тележке. И вместо того чтобы спуститься с копны и протянуть Фильке лакомство, вдруг вытаращил глаза и кинулся к ближайшему дереву. Ухватившись за нижние ветви, он оглянулся, но, увидав, что лосенок направляется к нему, мигом заскочил на сосну и лез все выше, пока ветки не стали ненадежно потрескивать под ним. Филька обнюхал копну, обошел вокруг трактора и тележки и, не найдя ничего вкусного, улегся тут же, изредка поглядывая на дерево, где сидел человек. Он ждал, когда тот слезет. Но человек не только не слезал, он стал кричать что-то жалобным голосом.

А вечером к охотоведу пришел колхозный пастух Ерофеич и начал без обиняков:

— Слышал, чего Филька вытворил?

— Нет, а что? — встревожился охотовед.

— И-и-и, смехота одна. — Ерофеич затрясся в беззвучном смехе. — Он ить Ваньку Петухова... Петра Николаевича сына... Ну, что на тракторе работает.

— Ну-ну!

— Так он его на дерево загнал.

— Как? — удивился охотовед.

— А так, едет нынче Ванька на тракторе из соседней деревни, видит, около дороги копна сена плохо стоит...

— Украсть хотел?

— Это по-твоему украсть, а по его значит домой отвезть, раз плохо стоит. Ты не перебивай.

— Давай-давай, — хмыкнул охотовед.

— Вот тебе и «давай». — Опять Ерофеич зашелся в смехе, но, видя, что его собеседник начинает сердиться, продолжил: — Только он полкопны на тележку сложил, глядь, а из кустов на него лось прет. Он вилы бросил и к дереву, — Ерофеич замолчал, вытирая слезы.

— Чем кончилось? — мрачняя, спросил охотовед.

— Часа два просидел Ванька на дереве. Доярки ехали на вечернюю дойку, прогнали Фильку. Бабы говорят — теперь нам и участковый не нужен, этот не пьет и порядок блюдет, — засмеялся Ерофеич, но, заметив, что лицо оховеда помрачнело, спросил встревожась: — Ты чего? Не тронул он Ваньку, истинный крест! Попужал только, так это на пользу...

— Не о том я, — вздохнул охотовед. — Филька человеку вреда не сделает, а вот человек...

— Ванька, что ль?

— Не про него разговор, Филька не боится людей.

— А чего ему бояться? Каждый его ласкал...

— Вот и плохо, — охотовед достал папиросу, долго разминал ее, прежде чем закурить. — Открытие охоты по лицензиям на лосей через две недели...

— Ну и чего? — заволновался Ерофеич. — Кто его стрелит? Все Фильку знают.

— Наши не тронут, а как чужие?

— Да ить чего ж они, не понимают? Ах ты, мать честная! — всплеснул руками Ерофеич. — А ведь верно. Лось справный, молодой, подпускает близко, чего не стрелить? Что же делать? Ума не приложу...

— Думал я над этим, — медленно проговорил охотовед. — Есть только один способ...

— Ну? — насторожился Ерофеич.

— Ранить его нужно.

— Кого?

— Фильку, кого же еще?

— Тю на тебя, — Ерофеич в сердцах сплюнул. —

Я думал, он всерьез...

— А я не шучу. Фильку спасти нужно.

— Ды-ык постой, — Ерофеич аж заикаться начал. —

А ранит кто?

— В этом и весь вопрос. Я не могу.

— Как это ты не можешь? — накинулся вдруг Ерофеич. — Тут в аккурат нужно и чтоб не тяжело, и чтоб он к людям больше не пошел. Ах ты, мать честная, — он сокрушенно закрутил головой. — Только тебе и стрелять. Некому больше. Из меня стрелок никудышный, пойми...

Оба замолчали, уставившись себе под ноги.

Х

На следующий день утром охотовед, Ерофеич и Филька вышли из поселка.

Охотовед нес на плече ружье и шел быстро, не глядя по сторонам, лицо его желтое, с мешками под глазами, говорило о бессонной ночи. Ерофеич еле поспевал за ним. Филька же без всякого усилия шагал рядом и то и дело тыкался мордой в руки людей, выпрашивая угощения.

Прошли лесопилку, пересекли по дороге овраг и повернули к недалекому лесу.

— Хорош! Хватит, — еле перевел дух Ерофеич. — Запалили вы меня. Все! Прощаемся.

Охотовед медленно снял ружье и поставил прикладом на землю.

Филька сунулся мордой в стволы, фыркнул. Охотовед достал папиросу и, прижимая стволы к груди, прикурил. Затянулся глубоко табачным дымом и посмотрел на небо. Небо хмурилось тучами. Срывался снежок.

Филька, ничего не дождавшись от людей, пошел к недалеким кустам и стал грызть ветки, как вдруг острая боль пронзила заднюю ногу, и грохот, какой-то страшно знакомый грохот, резанул воздух. С жалобным «Ы-ым»

он бросился под защиту людей, но из рук охотоведа метнулось пламя, и снова боль, и снова грохот...

И Филька, прихрамывая, рванулся к лесу. А вслед ему прогремело еще и еще раз.

Насмерть перепуганный лосенок забрался в середину болота и залег между кочек. Боль чуть утихла, но совсем не проходила. К вечеру Филька поднялся и привычно побрел к поселку. Но чем ближе он подходил, тем нерешительней становились его шаги, тем сильнее он хромал на раненую ногу. Выйдя на опушку, Филька остановился и долго смотрел на поселок, который уже зажигал огни. И каждый всплеск огня в окне казался лосенку выстрелом, и он, со страхом ожидая грохота и боли, круто повернул прочь от людей, от их странной доброты. Он уходил опять в глубь болота, куда всегда забиваются раненые звери, где трудно их найти и хищнику, и человеку.

* * *

Каждый год в начале лета, когда уже буйно зеленеет трава, ближе к ночи, к холму, что высится среди кустов неподалеку от поселка, приходит лось. Он поднимается на вершину и смотрит на дома. Его мощная фигура и широкие лопаты рогов ясно видны на фоне вечернего неба. Так он стоит неподвижно, пока не начнут вспыхивать первые огни в окнах домов, тогда он вздрагивает и медленно сходит к подножию. У опушки леса оглянется и исчезнет до следующего года.

Люди говорят, что это Филька. Может быть. А может, и другой лось, тоже спасенный и отторгнутый человеком...

До деревни оставалось семь километров, а последний автобус ушел пять минут назад. Следующий только в шесть часов утра. Мне было тогда тринадцать лет, и я решил идти пешком. Подумаешь — семь километров! И хотя не раз слышал, что в лесу, примыкающем к дороге, водятся волки, не верил.

Ночь выдалась морозная, звонкая. Луна еще не взошла, но звезды светили так ярко, так близко, казалось, поднатужься, прыгни и достанешь их рукой. Было тихо. Стук моих ботинок о мерзлый асфальт звучал зловеще. Я был совсем один на дороге и, казалось, во всей ночи. И почему-то возникли сомнения — не лучше ли было бы подождать попутной автомашины или переночевать у родственников?

Лес тем временем приближался, и неуверенность стала перерастать в чувство страха, которое я всячески старался унять. «Чего бояться? — бодрился я. — Половина пути позади. Скоро взойдет луна, будет светлее...»

И в самом деле, туманная от мороза луна медленно выползла из-за горизонта. В белом наряде, бледные, призрачные стояли деревья. Снег излучал какое-то голубоватое, мертвенное сияние. Дорога ползла и ползла по таинственной земле словно чудовищная черная змея.

В голову лезла всякая чепуха. Какие-то мертвецы, пляшущие в гробах, привидения из бабушкиных сказок... Холодок загулял по спине, и, как назло, за поворотом дороги, у самого леса, на снегу что-то зачернело. И из этого «что-то» высветились два огонька. Сердце екнуло, но я продолжал идти вперед, правда, уже медленнее. Огоньки шевельнулись и спустились в придорожную канаву, на миг исчезнув, затем появились снова, уже на дороге. Два зеленоватых огонька светились мне навстречу отчетливо и зловеще. Сомнений не оставалось — волк! Я оглянулся, сзади — никого.

Мгновенно с мельчайшими подробностями я вспомнил все, что слышал о коварстве и кровожадности этого зверя, особенно зимой. Но ноги, слабые, чужие, делали шаг за шагом непроизвольно, как бы отдельно от меня. До волка осталось пять шагов. Три шага!

Волк вдруг открыл пасть, зевнул, выдохнув облачко пара, и нехотя перешел обратно через канаву. Боком-боком, не отрывая глаз от волка, я проскочил мимо и — вперед! Шаги мои убыстрялись стремительно. Я бежал. Я летел! Но, оглянувшись, чуть не закричал от ужаса — волк выскочил на дорогу и кинулся за мной вслед.

Я остановился. Волк замедлил бег и тоже остановился. Я попятился, не спуская глаз с преследователя. Волк шагнул. Я замер. Волк тоже не шевельнулся.

Голова моя закружилась. Тошнота подступила к горлу, перехватило дыхание, а ноги стали тоненькими, ломкими... Ну хоть бы кто-нибудь пришел на помощь, хотя бы машина шла...

Я взмахнул рукой:

— Пшел!

Слабый этот крик на волка не произвел никакого впечатления. Я опять отступил. Волк сделал движение на меня. И тогда я замахал руками и шагнул навстречу. Шаг получился микроскопический, чуть заметный. Волк наклонил голову и оскалится. Сил моих больше не было, но я шагнул еще. Волк отступил. Я шагнул смелее. Волк медленно повернулся задом ко мне.

И как только я перестал видеть его оскаленную нахальную морду, как только увидел его спину и зад с трусливо поджатым хвостом, закричал, засвистел, затопал ногами...

И волк побежал!

Сначала трусцой, затем пошел крупными скачками. Хватая с дороги подмерзшие комья земли и снега, я кидал их в моего преследователя и мчался за ним изо всех сил, словно хотел догнать.

Волк удирал во все лопатки. Он сбежал с дороги, миновал кювет. Я — тоже. Он рванул по полю, по твердому насту. Я — за ним. И только тогда остановился, когда серый исчез в лесу.

Луна светила в полную силу, и деревья, опушенные инеем, стояли праздничные, словно невесты. Грудь мою распирала радость. Она так одолевала меня, что я не выдержал и заорал во все горло:

— Ура-а-а-а-а! Волки, ко мне! Ко мне, волки-и-и-и!
Я вас не боюсь!

Я был самым сильным, самым смелым в этом заснеженном мире. Я готов был сразиться сейчас с леопардом, да что там — со львом!

Вдали показался свет. Затем донесся рокот мотора. Шла автомашинна. Скрипнули тормоза, шофер распахнул дверцу и пригласил:

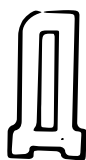
— Садись, пацан!

— Спасибо, — сказал я. — Пешком лучше.

— Бесплатно же, — буркнул шофер. — Садись.

— Нет! Я хочу встретить еще одного волка! — крикнул я и засмеялся счастливо.

— Чокнутый, — равнодушно бросил шофер, зевнул устало, хлопнул дверцей, и машинна умчалась.

Диана, молодая выжловка* русской гончей, поднялась со своего места в коридоре. Потянулась, сильно вытягивая задние лапы. Встряхнулась и, широко раскрывая пасть, звонко зевнула. Гибкая, но с развитой мощной грудью, поджарая, она, неслышно ступая, пересекла комнату, подошла к балконной двери, уткнулась носом в створ ее и глубоко втянула свежий воздух, идущий с улицы. Затем подняла морду и стала внимательно вглядываться сквозь стекло и балконную решетку вдаль. С высоты восьмого этажа она хорошо видела лесополосу, отделяющую город от пшеничного поля в ровной щетине стерни с темными пятнами копен, и у самого горизонта березовый колок, краснеющий от восхода солнца.

Серые тени, плавающие в комнате, отступили, и стало видно кровать, на которой, разбросав руки, спала хозяйка, да и саму Диану, ее темную спину, багряные с подпалинами бока.

На кухне захрипело радио. Диана подошла к кровати и тихонько заскулила. Хозяйка повернулась на другой бок, натянула на голову одеяло. Диана заскулила громче. Хозяйка не шевелилась. Тогда Диана взялась зубами за край одеяла и потащила на пол. Хозяйка подняла голову, глянула на настенные часы. Диана взвизгнула радостно, подпрыгнула, замахала хвостом.

— Ну еще немножечко, — умоляющим голосом попросила хозяйка. — Хоть минуточку...

Диана заскулила.

— Ух, противная, никогда поспать не дашь, — хозяйка села на постели, а Диана бросилась в коридор, нашла один тапочек, принесла, помчалась за вторым... — Спала бы себе да спала. А то, видите ли, гулять ей нужно...

* Выжловка — сука гончей.

Услыхав слово «гулять», Диана взвизгнула, подпрыгнула, стараясь лизнуть хозяйку в лицо.

— Уйди! — еще недовольным голосом прикрикнула та. — Не люблю я тебя, поняла? — Диана поглядывала, наклонив набок голову. — Ничегошеньки ты не понимаешь, глупышка. — Хозяйка несильно жала морду собаке. — Где поводок?

Диана тут же принесла поводок. Хозяйка, не обращая внимания на ее старательность, зашла в ванную. Диана с поводком в зубах ждала в коридоре, прислушиваясь к шуму воды за дверью.

Во дворе в этот ранний час никого. И Диана сломя голову помчалась к лесополосе. Наскоро обнюхала наиболее интересные места и направилась было дальше к копнам, но услышала строгий окрик:

— Диана, ко мне! Домой! Домой!

Утром хозяйка всегда сердитая, поэтому Диана не посмела послушаться, подошла, сгорбившись, поджав хвост.

Вскоре хозяйка ушла на работу, и Диана осталась одна. Она нехотя лизнула оставленную ей еду и пошла в комнату к балконной двери. Это место всегда притягивало ее. Отсюда иногда доносились запахи, которые она не понимала, но которые очень волновали. Это бывало тогда, когда ветер дул от восхода солнца через поле. Сегодня ветра не было, потому и запахи все старые — пахнет цементом, известкой, краской... Диана вернулась на свое место. Легла. Вытянула передние лапы. Положила на них морду и замерла. Она уже привыкла к своему дневному одиночеству, к долгому, томительному ожиданию. Раньше Диана пыталась как-то протестовать — скулила, лаяла, даже выла, но это ни к чему не привело, и она смирилась.

Время, как всегда, тянулось долго. Диана лежала, вставала, смотрела в окно, опять лежала, пока наконец не почувствовала, что приближается час радости — обычно в это время возвращалась домой хозяйка. Диана встала, тщательно обнюхала входную дверь, прислушалась. Было тихо. Тогда она подошла к балконной двери — ничего интересного. Вернулась — нет хозяйки. Диана поняла, что сегодня почему-то час радости запаздывает и от огорчения заскулила.

Наконец загудел лифт. И Диана, упершись лапами в косяк, припнула носом к дверной щели. Запах хозяйки она узнает, наверное, из тысячи других. Диана бро-

силась хозяйке на грудь, завизжала, лизнула в лицо, убежала в комнату, вернулась, вновь убежала и вновь вернулась.

— Перестань! Перестань сейчас же. Фу! — притворно сердилась хозяйка, но Диана чувствовала по голосу, что она довольна тоже. — Ну, хватит. Не лжнись. Соскучилась, моя ты хорошая. — Хозяйка гладила собаку, чесала за ушами, и та затихла, а большие глаза выражали всю ее преданность и любовь. — Пошли гулять. Гулять!

Из подъезда они вышли чинно, спокойно. Диана давно бы убежала вперед, но хозяйка взяла ее на короткий поводок, он тянул ошейник, давил шею, сдерживал...

Во дворе шумно, много людей, много интересных запахов, но хозяйка ведет дальше к лесополосе и только там отстегивает поводок. Диана сразу уткнула нос в землю, отыскивая следы других собак. Вот запах старой медлительной овчарки, она живет в соседнем подъезде и очень сердится, если Диана пытается с ней заигрывать. А это запах молодого дога — веселого, сильного... А это...

Диана подняла голову, ловя неясный, волнующий запах, и увидела — со стороны поля медленно приближается человек, а сзади него плетется незнакомая собака. И Диана, не слушая окриков хозяйки, побежала навстречу.

Она подбежала к чужаку вплотную, подбежала, завиляла хвостом и захлопала носом. Человек снял со спины рюкзак, и Диана припала к нему, задрожала. В ноздри ей тек запах пороха, запах зверя... Она не могла от него оторваться. Человек наклонился, поправил у нее завернувшееся ухо, потрепал по загривку, но Диана не почувствовала этого. Она ловила запах, запах необычный, но какой-то очень и очень знакомый. Она не слышала окриков хозяйки, не видела, как та подошла, как замахнулась поводком, как незнакомый человек остановил ее вопросом:

— Где вы взяли такую прекрасную гончую?

Хозяйка довольно улыбнулась, но ответила уклончиво:

— Непослушная уж очень...

— Не наказывайте ее. Она не виновата. Просто учуяла запах дичи, вот и не удержалась. Мы со старушкой, — он указал на свою собаку, — зайчишку добыли.

Вот ваша и разволновалась. Кровь заговорила, — и спросил, улыбаясь: — Муж-то у вас охотник?

Хозяйка сделала вид, что не расслышала последних слов и снова прикрикнула: «Диана, ко мне!»

Но Диана обнюхивала собаку охотника. Она обнюхивала ее всю от хвоста до головы, каждый волосок. Собака лежала на земле и не выказывала ни враждебности, ни желания знакомиться. Она была очень похожа на Диану, только грузная и усталая.

— Видите, ваша смиренная, а моя — сладу никакого нет, — пожаловалась хозяйка.

— Она не смиренная, она старая, — пояснил охотник. — Последний сезон охотимся. Чутье не то, да и силы... — Он тяжело вздохнул и заикнулся несмело: — Может, продадите вашу собачку? Я дам настоящую цену, без обмана. Догадываюсь, что охотников в вашей семье нет. Зачем вам такая собака?

— А как же я без Дианы? — растерялась хозяйка.

— Ну, купите себе какую-нибудь... болонку для забавы. Я вас очень прошу... Ведь загубите собаку.

— Нет-нет, что вы?! — рассердилась вдруг хозяйка. — Я к ней привыкла. Да и потом, как это... Нет-нет, — и, не слушая уговоров, прицепила поводок и потащила Диану домой.

Диана упиралась, скулила, рвалась назад, но хозяйка втащила ее в комнату, ударила поводком.

— Это еще что за новости?! Пошла сейчас же на место! Ну! — и ударила еще раз.

Диана обиделась, ушла на свое место, но долго топталась на коврике, прежде чем лечь.

Вечер наступил пасмурный, теплый. Дверь балкона хозяйка открыла. Зажгла торшер и прилегла на кровать с книжкой в руках. Диана оставалась на месте. Глаза ее были дремотно прикрыты, но она не спала. Хозяйка встала, подошла, погладила ее и заговорила ласково:

— Ну что ты на меня дуешься? Сама виновата. Прицепилась к какому-то охотнику. Зачем он тебе? Ведь нам хорошо вдвоем, а? — Она поцеловала собаку, но та только чуть шевельнула хвостом и отвернулась. — Ишь какая обидчивая, — рассердилась хозяйка. — Ну и лежи одна, вредина! — Она погасила свет, легла в постель.

В комнате стало тихо. Только ветерок, теплый, влажный, подул с поля, затрепыхал занавеской...

Заснула и Диана. Но сон ее был беспокойным. Она

вдруг часто задышала, задвигала носом, задергала лапами... Она шла за зверем, шла, наполненная его запахами, и вдруг залаяла громко, страстно...

Проснулась хозяйка. Подошла, приласкала.

— Ну что с тобой, маленькая? Заболела? Нет, нос холодный... А в чем дело? Сон плохой приснился? Может, и правда для тебя было бы лучше уйти с охотником? Нет. Нет и нет! Он свою собаку замучил... А потом, как я одна? Ты же не бросишь свою хозяйку?

Она снова ушла к себе, и слышно было, как ворочалась, всхлипывала. Диана встала, подошла, ткнулась носом в горячую руку. И эта рука стала ласково перебирать ее шерсть, всхлипывания прекратились. Хозяйка заснула. Диана улеглась около, на полу, и тоже стала засыпать, как вдруг ветерок донес до нее запах. Опять ТОТ запах. Правда, пока слабый, далекий. И Диана подняла голову, стараясь приблизить его. Она даже затаила дыхание, чтобы не спугнуть запах. Лапы ее напряжились, и вся она подобралась, вытянулась в струнку, с нетерпением ожидая команды, чтобы рвануться по следу зверя, чтобы гнать его, гнать, помогая себе лаем, заставить пойти кругами, выгнать на охотника... Запах слабел, уходил. А команды все не было. Ну же! И Диана не выдержала, рванулась за ним, рванулась с азартом своих предков — чистопородных гончих. Рванулась страстно, неудержимо. Двумя прыжками она пересекла комнату, перемахнула решетку балкона и завизжала отчаянно, потеряв след...

Охотничья собака незлобива по отношению к человеку и никогда не нападает на него...

Из «Пособия по охотничьему собаководству»

Я был в гостях у своего знакомого и уже собирался уезжать, когда по улице на большой скорости промчалась милицейская автомашина с включенной синей мигалкой, а за ней, спустя короткое время, — «скорая помощь», истошно завывая сиреной.

Пробежавший мимо калитки мальчишка просветил нас с затаенным торжеством:

— Дядьку Остапа собака загрызла, чуть не насмертьяку... — и исчез.

— Пойдемте посмотрим? — предложил мой знакомый.

Я не любитель подобных зрелищ, но сегодня какое-то предчувствие потянуло меня в конец этой тихой окраинной улицы.

Вскоре мы подошли к высоченному забору из плотно пригнанных досок, за которыми виднелся приземистый шлаколитой дом. И сам внушительный по размерам дом, и рубленые надворные постройки — все было основательно, добротно. Во дворе, на асфальтированной дорожке, лежала красивая собака кофейно-мраморного окраса. Из-под головы ее на обрывок цепи натекала лужица крови. Молодой милиционерик, довольный своим метким выстрелом, горделиво поглядывал на собравшуюся толпу сквозь открытые тяжелые ворота.

И окрасом, и купированным по всем правилам хвостом, и шерстью, жесткой, редкой, собака была очень похожа на дратхаара, немецкую жесткошерстную легавую. Правда, сразу в глаза бросались безобразно торчащие обрезки ушей...

Я подошел ближе.

— Взбесилась, понятно, — сказал, ни к кому не обращаясь, пожилой мужчина в рабочей спецовке с граблями в руках.

— В писании святом сказано, что и тварь всякая против вас повернет... Бога забыли, вот он и наказывает... — прошамкала сухонькая старушонка в темной одежде и белом платке.

— Заболела, наверное... — жалостливо проговорила молодая симпатичная женщина.

— Сколько лет собака жила здесь? — спросил я у своего знакомого.

Тот, немного подумав, ответил:

— Да года три...

— Точно, три года, — подтвердила и молодая женщина. — Три года как мы на эту улицу переехали. Она тогда маленькой, щеночком была... Все визжала, все плакала...

— А откуда она у него?

Но на этот вопрос никто из присутствующих ответить не смог — принес щенка, а откуда?!

«Неужели Радка?» — подумал я, отозвал знакомого в сторонку и попросил, как только вернется хозяин, выяснить, откуда у него эта собака.

— Не скоро он вернется, — предупредил знакомый. — Увезли его в тяжелом состоянии. Если бы соседи не подоспели, вообще конец бы ему был...

— Зря подоспели, — вдруг зло сказал мужчина, поднял грабли на плечо и тяжело зашагал по улице прочь.

Я тоже распрощался и заторопился домой. Во мне крепла уверенность, что убитая собака — именно та, пропавшая три года назад, Радка, Радость.

Дома, в своих бумагах, я разыскал документ, который почему-то хранил, — ее родословную.

II

«СОЮЗ ОБЩЕСТВ ОХОТНИКОВ И РЫБОЛОВОВ РСФСР

СПРАВКА

о происхождении щенка № 483/12

порода — дратхаар

пол — сука

кличка — Радость

окрас — кофейно-мраморный

клейма на ушах — левом — нет, правом — нет
рождена 13 апреля 1978 года
Вязка зарегистрирована в книге вязок за № 223/5

Настоящая справка подлежит обмену на «Свидетельство на охотничью собаку» по достижении щенком десяти месяцев после получения оценки на выставке или выводке.

Это был щенок от знаменитого дратхаара Верной — чемпиона Сибири и Дальнего Востока прошлого года. Сколько стоило мне трудов, чтобы заполучить его, — описывать долго.

— И вот наконец все позади. Он — мой!

Я нес это сокровище домой с таким ликованием в душе, что даже не замечал знакомых. Но как только выпустил щенка в комнате, мать с тяжелым вздохом сказала:

— Ну вот и еще радость в доме.

И я, чтобы как-то задобрить ее, так и назвал щенка — Радость, сокращенно — Рада, Радка.

Радка оказалась на редкость подвижным щенком. Целый день она что-то выискивала в доме, попискивая себе под нос, гонялась за кошкой и, увлекшись погоней, однажды свалилась с крыльца. Поплакала и попробовала сама взобраться по ступенькам — не тут-то было. Тогда она подняла такой крик, что хочешь не хочешь, а пришлось поспешить на помощь.

Ела Радка все подряд — и хлеб, и мясо, и молоко, и рыбу, и овощи, и фрукты... Аппетит у нее был отменный. Поэтому нашу кошку пришлось кормить во дворе за сараем, да еще тайком. Иначе бы она просто сдохла с голоду. Ведь стоило только взять ее плошку, сразу же около оказывалась Радка. Причем обмануть ее было трудно, потому как, заподозрив что-то, она начинала следить не за вами, а за кошкой. И бедная кошка не успевала проглотить кусочек, как подкатывался коричнево-серый шар и тараном отбрасывал ее в сторону.

Непонятно, почему старая, испытанная в драках даже со взрослыми собаками, кошка не могла противостоять этому щенку. Или она жалела малыша? Или сбивалась с толку необычные манеры нападающего? Радка шла напропалую, не боясь острых когтей, и кошка вынуждена была отступать.

Откровенно, так многое в доме пришлось менять с появлением этого щенка.

Ровно в шесть часов утра, словно по звонку будильника, раздается смачный зевок, и Радка, поскуливая, делает круг по комнате, обязательно на что-то натываясь. Катится к входной двери и начинает пробовать ее крепость своими когтями.

Приходится вставать. Услышав шаги, Радка на мгновение замирает и бросается навстречу. Она так пылко изливает свои чувства, что зачастую и открывать дверь уже не нужно — на полу блестит лужа.

— Как тебе не стыдно?! — возмущаюсь я. — Уж вон какая большая, больше кошки...

Радка смотрит сначала на меня, потом на свое отражение в луже, и, горделиво помахивая куцым хвостом, очень довольная, идет досыпать, предоставляя хозяину ликвидировать последствия.

Все вещи, лежащие в пределах досягаемости лап и зубов Радки, были стащены на пол и тщательно опробованы. Что не всегда для них кончалось благополучно. Поэтому мой отпуск был избавлением для матери, для дома, для кошки от этого неугомонного щенка. Хотя на некоторое время, хоть на чуть-чуть. Потому что, уезжая с друзьями рыбачить на реку Чумыш на целых две недели, я, конечно же, Радку брал с собой. Куда я теперь без нее, без Радости?!

III

Дорогу Радка перенесла хорошо. Она выбрала местечко на заднем сиденье и преспокойно проспала до самого Чумыша. У паромной переправы мы решили перекусить. Радка, предчувствуя важность момента, выбралась из машины и принялась знакомиться с участниками поездки. А знакомиться было с кем — и людей много, и две собаки.

Одну, рыжую дворнягу Сеньку, она знала, живет в одном дворе. А вот вторую, спаниеля Чару, видела впервые. Она радостно сунулась к ней, но наткнулась на оскаленные зубы: «Не лезы!» Этого Сенька стерпеть не мог: «Как так?! Рычать на бедную крошку?!» Он решительно встал на защиту Радки и попал в страшно неудобное положение. Когда он, злобно прижав уши, приблизился к Чаре, оказалось, что она — особа женского пола! Ах-ах! Какой конфуз!

Сенька виновато нагнул голову к земле и униженно завилял хвостом, прося прощения. Ведь ни один уважающий себя пес не посмеет обидеть даму. Таков неизблемый собачий этикет. И надо же так опрофаниться!

А дама? Дама за это может делать с ним все, что ей заблагорассудится.

И дама не упустила случая. Она крепкими зубами выразила на Сенькиной шкуре свое неудовольствие. Сенька некоторое время крепился, подставляя то плечо, то пушистый хвост, но не выдержал и рванул наутек.

Чара не стала его преследовать, очевидно, посчитала ниже своего достоинства. И обратила внимание на испуганно прижавшегося к земле щенка. Она подошла и стала тщательно обнюхивать его, искоса бросая взгляды на Сеньку, который волновался в отдалении. Радка то ли от избытка чувств, то ли от страха перевернулась на спину и лизнула Чару в морду. Это решило исход дела. У Чары, не имеющей уже лет пять щенков, вдруг проснулся материнский инстинкт. Она очень обеспокоенно потыкалась носом в голый щенячий живот и стала вылизывать его с таким усердием, что бедный щенок мотался из стороны в сторону.

Но материнского азарта у Чары хватило ненадолго. Как только все уселись у импровизированного стола, она тут же забыла о падчерице. Да и падчерица не из лучших по поведению. Вон свалилась с крутого откоса в речку. И плывет-то к противоположному берегу. Нет, не родное дитя, так не родное... Пусть хозяин сам о ней и беспокоится...

И все-таки Чара не охладела к щенку совсем. Если вдруг раздавался его визг, она первой мчалась на помощь. И надо отдать ей должное, именно она научила Радку рыть норы в крутом чумышском берегу и прятаться в них от жары. Она же показала, как сбивать Сеньку внезапным толчком в плечо...

Для бедного Сеньки наш отдых на берегу Чумыша превратился в ад крошечный. Куда бы он ни прятался, Чара и Радка, скушающие фурии, находили его. Рычанием своим заставляли подняться, и как только он вставал на все четыре лапы, Радка была грудью в его плечо, и несчастный пес, глухо рывкнув от неожиданности и от стыда, наверное, кубарем катился по траве.

Чара зорко следила, чтобы Сенька, не дай бог, не обидел невинное дитя. Когда Сенька, потеряв терпение,

начинал морщить нос, обнажая клыки, она становилась между ним и Радкой, закрывая ее собственной грудью. Против Чары Сенька был бессилён. Он поджимал хвост и убегал прочь. Но от разыгравшихся подруг было не так-то легко отделаться...

Приходилось вмешиваться.

Чара на зов шла неохотно, недовольная, что ее отвлекают от такого интересного занятия. А Радка бежала с удовольствием. Она уже понимала, что для нее у людей всегда припасено лакомство. Мы знали, что баловать не нужно, но позволяли себе эту слабость потому, что не только для меня, для всех нас она была Радостью...

Однажды вечером к нашему бивуаку подошел лось. Был он большой, словно копна сена, две широченные лопаты рогов венчали его голову. Он долго смотрел с опушки леса в сторону наших палаток, потом подошел ближе. Ветра не было, собаки его учуяли поздно. Но вот Чара взвизгнула и зашлась истерическим лаем. Ее поддержал Сенька, прижимаясь боком к моим ногам. И только Радка, глупый щенок, без единого звука двинулась вперед, ловя в воздухе тревожные запахи зверя.

Лось, может быть, стоял бы еще, но на собачий лай высыпало все население нашего лагеря, и он, недовольно фыркнув, двинулся прочь.

Радка подбежала к месту, где он только что стоял, и заелозила носом по траве.

— Что бы ты понимала, крошка?! — Я хотел взять ее на руки, но она недовольно зарычала.

Нет, несомненно, это был выдающийся щенок. И я, переполненный радостных надежд, аж задохнулся, представив, как мы будем вместе охотиться.

Ночью меня разбудил дождь. Он тихо шуршал по палатке. Я вылез наружу, подобрал вещи, которые могли намочнуть. Радка путалась под ногами, хватая за кеды, приглашая играть. Я снова залез в палатку, лег, и она, прижавшись к моему боку, скоро заснула. А я не мог заснуть. Монотонный шорох дождя, собака рядом... Мне казалось, что я не изнеженный городской жизнью интеллигент, а могучий древний человек, вместе со своим четвероногим другом — звенья единой цепи, называемой — Природа...

Кто мог знать, что через несколько дней, вернувшись домой, я увлекусь ремонтом машины, выпущу Радку из вида на каких-то десять минут и потеряю ее навсегда.

Дядька Остап подобрал Радку совершенно случайно, мимоходом. Он приезжал на нашу улицу, чтобы договориться о покупке поросят. Но поросята оказались проданными накануне, и дядька Остап, рассерженный несостоявшейся сделкой, подходил уже к автобусной остановке, когда увидел нескладного, мосластого щенка с коричневыми пятнами по светло-серому фону.

Потом, много позднее, выйдя из больницы, дядька Остап объяснил мне, что уж больно приглянулись ему толстые лапы и телосложение щенка. Даже на неопытный взгляд ясно просматривалась будущая мощная стать. Не раздумывая о собачьей породе, о чистоте крови да и о переживаниях хозяина, он сунул щенка в мешок, предназначенный для поросят, и вскочил в автобус.

Жил дядька Остап один. Жена умерла три года назад. Детей не было. Пенсия позволяла отдыхать, но как это нередко случается, в нем вдруг проснулась жажда деятельности, сдерживаемая до сих пор рабочими часами на производстве. Причем деятельности не общественной, как у многих, не по нему были всякие контрольные проверки и назидательные речи, а сугубо индивидуальной. Дядька Остап на удивление всем соседям купил вдруг корову, завел поросят. И именно поэтому ему позарез стала необходима злая собака. Такая, чтобы быть спокойным за свое имущество. Эта роль и отводилась Радке.

Ее выпустили из мешка в незнакомом дворе. И пока она, встряхиваясь и чихая, освобождалась от пыли, перед ней опять предстал человек, что привез ее сюда. В руках он держал топор. Откуда было знать щенку, что топор может причинять такую боль?!

Дядька Остап схватил Радку за шиворот, подтащил к деревянной колоде — взмах, удар, отчаянный визг... Еще взмах, еще удар... И на колоде остались Радкины уши — длинные, мягкие, которыми всегда так восхищались ребятишки. Но ребятишек у дядьки Остапа не было, зато он помнил с детства, что самая злая собака та, у которой отрублены уши и хвост.

Философия дядьки Остапа была прочна и предельно проста: для чего существует дом? Для тепла и удобства. Значит, дом должен быть вместительным и теплым. Для чего разводят свиней? Для мяса. Значит, они должны

быть большими и жирными. Для чего держат собаку? Для охраны. Значит, собака должна быть злой и сильной. Все очень просто и никаких сантиментов.

Через несколько дней, когда раны подсохнут, новый хозяин посадит Радку на тяжелую, массивную цепь...

Смена обстановки Радку перепугала. Она жалась к конуре, вздрагивала от малейшего шума. Но даже с отрубленными ушами оставалась незлобивым щенком. Завидя своего нового хозяина, она униженно виляла куцым хвостом, тянулась к нему, но тут же получала удар. От второго удара Радка пряталась в конуру, тогда дядька Остап изо всей силы бил палкой по железной крыше да так, что бедный щенок вылетал оттуда пулей. Этот грохот приучил Радку пользоваться конурой только во время дождя или сильного снега.

Теперь боль постоянно сопутствовала Радке. Спрятаться от нее не было никакой возможности. Нога в поношенном кирзовом сапоге находила щенка везде, а тяжелая цепь не давала убежать. И Радка возненавидела и эту ногу, и этот сапог. Пока они сливались в одно целое с хозяином, их нельзя было трогать. Но постепенно Радка стала разделять их, потому что помнила руки человеческие, руки, которые ласкали и баловали ее. И как только разделение стало для нее явным, она не преминула вцепиться в ненавистный ей сапог, объявляя ему смертельную войну.

Первый шаг, самый трудный, был сделан. В Радке просыпался зверь, который дремал далеко-далеко под спудом. Этот процесс мог быть еще обратимым, когда б она попала снова в обстановку ласки и любви.

Но дядьке Остапу требовалось как раз другое. И Радка, однажды оскалив зубы на хозяина, уже не могла не рычать на других людей — на прохожих, громко разговаривающих за забором, на мальчишек, заглядывающих в щели...

V

С собакой дядька Остап занимался много и основательно. Кормил только раз в сутки, утром. И не потому, что жалко еду, нет. У него была своя метода, очень важная для дрессировки.

К старой кастрюле была привязана длинная палка. Этой палкой кастрюля пододвигалась к собаке. Но как только та, изголодавшаяся за сутки, бросалась на еду,

кастрюлю отодвигали. Собака рвалась, задыхаясь от давящего горло ошейника, исходила слюной и лаем. В эти минуты она готова была броситься и на хозяина. А хозяин, пододвинув кастрюлю, позволял собаке схватить один кусок и отодвигал еду снова...

Кроме того, дядька Остап не пропускал ни одного удобного случая, чтобы не пнуть собаку или не ударить. А когда ему приходилось уходить из дому, он, прежде чем направиться к автобусной остановке, стучал палкой по воротам, бросался через забор камнями...

Он добился, чего желал. Потом, позже, когда собака выросла и заматерела, мимо нее нельзя было проходить без палки даже ему самому.

Собака, не знающая человеческой ласки, стала зверем. Охотничьи инстинкты, что приберегла для нее природа, были потушены болью и злобой. Все люди для нее стали врагами. А хозяин — врагом номер один, самым жестоким, самым беспощадным. Постоянная связь между собакой и человеком, взлелеянная тысячелетиями, была разорвана.

Как только хозяин появлялся в дверях, собака бросалась навстречу не для того, чтобы высказать свою преданность и любовь. С глухим рычанием становилась она на дыбы, натягивала цепь, задыхалась от ярости. Желтая пена клочьями слетала с крупных клыков...

Хозяин был доволен. Никто не рискнул бы теперь войти во двор. Иногда с радостной жутью он представлял себе вора, забравшегося к поросятам. Представлял он его всегда уже изорванного собакой. И втайне желал увидеть это наяву.

В тот день дядька Остап привел к себе во двор двух соседей, чтобы помогли ему заколоть здорового борова. Соседи остановились у калитки, а хозяин с палкой в руках двинулся к дому, чтобы подтянуть цепь покороче. Собака молча рвалась к нему. Она не лаяла, лишь хрипела, да глаза ее, палитые кровью, горели ненавистью. Массивная цепь звенела как натянутая струна. Дядька Остап уже прошел мимо, когда цепь с негромким треском лопнула. Одно звено. Всего одно звено! И собака, получив свободу, мощной грудью ударила человека в спину...

В конце деревни, у колодца, я увидел странную процессию. Мальчишка лет двенадцати тащил на веревке кошку не кошку, собаку не собаку... Тащил волоком, а двое других бежали следом и бросались камнями. Я пригляделся внимательнее и ахнул — лисенок! Шерсть в грязи, передняя правая лапа беспомощно повисла, жиденький хвост тянется по пыли. Веревка, туго затянутая на шее, очевидно, причиняла лисенку большие страдания.

— Эй! — окликнул я мучителей. — Подойдите сюда.

Тащивший лисенка остановился и, набычившись, покосился на меня.

— Подойди, не бойся, — сказал я, стараясь придать своему голосу спокойствие и твердость.

Мальчишки, конечно же, понимали, что поступают плохо, и приготовились дать деру. Поэтому мне пришлось переменить тактику.

— Продайте лисенка, — предложил им я.

Мальчишки недоверчиво переглянулись, но промолчали. Я подошел ближе.

— Куда вы его тащите?

— Топить, — ответил мальчишка с веревкой и, оправдываясь, добавил хмуро: — Он у нас шесть курей своровал.

Он пнул ногой лисенка, отчего тот тоненько взвизгнул и рванулся в сторону. Но мальчишка сильно дернул за веревку, и бедная зверушка, перевернувшись в воздухе, тяжело шлепнулась на пыльную дорогу.

— Ребята, — начал я, еле сдерживаясь. — Этот лисенок так мал, что не мог своровать у вас кур... А потом... Неужели вам не жалко?

Мальчишки, что кидали камнями, виновато потупились и засопели, но главный мучитель ответил дерзко:

— Чего жалеть? В лесу их много. Мы уже четырех утопили. Этот последний, пятый. Папка нору раскопал

и лисенку убил. Здоровая. Только шкура не сгодилась — шерсть вылезает...

Я понимал, что он повторяет слова отца и его жестокость, поэтому настаивал на своем:

— Продайте мне лисенка. Ну, пожалуйста.

— Не-а, — нерешительно, после недолгого раздумья, сказал главный мучитель. — Папка сказал — утопить.

— Ну какой вам прок от этого? А я денег дам. Вы на них конфет купите, в кино ходите...

— Не-а, — тяжело вздохнул главный мучитель, повторил уныло: — Папка сказал — утопить. — И двинулся с места, натягивая веревку.

— Ну давай тогда меняться! — в отчаянии воскликнул я.

Глаза мальчишки заинтересованно блеснули.

— А на чо?

— Ну... пойдете к машине, найдем что-нибудь.

Мальчишки, боязливо переглядываясь, направились к машине, а я лихорадочно соображал — что же им предложить? Открыв багажник, протянул первое, что попало под руку:

— Вот топорик — хочешь?

— Не-а...

— Да ты что... Настоящий, охотничий. Ну вот удилища бамбуковые... Котелок рыбацкий... — горячился я.

— Не-а, папка сказал... — затянул свою песню главный мучитель и дернул веревку.

— погоди, — вспомнил я. — Смотри, ножик какой! Десять предметов...

Мальчишка вздрогнул, облизнул губы. И пока он с жадностью разглядывал нож, который мне накануне подарили на день рождения, я схватил бедного лисенка, посадил в машину и рванул с места.

II

Лисенок оказался в худшем состоянии, чем мне показалось в начале нашего знакомства. У него были сломаны зубы, а кость передней правой лапы раздроблена, поэтому пришлось порядком повозиться ветеринарному врачу, чтобы сложить ее правильно. К тому же бедняжка никак не мог терпеть повязку. Он хватал ее зубами и не успокаивался, пока не разрывал в мелкие клочья. Мы замучились с ним: бинтовали лапу толстым сло-

ем марли и ваты, мазали повязку разными мазями с таким запахом, что самим тошно было, но все напрасно... Мы надели на лисенка намордник — эффект ничтожный. Ведь есть в наморднике нельзя. А только зверушку освобождали от него, она бросалась не на пищу, а на повязку.

Но в доме лисенок освоился быстро. Уже через неделю он бодро ковылял на трех лапах по двору, вызывая неопишное любопытство у соседских кур. Правда, к моей радости, то ли из-за болезни, то ли по причине малого возраста куры лисенка не интересовали.

Еще через неделю шерстка нашего питомца приобрела естественную окраску и заблестела. Лисенок окончательно поправился и лишь хромал на переднюю лапу. Эта лукавая, веселая зверушка всем нам пришлось по душе, и мы стали подбирать ей имя. Боже мой, сколько фантазии, сколько споров... Но называли мы лисенка все-таки просто — Лисанька.

К осени Лисанька превратилась во взрослую красивую лису и стала доставлять нам хлопоты. Как-то ночью она нанесла визит соседям, в результате — одиннадцать задушенных кур и три пропавших без вести. Пришлось пустить в ход все свое красноречие, заплатить за каждую по рыночной цене, чтобы уладить конфликт. Зато Лисанька целый месяц жила припеваючи, и куры, правда из холодильника, не сходили с ее стола.

Приближалась зима. Лисанькина шуба стала пушистой и густой. И хотя нам всем было очень жаль, я понял, что пришла пора прощаться. Даже если Лисанька и не хотела покидать нас, я должен был сделать этот шаг первым, чтобы не превратить красивого гордого зверя в жалкую домашнюю игрушку.

В конце октября, утром, я посадил Лисаньку в машину и вывез далеко в лес. Остановился. Открыл дверцу. Приласкал на прощанье. И как только Лисанька скрылась за кустами, тронул с места. Выезжая на трассу, я оглянулся и увидел рыжее пятно, мчавшееся за мной следом. Я прибавил скорость, и Лисанька отстала.

Она осталась в своей родной стихии, где и должна была прожить пусть трудную, но свою, не ограниченную человеческими причудами, лисью жизнь. Единственно, что меня беспокоило — Лисанькина передняя лапа, на которую она до сих пор хромала. Да и грустно было. Очень я к ней привязался.

Прошло два года. В конце зимнего охотничьего сезона мой сосед Николай, начинающий охотник, уговорил меня съездить погонять зайчишек, да заодно и посмотреть в деле гончего пса Валета, которого он купил недавно за баснословную цену. По всем видимым статьям Валет стоил этих денег, но как он поведет себя на охоте?

Мы отъехали от города километров сорок и остановились у березового лесочка неподалеку от Оби. Утро замечательное. Небольшой морозец слегка пощипывает щеки. Наст держит даже без лыж. Ночью подсыпал пушистый снежок, так что следы зверей были видны ясно.

Николай отпустил Валета. Тот засновал челноком и вскоре скрылся за деревьями. Было тихо... Лишь вдали на трассе изредка гудели автомашины, да мягко падал снег с перегруженных веток. Заячьих следов было много, но Валет молчал. Я прошел уже метров триста и, засмотревшись на деревья в белом наряде, остановился. Вдруг невдалеке неуверенно ахнул Валет: «Г-ах!» И опять тихо. Потом уверенней, яростней: «Ах! Ах! Ах!» И зарыдал от азарта на весь лес: «Аха! Аха! Аха!»

Став за дерево, я ждал. Ярko вспыхнуло рыжее пятно между кустов и исчезло. Лиса вырвалась из чащобы и уже бежала по чистому полю. Я повел ружьем и стал плавно нажимать курок, как в глаза мне бросился странный бег лисы. Она бежала боком, прихрамывая на правую переднюю лапу. Валет догонял ее.

— Лисанька! — позвал я негромко, еще сомневаясь в догадке. Услышав мой голос, лиса не шарахнулась в сторону, а приостановилась и, оглянувшись на приближающегося огромными прыжками Валета, бросилась ко мне. Она пробежала совсем рядом, и в глазах ее я увидел укор. Выскочив на след, я едва успел схватить за шиворот Валета. Он хрипел и рвался к кустам, за которыми скрылась Лисанька. В том, что это была она, я теперь не сомневался.

За кустами послышалось лисье тьяканье. Валет, изловчившись, укусил меня за палец. Я от неожиданности ослабил хватку, и он снова заголосил страстно, с яростью, идя по зрячему зверю.

Выбежав из-за кустов, я увидел крупного рыжего лиса. Он несся перед самым носом Валета, уводя его к

берегу Оби. А еще я заметил, как маленькая лиса, прихрамывая и распушив хвост, нырнула в лесную чащобу, перед этим на миг остановившись. Может, она благодарила меня? А может, смотрела, как ее друг, рискуя жизнью, отводит от нее собаку?

Выскочив на лед, лис пошел крупными прыжками и вскоре оставил далеко позади себя Валета. Голос гончей звучал все глуше...

Я вернулся к машине. Часа через полтора подошел Николай, ведя на поводке Валета.

— Почему не стрелял? — спросил он, складывая в чехол ружье.

— Далеко была... — покривил я душой и почему-то взглянул на Валета. Он был весь мокрый, дышал тяжело, загнанно.

— На ту сторону Оби увела лиса, — сказал Николай, усаживаясь в машину. — Матерая попалась. Еле Валета дозвался...

Я завел мотор и, прежде чем трогаться, ласково, в знак примирения, прикоснулся к голове собаки. Но Валет резко отодвинулся и уставился в окно.

«Пойми, не мог я поступить иначе», — мысленно объяснил я ему. И вдруг шершавый язык коснулся моей руки. Я оглянулся — Валет смотрел на меня большими глазами не мигая. Может быть, он понял меня? Ведь говорят, что собаки понимают человека без слов...

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ ОБЫКНОВЕННОЙ КОШКИ

днажды утром хозяин позвал:

— Кис-кис-кис!

Кошка поднялась на диване. Потянулась. Зевнула. Бесшумно прыгнула на пол и поспешила на зов. Подошла, потерлась о ногу хозяина и сладко зажмурилась. Хозяин взял ее на руки. Она, довольная его вниманием, тихонько замурлыкала. Он осторожно, чтобы не причинить боли, не напугать, опустил ее в старый мешок, вынес из дому и положил в кузов поджидающего грузовика. Машина взревела мотором и покатила вон из города, гремя железом и подпрыгивая на выбоинах.

А хозяин стал собираться на службу. Намылил щеки, шею, подбородок. Глянул в зеркало и твердой рукой повел бритвой по надутой щеке. Острое лезвие с мягким треском срезало щетину, и мыльные пузырьки с еле слышным шорохом лопались. Побрившись, он сполоснул лицо холодной водой из-под крана, промокнул полотенцем досуха, брызнул одеколоном, поморщился от легкой боли. Плотно позавтракал. Вышел из дому и не спеша зашагал знакомым маршрутом, как ходил каждый день уже много лет.

I

Черное небо надвигалось на землю. Порывы ветра стали так резки, что чуть не сбивали с ног кошку. Она торопилась изо всех сил, чтобы успеть найти хоть какое-то укрытие. Но вокруг простиралось ровное поле, заросшее травой. Лишь далеко впереди, почти сливаясь с тучами, угадывались деревья.

Ветер засвистел, завыл, пригибая к земле траву, с громким треском ломая сухие прошлогодние стебли, вздымая пыль. И, словно откатываясь вслед за клубящимися тучами, вдруг стих. Трава еще подрагивала верхушками, а молнии уже полосовали черное небо, ярко повторяясь в кошачьих глазах.

На пути кошке попалась дорога. По ней бежать было значительно легче, но дорога уводила в сторону от той невидимой линии, по которой стремилась кошка. Поэтому пришлось пересечь ее и бежать дальше, по целине.

Кошка уже видела темную стену леса впереди, как вдруг эта стена помутнела, расплылась и опрокинулась проливным дождем. Дождь хлестал по спине, бокам, бил в глаза. Кошка задыхалась, вертела головой и продолжала бежать — тяжело, медленно и все равно прямо — к дому. Она не знала, далеко ли до него, близко ли, но то, что нужно бежать именно в эту сторону, было для нее бесспорным.

Силы уже покидали ее, когда она добралась до леса. Сунулась под густые лапы раскидистой ели, но оттуда грозно хрюкнул барсук. В другое время кошка сразу бы бросилась наутек, но сейчас она была так измучена, что у нее просто не хватило сил для поисков другого убежища. Поэтому и притихла под широкой еловой лапой с самого края, дожидаясь, когда барсук успокоится. Здесь было тепло и сухо. Но барсук, недовольный соседством, захрюкал, запыхтел и двинулся к кошке. Тогда она тяжело вспрыгнула на ближайшую ветку, по ней перебралась к стволу, где тоже было сухо. Барсук, потеряв ее из вида, успокоился.

Кошка уселась поудобнее и стала облизывать поочередно свои разбитые лапы. Делала она это очень тщательно, перебирая языком каждую подушечку, каждый коготок. Затем принялась приводить в порядок шерсть. Языком сгоняла с нее холодную воду, выбирала колючки, отдирала налипшую грязь. Покончив с этим, кошка сжалась в комочек, затаилась. Но уши ее непрестанно шевелились. Она в любой момент была готова броситься вверх по стволу или пустить в ход зубы и когти.

Наконец кошка задремала. Дремота была тяжелой, тревожной. Уж очень она устала за сегодняшний день. А может, ее мучили воспоминания? Ведь должны же кошки помнить хотя бы немного из того, что с ними было? Хотя бы немного...

Ведь была она когда-то котенком, маленьким, еще слепым. И вместе со своими братьями тыкалась в материнский живот в поисках соска с молоком. Мать — не какая-то там ангорская или сямская, а обыкновенная домашняя кошка, серая с темными полосами по спине и

хвосту, точно такая, как теперь она сама, одинаково облизывала всех троих котят.

Через двенадцать дней у котят прорезались глаза, пока еще мутные, неопределенного цвета и немного навывкате. Этими глазами маленькая кошка глянула на окружающий ее мир, который сразу же разделила на постоянный и временный.

Постоянный состоял из братьев, которые много спали, а когда не спали, ползали на дрожащих, слабых еще лапах, изредка попискивая; небольшой картонной коробке с тряпичной подстилкой, а главное—из материнского тепла, запаха и молока. Мать впрыгивала в коробку всегда неожиданно, откуда-то сверху, и вместе с ней приходили сытость, а затем и сон под ласковое мурлыканье. Это был замечательный и очень понятный мир.

Временный мир всегда был разный. Это и шум за стеной коробки, иногда громкий, пугающий, иногда еле слышный, и запахи, которые приносила с собой мать кошка. Временный мир был непонятным, необъяснимым.

Еще через две недели котята подросли и окрепли. И маленькая кошка первой вскарабкалась по стенке коробки. Мир за коробкой был огромный, и маленькая кошка так испугалась, что до самого вечера не пыталась больше заглянуть в него. К вечеру пришла мать, и страха не стало. Насосавшись вдоволь молока, маленькая кошка почувствовала вдруг неодолимое влечение в мир, который ее так напугал. Она заволновалась, затеребила мать, и та, понимая, что котят уже не удержать в коробке, призывно замаякала. Котята, цепляясь острыми коготками за стенки коробки, спустились на пол. Кошка лизнула каждого для смелости и неслышной тенью скользнула в другую комнату. Котята, пугливо припадая на лапы, последовали за ней.

За ночь была обследована вся квартира, и котята, уставшие от виденного, возвратились в коробку и заснули, тесно прижавшись друг к другу.

Котята росли быстро. Они полностью освоились в квартире. Исследовали и обнюхали все укромные уголки. Хозяйку, которая кормила их теперь, они полюбили и узнавали по запаху и рукам. Руки были мягкие, ласковые. А хозяйина побаивались. Он не кормил их, не ласкал, а однажды даже грубо сбросил с дивана.

Поэтому, когда хозяин был дома, котята прятались в коробке, но зато когда он уходил на работу, начиналась

веселая игра. Маленькая кошка в игре была проворнее своих братьев. Она быстрее бегала, ловчее пряталась, стремительнее выскакивала из засады.

Как-то зангравшись, она залезла на подоконник и с изумлением увидала, что даже новый огромный мир не кончается этими стенами, что он продолжается дальше, еще более огромный и еще более привлекательный.

Маленькая кошка ходила по подоконнику, стараясь найти хотя бы щелочку в невидимой стене — холодной и твердой, отгораживающей ее от того, третьего, мира.

Однажды утром в квартиру вошел человек, запаха которого котята не знали. Хозяйка почему-то вздохнула и попыталась схватить маленькую кошку, но та, почувствовав неладное, залезла под диван и забилась в дальний угол. Диван отодвинули. Маленькая кошка стала царапаться, фыркать, потом жалобно закричала, призывая на помощь мать. Но незнакомец уже схватил ее, запихал под пиджак, сдвинул больно и поспешно вышел.

II

Дождь поутих и шумел где-то вверху, бессильный перед густыми лапами раскидистой ели. Кошка обсохла, пригрелась, но что-то вдруг встревожило ее. Внизу, на первом этаже, барсук заволновался тоже. Новый запах, сильный, резкий, заполнил все пространство под елью, проник и к кошке. Она напряглась, выгнула спину, выпустила когти. Но свежее дыхание дождя поглотило запах. Шерсть постепенно улеглась на спине кошки. Она неслышно переступила на ветке, устраниваясь поудобнее, но над ней раздался шорох, и она вновь замерла, задрала голову. Кончик хвоста ее чуть шевельнулся. Кошка поняла, что над ней находится живое существо, которое может стать добычей. Она очень осторожно передвинулась вплотную к стволу и опять замерла.

Было тихо. Кошка медленно подняла переднюю лапу, поставила на ту ветку, с которой донесся шорох. Подождала немного, рядом поставила другую, потянулась всем телом вверх, и тут ей в нос ударил запах.

Это был запах птицы, запах еды. От него затрепетали ноздри, а кончик хвоста сделал несколько судорожных движений. Птица тихонечко пискнула во сне, заворочалась, и под этот шум кошка рывком поднялась на ветку и замерла, вглядываясь вперед. Птица была боль-

шая. Дрожь ветки встревожила ее, и она, готовясь взлететь, присела, вытянула шею, завертела головой.

Кошка сделала шаг вперед, оттолкнулась и прыгнула. Прыжок был рассчитан точно. Но птица оказалась слишком большой для измученной кошки. Правда, она не смогла взлететь и, ломая ветки, свалилась на землю. Кошка старалась перекусить ей горло, но мешали жесткие перья, сил не хватало. Птица била крыльями и клювом. Кошка чуть разжала зубы, чтобы перехватить. Птица рванулась и взлетела. А кошка, сгорбившись от неудачи, шмыгнула обратно под ель.

Барсук, выбежавший от шума схватки под дождь, вернулся и, рассерженный, бросился в атаку. Но кошка не приняла вызова. Она тяжело вспрыгнула на ветку и устроилась повыше, изредка облизываясь и вздрагивая.

...Дом, куда принес маленькую кошку новый хозяин, был старый и большой. И маленькая кошка с испуга шмыгнула под кровать, забилась за какие-то узлы и затаилась. А когда совсем стемнело, вылезла из-под кровати и стала обходить свои владения. Делала она это произвольно — просто искала мать, братьев. Растопырив усы, переходила она из комнаты в комнату и жалобно мяукала.

Но никто не отзывался. Лишь хозяин, разбуженный ее криком, вскочил с кровати и запустил тапочком, который пролетел очень близко.

Кошка перепугалась и бросилась в другую комнату под диван, где вдруг обнаружила небольшое отверстие в полу, откуда сильно пахло прелью и еще чем-то очень волнующим. В доме было тихо-тихо. Но кошка теперь знала наверное, что, кроме нее, здесь, в комнате, да и под полом, есть еще кто-то.

Выбрав место у стены так, чтобы видеть отверстие в полу, кошка замерла. Никто не учил ее этой неподвижной позе, этому долгому ожиданию.

Вот внизу, глубоко в подполье, что-то заскреблось, несмело пискнуло. Потом заскреблось уже в комнате, под шифоньером. Вскоре писк и шорох стали раздаваться по всему дому. Но кошка сидела неподвижно. Зашелестело совсем рядом. Кошка скосила глаза и увидела, как мышонок, маленький, серый, с длинным, волочащимся по полу хвостом, забежал неподалеку, настороженно поглядывая в ее сторону. Кошка не шевелилась и даже затаила дыхание.

Мышонок подбежал чуть ближе, и кошку словно толкнуло. Она рванулась вперед, схватила мышонка.

И сразу стихло все в доме.

Кошка вытащила свою первую добычу на середину комнаты, где на полу лежало светлое пятно от заглядывающей в окно луны, а сама отошла в тень комода. Мышонок лежал и не шевелился, словно неживой. Кошка тоже сидела неподвижно. Вверху на комодке равномерно тикали часы. Во дворе кто-то закричал громко и захлопал крыльями. Во сне всхлипнул и забормотал хозяин. И вновь тишина.

Светлое пятно на полу передвинулось к стене, и мышонок теперь почти слился с темнотой. Кошка припала еще ближе к полу, готовясь к прыжку. И точно! Мышонок вдруг ожил и кинулся под диван. Прыжок! И кошка стала на пути мышонка. Тот отчаянно запищал и побежал быстро-быстро к комоду, но кошка и тут догнала его. Мышонок опять притворился мертвым, но кошке вдруг расхотелось играть. Она схватила свою добычу поперек туловища и потащила к двери, выходящей во двор. Здесь кошка долго сидела, обнюхивая свой первый охотничий трофей...

Затем она еще раз прошла по комнатам, и ее провожала настороженная тишина. Тогда она вспрыгнула на диван, свернувшись клубочком и, довольно замурлыкав, уснула.

А утром кошку разбудили восторженные крики детей, к которым присоединился и довольный бас хозяина.

— Муська, Муська! Кис-кис-кис! — кричали они хором.

Кошка встала, потянулась, вонзая свои когти в матерчатую обивку дивана, и легко спрыгнула на пол. К ней бросились, схватили, затискали. Кошка вначале замурлыкала ласково, но ее прижали, она вырвалась и бросилась под кровать. Ее вытащили оттуда, налили молока в блюдце, стали гладить, мешая есть, и оставили в покое лишь тогда, когда сердитый окрик хозяйна повторился дважды.

Сытно позавтракав, кошка подошла к двери, понюхала место, где оставляла мышонка, недовольно фыркнула и принялась за свой туалет. Затем спокойным шагом, уже как хозяйка, вошла в комнату, где стоял так понравившийся ей диван, влезла на него и задремала.

Дождь перестал. Небо посветлело. Высыпали звезды. Кошка готова была продолжить свой путь к дому. Правда, болели израненные лапы, да голод подтягивал живот, но тут уж ничего не поделаешь. Пора! Барсу́к завозился внизу, тоже собираясь в дорогу. Но вот совсем близко, может, на соседнем дереве, захлопала испуганно крыльями птица. И кошка насторожилась. Сама по природе своей хищник, она знала, что ночью легче найти добычу, но ночью и опаснее. Ночью на охоту выходят не только кошки...

Поэ́тому-то она так тщательно при­нюхивалась и прислушивалась, прежде чем покинуть гостеприимную ель, где была все-таки в относительной безопасности.

Чуть зашелестел ветерок, принес много запахов. Один из них кошка выделила особо. Тот самый, что она слышала недавно. Пока еще слабый, далекий, но он помешал кошке спрыгнуть на землю. Запах то усиливался, то едва различался среди других, но совсем не исчезал. И кошка, усевшись поудобнее, решила выждать. Барсу́к, конечно, тоже учуял запах и снова затих, затаился.

Сидела кошка долго. Тревожный запах постоянно присутствовал под елью, и она стала привыкать к нему, как вдруг он резко усилился, заглушил все, стал нестерпимым.

Кошка чувствовала огромную опасность, связанную с этим запахом, поэтому сидела неслышно. И все замерло вокруг. Все тихо! Но вот послышались легкие шаги. Нижние ветки ели раздвинулись, и показалась острая морда, очень похожая на собачью. Это был волк. Кошка напряглась вся, готовая ринуться вверх по стволу. Но волк не обратил на нее внимания.

Вот он продвинулся еще. И барсу́к не выдержал, бросился вон. На него прыгнула, вывернувшись из-под опущенных ветвей, волчица...

Барсу́к дрался отчаянно. Длинными когтями он глубоко распорол волчице бок, но волк схватил его за горло, и барсу́к захрипел, задержался... Волк забросил его себе на спину.

И снова стало тихо под елью.

Кошка подождала немного, осторожно спустилась с ветки и, брезгливо фыркая от волчьего запаха, стала слизывать с земли барсучью кровь.

Это немного подкрепило ее. И она вновь побежала в ту сторону, где был дом. Влажный после дождя воздух путал запахи, скрадывал звуки, поэтому кошка была предельно осторожна. Она то бежала, то прижималась к земле, то пряталась в кусты, то вспрыгивала на деревья...

К рассвету кошка вышла к реке. Пробежала по берегу в одну сторону, затем вернулась на старый след и побежала в другую — переправы не было. Везде открытая водная гладь. Кошка заметалась.

От реки поднимался туман. Он становился все гуще, затоплял все вокруг. И кошка спряталась под большой корягой, дожидаясь, когда взойдет солнце. Было холодно и сыро. Кошка сжалась, стараясь переселить знобкую дрожь, и закрыла глаза.

...Мышей было много. Они источили в труху нижние бревна, и от этого дом покосился. Прогрызли в полу множество дыр и свободно разгуливали по комнатам. Кошка вскоре положила этому нахальству конец.

С каждым днем охотиться становилось все труднее. Мыши затаились в норах, которые кошке были недоступны. Они уже не бегали открыто, не скреблись, не пищали, поэтому приходилось пускать в ход всю хитрость, все терпение — часами высиживать неподвижно, чтобы обманутая тишиной мышь выглянула из своей крепости...

Наконец осталась одна, последняя, мышь. Другие были или пойманы, или бежали в дома, где не было кошек. Эта последняя мышь была стара и хитра. Жила она в норе в дальнем углу подвала, причем вход в нору был не у пола, как обычно, а несколько выше. Снизу кошка достать его не могла, а сверху над входом нависал небольшой выступ, который тоже мешал прыжку. Карниз же, по которому добиралась до норы сама мышь, был так узок, что кошка не могла на нем поместиться.

Целую неделю кошка охотилась безрезультатно. Какое бы она ни выбрала место, оно было неудобным — или что-то мешало прыжку, или мышь не подходила близко. Тогда кошка с трудом взобралась на выступ над самой норой. Оставалось только ждать. Но мышь заподозрила неладное и не показывалась. Кошка просидела на этом выступе ночь, потом день, потом еще полночь, пока наконец хитрая старая мышь не высунула свою острую морду из норы. Кошка так обрадовалась, что

чуть не сорвалась с выступа — соскользнула лапа. Мышь, испуганная шумом, вновь спряталась. Пришлось кошке просидеть до утра, потом еще полдня... И вот она положила у порога свой последний трофей.

До вечера кошка отсыпалась, а как только стемнело, стала проситься во двор. Хозяин выпустил ее и закрыл дверь. Огромная собака растерялась всего на мгновение, но этого кошке хватило, чтобы взметнуться по лестнице на чердак. Вслед ей рвался злобный лай. Совсем не желая этого, кошка приобрела кровного врага, который с этого дня подстерегал ее всюду, следил за каждым шагом, мешал ночной охоте.

Как-то утром кошка возвращалась домой. Собака внезапно вывернулась из-за угла и бросилась на нее. Раскрытая пасть была совсем рядом, и кошке ничего не оставалось, как защищаться. Она вонзила острые когти в собачью морду, и собака, взыв от боли и испуга, кинулась наутек. Кошка не преследовала ее. Встопорщившись, она медленно прохаживалась у крыльца, всем своим видом давая понять — здесь она хозяйка и не потерпит, чтобы ее преследовали.

IV

Туман висел над рекой долго. Даже взошедшее солнце, которое только угадывалось по желтому пятну, не могло прогнать белую пелену. Но вот с противоположного берега потянул ветерок, оторвал туман от земли, поднял рябь на воде... И словно по команде защебетали птицы, забегали бурундуки. Могучий лось прошел так близко, что кошка невольно вжалась в корягу, увидав прямо перед собой острое раздвоенное копыто. Проводив зверя испуганным взглядом, она выползла из своего укрытия и улеглась с подветренной стороны коряги, где пригревало солнце.

Пообсохнув и обогревшись, кошка заторопилась. Она вновь пробежала вдоль берега в одну, затем в другую сторону в поисках переправы. Но тщетно. Тогда она вернулась к коряге и стала пристально вглядываться в противоположный берег.

Кошки не любят воду, и плавают только в исключительных случаях. Нашей кошке не приходилось плавать ни разу, но инстинкт гнал ее к дому, и это чувство было сильнее страха.

Волна была небольшая. Ветерок утихал. Кошка осто-

рожно дотронулась лапой до воды и тут же отдернула ее. Потом таким же образом намочила и вторую. И опять остановилась в нерешительности. Опять смотрела на противоположный берег, словно хотела приблизить. Увы, он не приближался, и кошка ступила в воду, высоко поднимая лапы и вертикально задрав хвост. Волна легонько ударила ей в живот, кошка вздрогнула, мяукала, рванулась было назад, но эта же волна потащила ее с собой.

Подсохшая шерсть держала кошку на плаву, но ветерок, хотя и небольшой, противился, не пускал, гнал назад. Желанный берег приближался очень медленно. Кошка делала отчаянные усилия и наконец выползла на песчаную отмель. От усталости она не могла даже встряхнуться. Но, немного отдохнув, поднялась и, шатаясь, поплелась вперед. Она торопилась к своему дому.

...Приближение своей первой весны кошка почуяла не по ослаблению морозов — по удивительному превращению всех соседских кошек. Они уже не сворачивали в сторону при встрече, а подходили очень близко и по долгу сидели друг против друга.

Раньше кошка только изредка видела во время ночной охоты себе подобных, а сейчас встречала чуть не на каждом шагу. Теперь она сама с нетерпением ждала темноты, чтобы выйти во двор. Но хозяин вдруг перестал выпускать ее и даже стал отпихивать от двери. Кошка очень обиделась, ведь она не заслужила такого обращения, и спустилась в подполье, где раньше охотилась на мышей. Там она почувствовала свежую, пахнущую морозом струю воздуха из отдушины. Отдушина оказалась широкой, и кошка свободно вылезла во двор.

Теперь каждый вечер она пользовалась своим тайным ходом. Подходила к сараю. Взиралась на крышу. Ждала. Вот из соседнего двора выскальзывала тень. Кошка вся подбиралась, стараясь слиться с крышей. Но, видно, делала это не очень искусно, потому как тень приближалась и вырастала в большого красного кота, черного с белой грудью и белыми лапами. Он усаживался неподалеку и смотрел на кошку не мигая. Глаза его при свете восходящей луны блестели зеленоватым загадочным блеском.

Кошка ложилась на бок, терлась головой о крышу сарая, ласково мяукала, приглашая играть. Но черно-белый вдруг весь напрягивался и начинал бить себя по

бокам пушистым хвостом. Кошка даже не глядя знала, что приближается еще один сосед — хромой серый кот. Он был большой и старый. И тоже безошибочно выбирал направление, но подходил медленно, злобно прижав уши к голове.

Серый и черно-белый усаживались на самом коньке крыши глаза в глаза и начинали петь. Ах, как они пели! Кошка просиживала ночи напролет, наслаждаясь этим концертом. Да разве только она одна?! Все окрестные коты и кошки собирались здесь же, но не подходили близко.

— Мрррррррря-уууууу! — запевал басом серый.

Кошка знала, что он поет для нее и понимала это примерно так:

— Я в честном бою победил восемнадцать котов!

Черно-белый подхватывал и выводил старательно свой куплет:

— А я победил семь, но все они были не хромые и-сильные-пресильные...

Иногда, в особо волнующих местах, подхватывали хором и другие коты. Людям почему-то не нравится кошачье пение. Ну что поделаешь, у каждого свои недостатки.

Эти замечательные концерты продолжались больше недели. А потом серый заметил, что кошке нравится больше пение черно-белого, и так рассердился, что бросился в драку. Драка была жестокой, но справедливость восторжествовала: черно-белый победил. И кошка полюбила его. Правда, недолго длилось их счастье. Коты — народ непостоянный...

Однажды черно-белый ушел на другую крышу и не вернулся. Кошка так переживала, что перестала выходить во двор. Она сильно растолстела и начисто позабыла про непостоянного черно-белого кота.

Потом в укромном уголке под кроватью у нее появились два котенка. И оба они были черно-белыми. Цвет их шерсти смутно напоминал кошке о чем-то, но она не могла вспомнить, да и не очень старалась. И без этого у нее хватало забот.

Она вылизывала котят по пять раз на день, кормила молоком, согревала. Ах, какое это было счастливое время!

Но однажды кошку закрыли в другой комнате, а когда выпустили, котят на месте не оказалось. Остался один

запах. Кошка обошла все комнаты, слезила в подполье. Котят не было. Тогда она стала громко звать их, а хозяин стал кричать на нее, бить, потом схватил и понес к двери. От него почему-то пахло котятами. Почему, кошка не могла понять. Хозяин открыл дверь и выбросил ее во двор.

Кошка обыскала и двор, и крышу, и сарай — котят не было. Правда, под старой яблоней, от свежей, разрыхленной земли, пахло котятами, но очень слабо. Оттаявшая земля исторгала столько запахов, что трудно было разобраться...

V

Сегодня кошке наконец повезло. Совершенно случайно, пробегая по недавно скошенному лугу, она наткнулась на подрезанную косилкой, умирающую молодую перепелку. Кошка тут же съела ее. Но прошло совсем немного времени, и вместо обычного ощущения спокойной сытости в животе вдруг возникла резкая боль. Судороги согнули кошку. В коротких перерывах между приступами кошка, вместо того чтобы отдохнуть, поднималась и шла по лугу наугад. Шла, пока наконец не наткнулась на незavidную травку с малоприятным запахом. Раньше она бы прошла мимо, но сейчас стала с жадностью поедать ее стреловидные листья. Боль в желудке постепенно утихла. Кошка полежала немного и, почувствовав себя лучше, снова двинулась в путь.

Она очень изменилась. Даже хозяин с трудом бы узнал ее. Когда-то блестящая шерсть поблекла, висела грязными сосульками. Бока ввалились. Глаза воспалились и болели. Лапы распухли и кровоточили. Каждый шаг причинял кошке тяжкие страдания.

Четыре дня тому назад ее выбросили в старом пыльном мешке на дорогу. Машина умчалась, а до смерти перепуганная кошка тщетно царапала жесткую мешковину, пока один любопытный шофер не развязал его. Кошка чувствовала, что осталось совсем немного — день, ну от силы два — и она будет дома, где хозяин даст ей молока, приласкает.

Правда, отношения между ней и хозяином последнее время изменились. Хозяин перестал ласкать ее и детям строго-настрого запретил брать на руки, смотрел косо и вскоре перестал пускать в дом. Кошка не могла понять, что случилось. Она не знала, что, уничтожив всех мышей

в доме, перестав приносить и складывать их у порога, вызвала подозрения у хозяина. Раз кошка не ловит мышей, значит, она или больна, или стара.

VI

К концу дня кошка наконец вышла из леса. Впереди начиналась городская окраина. Но здесь ее ждала другая опасность — собаки. Задолго до того как кошка подошла к крайнему огороду, она услышала разноголосый лай, а затем учуяла и запах. Лай и запах неслись со всех сторон. Кошка присела под забором, дожидаясь темноты.

От усталости она, очевидно, задремала. А когда очнулась, увидела прямо перед собой большую лохматую собаку. Она сжалась в комочек. Собака удивленно уставилась на кошку и принялась. Эта кошка была какая-то странная, и запахи от нее исходили совсем другие, не такие, как от обычных домашних кошек. Она пахла лесом, зверем, травами и была такая худая, грязная и жалкая... Еще раз тщательно обнюхав ее, собака отошла в сторону.

Когда стемнело, кошка двинулась дальше. Шла она медленно, крадучись. Вот завоняло бензином, резиной, загрохотало громко... Кошка распласталась на обочине, затаила дыхание — автомашина промчалась мимо. Кошка вскочила, бросилась через дорогу и чуть не попала под колеса мотоцикла...

И все же она благополучно миновала вторую, третью, четвертую улицы... Маленькие дома кончились, впереди лежал пустырь, заваленный мусором. А уже за этим пустырем светились огнями высотные здания.

Запахи, идущие с пустыря, были так необычны и сильны, что уже сами по себе пугали. Пахло железом и цементом, гниющими овощами и трупами животных, прелым деревом и остывшим шлаком, горелой резиной и чем-то таким, чего кошка не знала. Здесь была своя жизнь — что-то стучало, пищало, скрипело, хлопало, бродили неясные тени... И чем больше кошка боялась, тем стремительнее она перебегала от одной кучи мусора к другой.

Мимо громадных одинаковых и одинаково пахнущих домов кошка бежала, почти не остерегаясь, хотя в свете фонарей была хорошо видна. Она чувствовала, что еще

немного и начнутся знакомые места... Да вот — знакомый забор, лазейка в нем, крыльцо...

Кошка уселась на верхней ступеньке и принялась, узявая привычные нестрашные запахи, наслаждаясь ими, — запах собаки, которая долго враждовала с кошкой, а последнее время даже подружилась, запах хозяина, запах котенка, которого недавно принес хозяин и которого кошка успела полюбить...

Да, ей нечего было больше опасаться и некуда спешить. Она была дома.

VII

Солнце осветило двор, заиграло на стеклах окон. Наконец кошка услышала звон будильника, скрип кровати под тяжестью тела хозяина, его кашель, шлепанье тапочек по полу. Загромыхал засов. И кошка поспешно поднялась, чтобы приветствовать своего повелителя.

Дверь открылась. Хозяин увидел старую кошку, узнал ее и, пнув, сбросил с крыльца. Потом закричал собаке:

— Взять ее! Взять!

Собака выскочила из конуры и кинулась к воротам. Но хозяин указал рукой на кошку:

— Взять!

Собака растерянно заметалась по двору. Тогда он сбежал с крыльца, теряя тапки, размахнулся... Но кошка не стала дожидаться удара, убежала в сарай, забились в дальний угол.

Весь день она просидела в сарае, а вечером вышла на окраину, к оврагу, прилегла на краю обрыва под кустом и закрыла глаза...

А хозяин?! При чем здесь хозяин?! Он же не бросил ее в старый колодец, не повесил, не утопил в реке... Он проснулся рано утром, намылил щеки, шею, подбородок. Глянул в зеркало и твердой рукой повел бритвой по надутой щеке. Острое лезвие с мягким треском срезало щетину, и мыльные пузырьки с еле слышным шорохом лопались. Потом он сполоснул лицо холодной водой из-под крана, промокнул полотенцем досуха, сбрызнул одеколоном и поморщился от легкой боли. Плотно позавтракал. Налил молока котенку, пощекотал его за ушами. Вышел из дому и не спеша зашагал на службу знакомым маршрутом, как ходил каждый день вот уже много лет...

РАССТАВАНИЕ

Солнце было в зените и жгло нещадно. Деревья стояли, уныло опустив листья, и не давали тени. В дальнем углу двора от кучи навоза маревом поднимались испарения. Куры, словнодохлые, лежали в пыли на боку, воробьи сидели на заборе, поблизости от старого тазика, из которого, не торопясь, став на его край лапами, лакала белая с желтыми пятнами кошка.

Воробьи шумно осуждали ее неторопливость, но слететь с забора боялись. Кошка несколько раз отрывалась от воды, нервно подергивала шкурой на спине, изгибала хвост, аккуратно облизывалась и принималась лакать снова. Воробьи, конечно же, ее интересовали, хотя она старалась не подавать вида. Но то ли ей сегодня лень было гоняться за ними, то ли она понимала, что в такую жару точного прыжка не получится, поэтому отошла от тазика, остановилась, отряхнула лапы, скосила глаза на забор и не спеша направилась к открытой двери сарая.

Воробьи тут же овладели тазиком и подняли такой галдеж, что разбудили еще одного обитателя двора — собаку, которая подняла из вырытой у конуры ямы крупную голову с висячими ушами, внимательно осмотрела весь двор, зевнула, обнажая желтые клыки, пошевелилась, устраиваясь поудобнее; и было снова прикрыла глаза, как вдруг вскочила. Теперь ее было видно всю — темную, почти черную спину и рыжие подпалины на брюхе и лапах. Собака застучала хвостом по стене конуры, запрыгнула на крыльцо и всем телом потянулась к двери. Дверь открылась, и на крыльце появился хозяин. Но собака не бросилась к нему, не стала ластиться. Наоборот, она отступила в сторону и встревоженными глазами проводила его с крыльца.

Хозяин обошел двор, поднял вилы, воткнул их в кучу навоза, отошел, потом вернулся, тщательно очистил

их щепкой и отнес к сараю. Прошел вдоль забора, остановился у ворот, вернулся опять к сараю.

Необъяснимая тревога толкнула собаку к хозяину. Она подбежала, ткнулась носом в его безвольно опущенную руку, потерлась боком о ногу. И он присел на корточки, обнял ее за шею, прислонился щекой к морде. Потом что-то пробормотал извиняющимся тоном, потрепал по загривку, снова наклонился, притянул к себе, поцеловал в морду и ушел в дом.

Собака поднялась на крыльцо, обнюхала следы хозяина и улеглась тут же, далеко высунув от жары язык. Ей бы лучше лежать сейчас в прохладной яме у конуры, но беспокойство уже не отпускало, и она сторожила хозяина у двери.

Через некоторое время на крыльцо вышла хозяйка с миской, из которой пахло мясным супом. Хозяйка подошла к конуре и уже оттуда позвала каким-то сдавленным голосом:

— Найда, ко мне! Ко мне!

Собака, услышав свое имя, начала спускаться с крыльца, но тут же вернулась, и, уткнув нос в створ двери, сильно втянула в себя воздух — хозяин был здесь.

— Ко мне, Найда! Ко мне! — строже приказала хозяйка, и Найда неохотно подчинилась. Она подошла к миске, обнюхала ее и стала лакать, то и дело оглядываясь на дверь.

Почувствовав на шее ошейник, собака рванулась, но хозяйка уже достала ржавую цепь, щелкнул карабин... Тонко и жалобно заскулила Найда. Заметалась, гроыхнула цепью, сильно ее натянула.

Вскоре на крыльцо вышли все — хозяин, хозяйка и старая бабка — мать хозяйки. Выглядели они странно сегодня. Хозяйка и бабка плакали. Хозяин с заплочным мешком был тоже печален. Они пошли к воротам. Чтобы обратить на себя внимание, собака гавкнула негромко. Хозяин вернулся, погладил ее, и она притихла от этой ласки.

С улицы донеслись возбужденные голоса, заиграла гармошка, закрипели колеса подвод, и хозяин заспешил, больше ни разу не оглянувшись. Собака завизжала отчаянно, потом громко, требовательно залаяла. Но никто не прикрикнул на нее, не подошел, не успокоил. Найда хватала ржавую цепь зубами, грызла ее иступленно, роняя на землю кровавую пену, но цепь держала креп-

ко. Странное поведение хозяина объясняется какой-то бедой, так понимала Найда. Она хотела мчаться к нему на помощь. И изнывала в борьбе с неумолимой цепью. Стараясь сбросить ошейник, она стала пятиться назад. Боль резанула уши. Найда опрокинулась на спину, но тут же вскочила, обнюхала ступени крыльца и, взяв след хозяина, бросилась на улицу.

Навстречу ей шли люди, среди которых были и хозяйка и бабка. Но хозяина не было, и собака бежала дальше, не обращая внимания на крики хозяйки.

Она прибежала на станцию, и тут, на перроне, след хозяина пропал. Найда вернулась немного назад, вновь нашла запах хозяина и вновь, дойдя до металлических рельсов, потеряла. Она делала и делала круги, то расширяя их, то сужая, не замечая пинков прохожих, даже не огрызаясь. Да, след хозяина пропал. Это было так страшно, что собака села прямо посередине заплеванного перрона и завывала.

На нее кричали, в нее бросали камнями. И лишь один старик подошел, погладил, сказал печально:

— Ничего не поделаешь, псина, — война!

От этой ласки, от слов, которые она не поняла, но которые были произнесены с искренней жалостью, у собаки проснулась надежда — вдруг хозяин дома. И она помчалась изо всех сил домой, распугивая блаженствовавших в дорожной пыли кур.

Но дома хозяина не оказалось. И Найда бросилась искать его по деревне. Ночью, усталая и растерянная, она жутко выла, и ей вторили все деревенские псы.

II

ОХОТА ПО ЧЕРНОТРОПУ

Найда долго не находила себе места. Ничего не ела. По ночам выла. Бока ее ввалились. Шерсть, еще не полностью вылинявшая, свалилась и торчала клочьями. Собака искала хозяина. Она искала во всех тех местах, где они когда-то вместе бывали. Каждый раз она начинала с крыльца. Крыльцо еще хранило слабый запах хозяина. Запах снова и снова толкал Найду на поиски. Ведь хозяин был с ней всегда. Каждый день, каждый час он был где-то рядом и вдруг исчез.

С каждым днем запах становился все слабее. Од-

нажды утром прошел теплый короткий дождь, он окончательно смыл все следы и запахи. Только из сеней еще немного пахло хозяином. Ночью, когда особенно ярко сияла луна, собакой овладевала непонятная хандра. Она садилась посреди двора, задирала морду кверху. Выла долго, пока не прогоняли.

Приближалась зима. Уже мочили иссохшую землю осенние нудные дожди. Уже день стал заметно короче, ночи холоднее. Найда покрылась густой шерстью с подшерстком. Она тоже готовилась к зиме. Потому что скоро, вот-вот, как каждый год, наступит время охоты по чернотропу.

И время это пришло. Весь день было пасмурно, сыро, а к вечеру внезапно похолодало, небо вызвездилось и ударил легкий морозец. Он тонкой корочкой покрыл лужи, подсушил тропки, посеребрил инеем сухую траву и оставшийся на деревьях редкий лист, обострил запахи. Беспокойство овладело Найдой. Что-то должно произойти сегодня, как происходило каждый год в это время. Собака была полна сил, и силы копились именно к этому дню...

Перед рассветом Найда вылезла из конуры, прошла по двору, разминая мышцы, и уселась на верхней ступеньке крыльца, нетерпеливо поглядывая на дверь. Но никто не выходил из дома. Тогда Найда подняла морду к ярко блестевшим звездам и неистово залаяла.

— Чтоб ты подохла, окаянная! — дверь открылась, бабка ударила собаку ухватом, сталкивая ее с крыльца.

Собака, прихрамывая, отбежала в сторону и присела. Из дверей вылетел ухват, гулко ударился о мерзлую землю, и собака медленно пошла со двора. Вышла на пустынную улицу, перешла на другую сторону, к забору. Долго ковырялась в кустах, принюхиваясь и морщась от свежего запаха землеройки. Потом выбежала за околицу и села прямо на дороге, вглядываясь вперед. Звезды гасли, недалекий лес из черного стал серым, белыми пятнами проглядывал иней... Вот оно, самое время!

Найда уже сделала несколько шагов в сторону леса, но вдруг повернулась и потрусила назад — к дому. Потом помчалась изо всех сил. С ходу перемахнула через ограду и заскочила на крыльцо — нет никого! И она решила. Снова прыжок через забор и галопом через поле. Не успела она добежать и до первых кустов, как в нос шибануло лисьим запахом — сильным, нестерпим-

мым. И Найда, вытянувшись в струнку, пошла обочь следа, пофыркивая, чтобы прочистить ноздри и проверить надежность запаха. Все было как всегда, и она, разгоряченная, страстно заголосила на все поле, на весь лес, извещающая о начале охоты, о начале зимы. Она лаяла, задыхаясь от азарта, и мчалась из всех сил, набирая скорость, верхним чутьем угадывая направление следа.

И огненно-рыжая лиса почуяла собаку, пошла кругами, делая неожиданные прыжки и повороты.

Собака шла уже третьим кругом, когда впереди гулко ударил выстрел, и она, перемахнув кусты, увидела человека с ружьем, а рядом с ним бьющийся рыжий пушистый ком. Это был не хозяин, но из ружья этого человека так сладко тянуло порохом, что Найда подбежала без опаски и завиляла хвостом, заласкалась. Происходящее сейчас было для нее самым важным, самым главным — тем, для чего она была создана...

III

ДЕД ЕГОР

Человек с ружьем оказался дедом Егором. Найда и раньше изредка его встречала. Он жил километра за три от деревни, на пасеке. Пасека была большая, и следили за ней три человека — дед Егор и два помощника. Но как только подготовка пасеки к зиме заканчивалась, помощники направлялись на другие работы, и лишь дед Егор по старости — нынче летом ему исполнилось восемьдесят лет — оставался, отдыхал и сторожил омшаник. Жил он в небольшой деревянной избушке, жил бобылем — жена померла лет двадцать назад. Дед Егор любил побаловаться ружьишком, хорошо знал хозяина собаки, слышал и о ней самой. Когда Найда так неожиданно выгнала на него лису и осталась с ним, он обрадовался. На следующий день наведалься в деревню, договорился с хозяйкой, что собака до весны побудет у него. Правда, на пасеке жили еще две собаки — Шарик и Букет, но эти незаменимые для сторожевого дела дворняги не годились для охоты. И Шарик и Букет отнесли к новенькой очень хорошо и подружились сразу. Найда не рычала на них, не кусала, наоборот, они нравились ей, особенно Букет, пятнистый черно-белый кобель с лихо закрученным хвостом и мощной грудью.

Ночью пошел снег. Ветра не было, и снег падал от-весно и густо. За полночь он перестал, засверкали звезды, круглая яркая луна удивленно оглядывала землю.

Найда, спавшая на полу у топчана, услышала, как дед Егор закашлял, закрихтел, поворачиваясь с боку на бок. Она подняла голову и насторожилась. Дед Егор сел на топчане, спустил ноги на пол. Зевнул, помассировал колени, поясницу и встал. Подошел к окну, подышал на него, протер стекло. Собака внимательно наблюдала, постукивая об пол хвостом. Дед обернулся от окна и веселым голосом сказал:

— Ишь разлеглась. Собирайся давай. На охоту. На охоту!

Собака взвизгнула, кинулась к деду Егору, прыгнула ему на грудь, стараясь достать языком лицо. Дед Егор, не ожидавший такого бурного проявления чувств, пошатнулся и упал на топчан.

— От язвы ты, — заругался он, поднимаясь. — Ну и лошадь! Сила в тебе немеренная. Надо же... Сногшибла, окайнная! Ну ничего, сейчас набегаешься, к вечеру еле лапы таскать будешь. Да ляжь ты! — прикрикнул он строго, чтобы предупредить еще один прыжок.

Стоя у двери, собака смотрела, как дед Егор медленно оделся, взял ружье и наконец откинул крючок. Собака толкнула дверь и выскочила на крыльцо. Под лапами весело скрипел снег.

Шарик и Букет вывалились откуда-то из-за сарая и, стараясь показать свое усердие, дружно залаяли в сторону леса.

Луна уже зашла, но было так светло, так чисто, что отчетливо виден каждый кустик, каждая былинка.

Найда бежала легко и бесшумно. Дед Егор не мог идти быстро, потому нет-нет да покрикивал:

— Рядом! Рядом! — и собака поневоле замедляла бег.

Они не прошли и половины пути до леса, как Найда взяла след. След свежий, лиса вот-вот, совсем недавно шла по тонюсенькой мышьиной тропке. Вот она сделала бросок в сторону, разгребла кучу соломы и спокойно пошла дальше, не подозревая, что скоро помчится, спасая свою жизнь.

— А-ах! А-ах! А-ах! — редела собака.

Лиса вильнула к оврагу, скатилась вниз по склону и сразу же наверх, перескочила через замерзший ручей,

продралась сквозь густые и колючие кусты, оставляя на них клочья рыжей шерсти, и стала забирать вправо. Молодая лиса неопытная, такая скоро пойдет под выстрел.

И точно, уже гроыхнуло неподалеку. И Найда, еще не остывшая от погони и запаленная, обнюхала лису, с силой втягивая в себя запах крови и пороха.

— Хорошо! Хорошо Молодец, — похвалил дед Егор, укладывая добычу в заплечный мешок. — Может, еще пофартит, а? Вперед! Ищи!

Всю зиму собака проохотилась с дедом Егором. Много они добыли лис и зайцев. Все шкурки дед Егор сдавал в фонд обороны бесплатно, а заячьим мясом питался сам и помогал хозяйке собаки.

Но к весне дед Егор слег в постель. Собака скучала у порога избышки, рычала на Шарика, пристававшего к ней с нежностями, а Букета больно укусила. Она была очень раздражительной, она готовилась стать матерью. Поэтому вскоре покинула пасеку и прибежала в деревню, на знакомую улицу, в родной двор. Она обошла все потайные углы, обнюхала все подозрительные места, сверила со знакомыми запахами — запахами хозяйки и бабки. Взошла на крыльцо и призывно залаяла...

Дверь открылась сразу же, ее впустили в комнату и стали гладить. Бабка все приговаривала:

— Кормилица ты наша, кормилица!

Хозяйка оделась, вышла во двор, выгребла из конуры снег, и набила ее свежим сеном. И собака, потоптавшись, улеглась, устало прикрыв глаза. Она была дома...

IV

ПАДЕНИЕ

Весна выдалась ранняя и на редкость скорая. Снег сошел быстро, и, подгоняя его, вдруг в середине апреля ливанул совсем по-летнему теплый дождь с громом и молнией.

Бабка испуганно крестилась, шептала молитвы и говорила, что это не к добру. Да добра и так не было — откуда ему взяться? Старая картошка кончилась, до новой далеко, мука на исходе. Если зимой семья перебивалась зайчатинной, которую чуть не каждый день приносил дед Егор, то теперь в доме было голодно. Ко все-

му еще Найда ощенилась. По одинаковой черно-белой масти щенков сразу можно было определить отца — Букета деда Егора. Четверо щенков вскоре куда-то исчезли, два сдохли. Но и двоих оставшихся прокормить было трудно. Найда всю ночь носилась по деревне в надежде пайти что-нибудь съедобное. Но таких, как она, голодных собак и кошек, было много. Если и удавалось найти что изредка, так это картофельные очистки. Голод поджимал брюхо, и собака пошла к деду Егору.

Он принял ее ласково, накормил чем мог и хотел было задержать, но собака заторопилась домой. Щенки, тоненько повизгивая, ползали у крыльца в поисках пищи. Завидя мать, они бросились к ней, и Найда легла тут же, блаженно прикрыв глаза.

На следующий день она снова побежала к деду Егору. Но он пожурил ее и дал всего-навсего корочку хлеба. Он тоже жил впроголодь.

Собака опять обежала все улицы, все дворы, в которые можно было пролезть, но нигде ничего не нашла. Дома щенки полезли к ней, цепляясь за пустые соски. Собака подошла к двери. Сунув нос в щель, она вдохнула в себя запахи и ударила лапой. Никто не вышел. Гавкнула негромко — никто не ответил. А щенки тянулись к ее соскам и, не получая молока, кусались. Громко и зло залаяла собака. Дверь открылась. Выглянула бабка: молча протянула кусок дранника, который собака проглотила не жуя, не чувствуя запаха отрубей и картофельной шелухи.

— Все, милая, все. — И дверь захлопнулась.

Собака попробовала лаять еще, но дверь больше не открывалась, а щенки толкались и визжали. Тогда Найда, опрокинув щенков, бросилась вон со двора.

До темноты кружила она по деревне, забежала даже в свиарник, где на нее яростно замахнулась виллами женщина.

Голодная собака медленно трусила по соседскому огороду, как вдруг уловила странный запах. Это не был запах зайца, но чем-то все-таки напоминал его. Найда тщательно принялась и двинулась по следу. Вот в темноте ярко забелело какое-то движущееся пятно. На охоте и хозяин, и дед Егор отрезали у убитого зайца лапы, уши и отдавали собаке. Запах белого прыгающего существа напомнил собаке об этом, вызвав обильную слюну.

Найда рвала кролика, сбежавшего из клетки соседа, глотая куски мяса прямо со шкурой. Потом, подлизав все пятна крови, подобрав даже самые маленькие кусочки, осоловев и качаясь от сытости, она направилась к дому.

Щенки встретили ее радостным визгом и тут же замолчали, припав к соскам.

На следующий день собака сразу направилась к соседу в огород. Нашла место вчерашнего пиршества, запах кролика уже перебивался запахом кошек. Собака прокралась ближе к дому соседа и, учуяв вчерашний запах, легла. Что-то подсказывало ей, что она делает запретное, поэтому и осторожничала. Но голодные щенки, да и пустое брюхо, заставляли внимательно смотреть в сгущающиеся сумерки, туда, где темнели длинные ряды клеток — от них густо и вкусно пахло. Ничто не предвещало беды, и собака подползла вплотную к клеткам. Еда была совсем рядом, но как ее достать?

Всю ночь собака грызла толстые угловые брусья клеток. Она истокровенила десны, губы, но достать кролика так и не смогла. С рассветом пришла домой, забилась в конуру и целый день пролежала там, копя силы, рыча на щенков.

Когда стемнело, Найда снова была у клеток. Наученная опытом, она не стала грызть толстые брусья, а попробовала снизу приподнять пол клетки. И в одном месте ей это удалось. Доски с шумом упали, в дыру прыгнуло несколько молодых кроликов. Найда схватила одного и вдруг услышала шаги. Подошел сосед, что-то бормоча под нос. Найда замерла. В темноте белели ее оскаленные клыки. Пищу, добытую с таким трудом, она не собиралась уступить даже человеку.

Сосед, потоптавшись около клеток и не заметив проломленного пола, ушел. Проводя его взглядом, Найда помчалась домой. И когда она пробежала мимо последней клетки, что-то, щелкнув, схватило ее за лапу. Боль была такая сильная, что не будь у собаки в пасти кролика, она бы закричала. Но даже эта боль не заставила ее бросить добычи. Она рванулась что было силы и, таща на лапе защелкнутый капкан с обрывком веревки, захромала к дому.

Собака зашла во двор, положила задушенного кролика и тихонько взвизгнула, подзывая щенков. Но никто не ответил. И тогда, заподозрив неладное, не обращая

внимания на боль, она бросилась на поиски. Она обшарила весь двор — щенков не было. Найде очень мешал капкан, она вцепилась в него зубами, стараясь сорвать, но зубы только скользили по железу. Хромая, она обошла улицу, вернулась во двор, села посередине его и завyla.

Найда была до тех пор, пока не вышла из дома бабка, не сняла с ее лапы капкан и не подобрала остатки кролика, которые потом сварила для себя и хозяйки.

V

РАЗНЫЕ ЛЮДИ — РАЗНЫЕ ЗНАКОМСТВА

Второй год грохотала война. Напуганные прошлогодней голодной зимовкой, люди запасали картофель, овощи... Старались заложить, засолить как можно больше, чтобы хватило до нового урожая. Не до собак.

Конечно, и собаки замечали резкие изменения, происходившие на их глазах: еды стало меньше, мужчин в деревне совсем не увидишь, женщины легко раздражались. Собак никто не привязывал, они были предоставлены самим себе и шлялись по деревне, пугая прохожих. Правда, ночью они забирались в свои родные дворы и кое-как несли караульную службу.

Чем ближе к охотничьему сезону, тем чаще к хозяйке стали приходить разные люди, зачастую из отдаленных деревень. Обычно они приходили во двор к полу-дню, долго рассматривали собаку, даже щупали ее, заглядывали в пасть. Это были в основном старики с жесткими негнушимися ладонями, но запахи исходили от них волнующие. Осмотрев собаку, они заходили в дом, о чем-то спрашивали бабку, которая вдруг становилась сердитой и ворчливой, потом садились на крыльцо или на лавочку у ворот и ждали хозяйку. Собака располагалась неподалеку, потому что знала — ее обязательно будут кормить. Люди подзывали ее, гладили, доставали из-за пазухи узелочки и бросали на землю хлеб, а иногда и куски вареного мяса. Некоторые пытались надеть при этом ошейник, некоторые старались выманить за деревню, но на таких людей собака не стеснялась иной раз и оскалить зубы.

Поздно вечером приходила усталая хозяйка, и эти люди упрашивали ее, что-то обещали, доставали деньги, но она была неумолима, начинала сердиться, кричать и гнала собаку в дом.

Найда была очень осторожна и все-таки однажды сплеховала. Она даже не помнила, приходил этот человек к хозяйке или нет. Ночью, когда калитка и ворота запирались на засов, собака выходила на улицу через дыру в заборе. Так и в этот раз, как только стемнело, она прошлась по двору, проверила, нет ли подозрительных запахов, поднялась на крыльцо, обнюхала дверь — хозяйка с бабкой были дома. Легкой трусцой Найда побежала к своей лазейке. Запах чужого человека она учуяла давно, но он шел с улицы, а мало ли кто на улице проходит? Она безбоязненно просунула голову в дыру в заборе, выбросила передние лапы и тут что-то сдавило ей шею. Собака ничего не видела, дыхание перехватило, и она тяжело упала в дорожную пыль. Человек схватил ее за задние лапы и потащил волоком. Он бросил собаку в телегу, наскоро закрутил лапы веревкой и погнал лошадь за деревню.

Найду мотало, било о жесткие доски и постепенно петля, стягивающая горло, ослабла. Она рванулась, пытаясь выскочить, но связанные лапы не подчинились, прыжка не получилось, она только с трудом перевалилась через край телеги.

До рассвета Найда пролежала в придорожной канаве, стараясь разгрызть веревки. Наконец ей удалось освободить задние лапы, и она со связанными передними припрыгала домой.

Бабка заохала, развязав и накормив собаку, долго кого-то ругала, разглядывая веревки, и даже грозила кулаком.

Несколько дней Найда отлеживалась и не выходила на улицу. Но голод вскоре заставил. Она направилась было к своей лазейке, издали обнюхала ее и хотя ничего подозрительного не обнаружила, оскалила на всякий случай зубы, но, постояв немного, повернула к сараю. И через огород, кружным путем вышла на улицу.

Все было по-прежнему: и осенняя слякоть, и тощие собаки и кошки, шныряющие в поисках объедков. Но теперь Найда держалась настороже. Она перестала доверять даже тем дворам, куда раньше забегала без опаски.

Вечером в их доме появился еще один человек. Он резко отличался от всех, кого собака видела раньше. Это был молодой, но уже сердитый мужчина, сытый, чистый, уверенный в себе. И приехал он не на заморенной коняге, а на округлом нервном коньке, который и привязанный к забору нетерпеливо перебирал копытами и грыз удила.

Найда, отвыкшая от таких лошадей, подошла поближе, удивленно гавкнула коньку в морду. Обычно лошади, истомленные работой, только мотнут головой и все. Этот же встал на дыбы, рванулся что есть силы, оборвал повод и пошел по улице немного боком, кося бешеным глазом на собаку. И она, вдруг забыв про пустой желудок, бросилась за ним с веселым лаем, дурачась, как давно уже не дурачилась.

Она бросила его далеко за пасекой деда Егора, когда конек покрылся белой пеной, и направилась было домой, но мшаник, ровные ряды ульев заставили ее завернуть. Шарик и Букет выскочили навстречу с лаем, но, узнав, завилили хвостами и стали обнюхивать. Были они изрядно похудевшие, бока ввалились, шерсть ключьями висела на ляжках. Собака вбежала во двор и увидела деда Егора, который с хриплым хеканьем колот дрова. Она подходила даже к нему с недоверием, издали принюхиваясь, но доброжелательно помахивая хвостом.

Дед Егор воткнул топор в бревешко, с трудом разогнулся, держась за поясницу и зашкандылял в старых валенках с обрезанными голенищами к крыльцу. Медленно, осторожно сел на ступеньку. Вздыхнул и заговорил усталым, тихим голосом, почесывая собаку за ушами:

— В гости пришла? А может, уже на охоту собралась?

При слове «охота» собака взвизгнула, стараясь лизнуть деда Егора в лицо.

— Но-но! — отшатнулся тот. — Ишь ты, не забываешь?! А я, грешным делом, думал, продали тебя. Ведь сам директор мельницы приезжал за тобой, а? Охотничек, язви его, — дед Егор презрительно сплюнул. — Два мешка муки сеянки предлагал. Да-да. У меня, брат, теперь помощники бабы, так что мне допрежь председателя сельсовета все известно. Кричал директор мельницы, что, мол, все равно ты его будешь. Значит, не уговорил

он твою хозяйку. Ну и ну, дай-то бог. Ведь не пужна ты ему, какой из него охотник... Тьфу! — дед Егор опять сплюнул. — Форс держит, подлец, все лучшее скупает. Намедни ружье бельгийское трехствольное у Хомутовых за мешок муки взял. Теперь тебя сватает. Эхе-хе! Времена... — дед Егор тяжело вздохнул, поднялся с трудом и зашаркал обрезками валенок назад к дровам.

VI

ДВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Сегодня собаку заманили куском мяса во двор к директору мельницы. Собака понимала, что нельзя входить во двор, но мясо так соблазнительно пахло, а она была так голодна... Поэтому Найда проскользнула в калитку, и калитка тотчас захлопнулась. Собака рванулась назад — нет хода. Она бросилась по двору в поисках хоть какой-то лазейки и увидела — на крыльце стоит человек и протягивает ей кусок мяса.

— На, Найда! На!

Но страх уже охватил Найду. Она боялась чужого двора, чужого человека, боялась мяса. Забор был слишком высок, у калитки стоял директор мельницы, и только дверь сарая была открыта. Обезумев, Найда вбежала туда, но и там не было выхода на улицу, хуже того, сзади захлопнулась дверь и два человека с веревками в руках стали подступать к ней. Собака забилась в угол и оскалила зубы, предупреждая, что она боится, что может броситься даже на человека.

— Найда! Найда! — звали ее шепотом люди, но голоса их не успокаивали собаку, они вызывали у нее ужас.

Испокон века сам человек, выводя гончую породу охотничьих собак, своим отбором, тренировками старался сделать ее незлобивой, ласковой, направляя всю злость ее, всю ярость на погоню за зверем. И это ему удалось. Но слишком многое свалилось в последнее время на Найду. Страх мучил ее нестерпимо, и она, зарывав, бросилась на того, кто был ближе к ней, — на директора мельницы. Рванула клыками человеческое тело, почувствовала в пасти кровь и, истерически визжа, выскочила во двор. Перескочить калитку сразу она не смогла, повиснув на передних лапах, слыша крики пресле-

дователей, бешено заскребла задними по доскам и тяжело вывалилась на улицу. Вслед неслись проклятья; оглянувшись, она увидела директора мельницы с ружьем и инстинктивно прыгнула в сторону. Рядом по пыли пробарабанила крупная дробь. Потом хлестнул выстрел еще, и собака, завизжав, свернула в переулок, пролезла в дыру в чей-то огород и по полегшей картофельной ботве рванула к лесу. Она бежала изо всех сил и остановилась только в глубоком овраге, в густых зарослях черемухи. Здесь она стала зализывать раны и выдирать крупную дробь из спины и бока.

Понимала ли Найда, что совершила преступление, бросившись на человека? Наверное, понимала, иначе почему она целых три дня даже близко не подходила к деревне? Лишь на четвертый, изголодавшаяся, хромая, с еще незажившими ранами пришла, и то не домой, а к деду Егору.

Ночевала собака на пасеке. А наутро пришли помощники и принесли весть, от которой посветлело дедово лицо. Почесывая за ушами собаку, он бормотал ласково:

— Хорошая ты, хорошая. Теперь тебе бояться нечего. Кончился твой директор. Забрали его. Ладно все получилось. Вызвал он милицию, чтобы наказать твою хозяйку да тебя пристрелить как бешеную. Милиция приехала и его же самого под белы ручки — ну-ка ответ держи — куда государственную муку девал. Так и прибрали подлеца. Поделом ему. Есть правда на белом свете.

Довольный, что справедливость восторжествовала, дед Егор сидел на крылечке до самых сумерек, а Найда лежала, вытянувшись у его ног. Давно ее никто не ласкал.

Так и не пошла больше Найда домой. Дело шло к зиме. Дед стал готовиться к охоте. Припасов не хватало. Дробь он сам делал из старых ржавых гвоздей. С порохом было труднее. Тот порох, что шел на войну, не годился для охотничьих ружей. Он разрывал стволы, калечил охотников. Поэтому каждую крупинку довоенного дымного пороха дед Егор берег. Из-за этого и случилось несчастье.

Уже по снегу подняла собака у скотомогильника здоровенную лису. Выгнала на деда Егора. Тот выстрелил почти в упор. Но то ли дрогнула старческая рука,

то ли самодельная дробь не достала до сердца, только ушла лиса, сильно кровеня белый снег. Собака догнала ее далеко от деревни, у Черной пади. Остановила. Лиса легла, жадно хватая снег. Найда громко лаяла, подзывая деда Егора. Тот подошел не скоро. Лиса успела отдохнуть, восстановила силы. Запыхавшийся дед Егор было поднял ружье, но передумал и стал науськивать собаку:

— Взять ее! Взять! Взять!

Собака кружила вокруг лисы в растерянности. Гончие не должны давить подранков, поэтому она не умела этого делать и не понимала, чего от нее требуют. Но, жалея заряд, дед Егор все-таки вынудил ее броситься на лису. Найда прыгнула неуклюже—лиса, изловчившись, ухватила ее за переднюю лапу. Найда не выдержала, вырвала лапу у лисы из пасти, а лиса, воспользовавшись замешательством охотника, бросилась наутек и скрылась в кустах.

Дед Егор, страшно ругая себя, осмотрел рану. Как смог, перевязал ее. И, взвалив на плечи, хотел нести Найду домой, но сил не хватило. Собака сама кое-как доплелась до пасеки.

К утру лапа распухла. Теперь дед не пожалел пороха, растерев его, состряпал мазь. Но Найда срывала повязки и все лизала и лизала лапу. Конечно, ни о какой охоте речи не могло быть. А однажды утром Найда ушла домой, в деревню.

Только к весне лапа у нее зажила, но она стала бояться лис. Если раньше она пропускала заячьи следы, стараясь найти лисий, то теперь наоборот. Когда ей попадался лисий след, она поджимала хвост и поворачивала назад. Охотиться с ней стало невозможно. Очевидно, как гончая она навсегда была потеряна.

VII

СЧАСТЬЕ

Человек шел с войны. Темной осенней ночью шел от железнодорожной станции, куда его привез санитарный поезд.

Три года он не был дома. Три года видел семью, деревню только во сне. Пропавший без вести, контуженный, искалеченный, торопился он теперь домой. По род-

ной улице он уже почти бежал, когда вдруг кто-то сильный, лохматый, кинулся на него в темноте, сбив с ног. «Волк!» — ужаснулся он, инстинктивно закрывая рукой горло. Но волк радостно визжал и лизал шершавым языком его лицо и руку.

И человек сел прямо на дорогу, схватил лохматую морду, прижал ее к себе и зашептал:

— Найда! Собачка моя родная. Узнала меня?! Узнала!

Найда перебегала улицу, когда в нос ей ударил запах, от которого она остановилась. Запах особый, ни на какой другой не похожий — запах ее хозяина. Никогда в жизни она не бегала так быстро. Она боялась, что след пропадет как и тогда, три года назад. Она ничего не видела перед собой, кроме хромающей впереди фигуры в шинели с вещмешком за плечами. На крыльцо она взбежала с таким отчаянным лаем, что в соседних домах зажглись огни, да и в доме послышался встревоженный голос хозяйки:

— Найда, что такое? Что случилось?

Долго длилось наспех собранное застолье. Найда ни на миг не покидала своего хозяина. Под столом она лежала у его ног, не спуская с них глаз, боясь, что они исчезнут. А когда наконец разошлись и бабка хотела ее выгнать, Найда так посмотрела на нее, что бабка смутилась.

— Ладно, оставайся уж... Праздник у нас сегодня!

А утром повалили гости—и близкие, и далекие. Пришел, задыхаясь, с пасеки дед Егор. Он вытер рукой губы, троекратно поцеловался с хозяином и отвернулся, невнятно пробормотав:

— Ветер на улице. Аж слезу вышибает. По всему видеть — снег ночью выпадет, — и, увидев у ног хозяина Найду, позвал: — Ко мне! Ко мне, Найда! — но та только чуть шевельнула хвостом и осталась лежать. — Ишь, ты! — удивился дед Егор. — Теперь меня можно и не признавать? Теперь можно меня и побоку? А с кем ты охотилась, когда хозяина не было, кто тебя кормил, поил? — Собака стукнула несколько раз хвостом об пол, но не поднялась.

— Во, видал, — весело продолжал дед Егор. — Что значит хозяин дома! Дождалась светлого дня. — И, обращаясь к хозяину, сказал вдруг потухшим голосом: — Прости, если сможешь. Испортил я тебе собаку. Не идет

она теперь по красному зверю. Отохотился ты на лис, — и рассказал дед Егор, как пожалел заряд. — Хоть стреляй меня теперь заместо лисы, жаль, шкура не сгодится.

Хозяин молчал, ласково перебирая шерсть на шее собаки, и та блаженно щурила глаза.

А вечером повалил снег. Он шел крупными хлопьями, покрывая землю пушистым белым ковром.

Хозяйка подошла к хозяину и спросила ласково:

— На охоту пойдешь?

— С чем? Ружье где взять?

Хозяйка молча полезла в сундук, из-под тряпья вытащила ружье.

— Все на еду сменяла, а ружье, припасы да вот Найду сохранила...

Утром вышли за деревню, к оврагу.

— Вперед, ищи! — прошептал хозяин.

Собака сразу же пошла челноком и вскоре скрылась в овраге. Светало. Хозяин, не снимая с плеча ружья, замер, глядя на искрящийся розовым снегом, вслушиваясь в утреннюю тишину. На миг ему почудилось, что вот сейчас сомнут эти тишину разрывы снарядов и взметнется снег черными фонтанами изорванной земли.

— Га-х! — раскатилось над полем, над оврагом.

Хозяин снял ружье, стал за куст, передвинул предохранитель.

Лай то приближался, то удалялся.

«Так она же лису гонит!»

И точно! Лиса выскочила из оврага — огненная в лучах восходящего солнца. Она шла прямо на него, еще не чувствуя опасности. Шла не спеша, грациозно изогнув хвост, даже не оглядываясь на лай.

Хозяин положил палец на спусковой крючок. И вдруг опустил ружье, а потом и сам опустился прямо в снег. Лиса прошла метрах в двадцати, но хозяин ее не видел, он сидел, обхватив голову руками, и по щеке его катилась слеза. Он вытер ее ладонью и почувствовал, что рука его пахнет не порохом, а снегом. Простым снегом. Мирным снегом...

А собака шла уже по зрячему зверю и взревела с такой страстью, что хозяин поднялся.

Найда гнала зверя с исступлением, и даже самая хитрая из хитрых лис не ушла бы от нее. Потому что не было собаки счастливей на свете. Не было!

С детства я мечтал иметь настоящую охотничью собаку. Обязательно породистую и обязательно с родословной. Чтобы ходить с ней на охоту, на выставки, чтобы она получала медали, дипломы, чтобы я гордился ею и чтобы все завидовали мне.

Мечта была настойчивой, упорной. Но... сначала не разрешала мама, а позднее не было времени — служба в армии, учеба в институте... Но вот наконец все житейские препятствия позади, и для осуществления моей заветной мечты осталось одно: найти то, что так долго волновало и даже снилось ночами, — настоящую охотничью собаку. И тут я неожиданно столкнулся с большими трудностями, потому что в наше время чистопородная охотничья собака, к сожалению, редкость. За щенками от таких собак очереди невероятные — на три-четыре года вперед, да и то по знакомству. А я не мог ждать так долго, мне нужна была собака сейчас, немедленно.

Помог случай. Как-то вечером позвонил приятель: — Слушай, есть спаниель чистокровный. Сосед по гаражу, врач, уезжает за границу работать. Продает собаку...

Я засыпал приятеля вопросами, но он сам толком ничего не знал, лишь согласился утром сопровождать меня.

Ночью я ворочался с боку на бок. Вставал. Курил. Листал охотничью литературу и мечтал. Я видел этого спаниеля ясно. Видел как наяву. Видел его поиск — нервный, горячий... Его неповторимую стойку на дичь. Видел, как, громко хлопая крыльями, взлетает тетерев-косач. Как он скрывается за деревьями...

А спаниель?

А спаниель снует челноком в высокой траве, и только по шевелящимся верхушкам я угадываю, куда он движется.

И еще... Утиная охота. Веселое солнце играет на внешней воде. Плавает, прихорашиваясь, моя подсадная

утка... Спаниель лежит в скрадке рядом со мной, я чувствую тепло его тела. Вдруг он напрягается, над нами свистнули крылья селезня, а подсадная, очнувшись, закричала громко, страстно: «Кря-кря-кря-кря! Кря-кря-кря!»

Селезень садится, разбрызгивая сияющие капли, он сам весь переливается в лучах солнца...

В эту ночь мне так и не удалось заснуть.

II

На пятый этаж к квартире номер двадцать девять я поднялся мигом. Волнуясь, нажал кнопку звонка. За дверью послышался бархатистый собачий бас.

Да, спаниель был чистокровным. Весь его вид подтверждал это. Черный, с волнистой шерстью и длинными чуть не до пола ушами, с крепкой грудью и широкой спиной. Ему недавно исполнилось три года, он был в расцвете сил.

Для охотничьей собаки три года — самый прекрасный возраст. Обычно к этому времени она уже познает все тайны своего ремесла. Характер становится спокойным, уравновешенным. Она не бросится за порхающей бабочкой, не сделает стойку на лягушку, хорошо слушается команды...

Этот спаниель мне очень понравился. К тому же его звали Бим, и он лег у моих ног, хотя мы с приятелем сидели рядом. Радость так переполняла меня, что подробностей переговоров о продаже я не запомнил. Но прощание хозяев с собакой было трогательным.

Как я понял, детей у них не было, и они очень привязались к Биму.

Мы спустились с пятого этажа. Вышли во двор. Я вел на поводке Бима. Приятель, хозяин и хозяйка тащили следом собачий скарб, который оказался весьма громоздким — намордник, праздничный ошейник, декоративный поводок, коврик-подстилка, расческа, щетка, два махровых полотенца, две миски, родословная, паспорт, свидетельства и награды за экстерьер, пузырьки с лекарствами... И, наконец, объемистый сверток с куриными потрохами, ножками, головками, который хозяйка дала на первый случай, предупредив, что мое драгоценное приобретение ничего больше не кушает. Она так и сказала:

— Вы уж, пожалуйста, следите за его рационом. Он ничего, кроме куриного бульона да потрохов, не кушает. На прогулку выводите ежедневно, желательно, чтобы среди зелени. Он любит общаться с природой. Почаще вывозите его за город...

— Да я живу в пригороде, у речки, — несмело заикнулся я, но хозяйка пропустила это замечание мимо ушей.

— Не застудите его. Он быстро остывает. И после каждой прогулки мойте ему лапы в ванной теплой водой. Он, правда, этого не любит, но в порядке профилактики заболеваний... Да, от насморка ему лекарство отдельно, в целлофановом мешочке. Пилюльки горькие, так вы их в шоколадную конфетку, вовнутрь... И не кричите на Бимчика, а то он очень обидчивый. — Она говорила и говорила, но мы уже погрузили все вещи в машину и стали прощаться. Хозяйка целовала Бима и давала последние указания:

— Бимчик любит, чтобы ему чесали за ушами, тогда он быстрее засыпает...

Я, наверное, вытаращил глаза от удивления, потому как она вдруг спросила, понизив голос до шепота и подозрительно в меня вглядываясь:

— А у вас была когда-нибудь настоящая собака?

— Нет, — признался я по-честному, чувствуя себя под ее взглядом чуть ли не преступником.

— Как?! — вскричала хозяйка и тигрицей бросилась к мужу. — Ты говорил, что он порядочный человек?! А что получается? Он погубит Бимчика!

Я не очень вежливо схватил Бимчика за шиворот и втолкнул в машину.

Первый день прошел в радостных хлопотах. На дворе весна — май, теплынь... И я, следуя книжным наставлениям специалистов-охотников, стал сооружать Биму вольер. И пока вкапывал столбики, обтягивал их металлической сеткой, Бим сидел на привязи неподалеку и жалобно скулил. Я уводил его в дом, он рвался во двор, царапал дверь, визжал. Я цеплял к ошейнику поводок, он радостно прыгал мне на грудь, вилял своим куцым хвостом, смотрел благодарными глазами и просился гулять. Но я боялся отпускать его, боялся, что он убежит к старому хозяину.

Наконец вольер готов. Я завел в него Бима. Он обошел вокруг, все обнюхал и, кажется, остался доволен.

Потом мы поехали за город, чтобы привезти соломы для собачьей будки. В машине Бим чувствовал себя превосходно. Он сидел на переднем сиденье и внимательно смотрел на дорогу. Его большая голова с длинными ушами выглядела эффектно, и прохожие обращали на нас внимание. Я ликовал...

Дороги были уже сухие, поэтому мы подъехали к копне прошлогодней соломы вплотную. Я вышел из машины, позвал Бима. Он спрыгнул с сиденья, степенно обошел вокруг машины, деловито обнюхал заднее колесо, поднял лапу и поставил свою метку. Стыдно признаться, но я ходил следом и любовался своим новым другом.

От копны пахло солнцем и пылью. Я лег рядом с Бимом на солому. Он положил свою морду мне на грудь и закрыл глаза. Я был счастлив. Мечта моего детства сбылась.

III

Вечером позвонил старый хозяин Бима и долго извинялся за беспокойство, прежде чем спросить о самочувствии собаки, о том, как она поужинала на новом месте, помыл ли я ей лапы после прогулки. Я начал раздражаться и довольно резко ответил, что живу в частном доме, где нет ванной, а ехать куда-то, чтобы почистить собаке зубы и помыть лапы, у меня просто нет времени. Бывший хозяин обиженно умолк, и я уже хотел положить трубку, как услышал голос хозяйки:

— Я совсем забыла вам сказать, что перед сном нужно Бимчика расчесывать. Обязательно. Иначе шерсть у него за ночь сваляется... И потом, массируйте ему животик, так легче оправиться...

Этого еще не хватало! Я весь кипел, но в то же время понимал, что с такой женщиной шутить опасно, поэтому стал поспешно поддакивать, мучительно соображая, как избавиться в дальнейшем от поучений. Наконец меня осенило:

— Я завтра уезжаю в командировку, в деревню, на две недели...

Бывшая хозяйка тут же с радостью предложила:

— Привезите Бимчика к нам. Пусть он это время будет дома...

— Нет-нет! — выворачивался я. — Я беру его с собой. Сейчас тепло. Спать он будет, конечно, в комнате.

Кур в деревне много... Лекарства на всякий случай я захвачу. Так что не беспокойтесь. — Кое-как уговорил.

На дворе стемнело, и я вышел взглянуть, что делает Бим. Он лежал в своей будке на соломе и спал. Спал так крепко, что даже не услышал, как я подошел.

Перед утром меня разбудил собачий вой. Я выбежал на крыльцо. Бим сидел в вольере и жалобно выл, задрав морду к небу. Он кинулся ко мне, завибрировал, прижался к ногам. И я почувствовал, как он сильно дрожит. Ночь была не холодная, но дрожь сотрясала все тело собаки. Я взял Бима на руки и отнес в дом. Он улегся у моей постели, пригрелся и затих. А я уже не смог заснуть. Я понимал, что Биму, изнеженному прежней жизнью, очень тяжело придется на охоте. Ну сами посудите, как он полезет в осеннюю холодную воду? А если и полезет, что с ним потом будет?

И я мысленно составил план тренировки и закалки Бима.

Не откладывая задуманное, утром я взял его на поводок и отправился к реке. От воды тянуло сыростью. В такой ранний час здесь были только рыболовы. Я подобрал на дороге палку, натер ее прихваченной из дома куриной головой и дал понюхать Биму. Он тщательно исследовал ее и даже лизнул. Я отстегнул поводок, бросил палку неподалеку и скомандовал:

— Бим, искать. Вперед!

Бим тяжелой трусцой подбежал к палке, обнюхал ее, взял в зубы и двинулся дальше.

— Бим, неси мне. Поддай! Бим, ко мне! — кричал я, но напрасно.

Пес выбрал место под кустом, улегся и принялся усердно грызть палку. Я направился к нему, призывно насвистывая. Но Бим не подпустил меня близко. Он встал и, недовольно ворча, побежал вдоль берега.

— Бим! Бимчик, ко мне! Ко мне, мой хороший... — подлизывался я. — На! На головку куриную. На!

Безрезультатно. Зубы у Бима оказались крепкими. В этом я убедился, когда подобрал измочаленную палку.

«Ладно. Эти команды Бим не знает. Не обучен. Но дело поправимое, — успокаивал я себя, подбирая вторую палку. — Теперь посмотрим, как ты пойдешь в воду». — И бросил палку в речку.

— Вперед, Бим! Искать!

Бим резво рванулся вперед. Но у воды остановился, посмотрел на меня, как мне показалось, с насмешкой — сам, мол, лезь, если тебе нужно, и пошел по берегу прочь.

Я догнал его, прицепил поводок и повел домой.

Да, теперь у меня появилась забота. Каждую свободную минуту, забросив другие дела, я натаскивал Бима. И через месяц он уже довольно охотно отыскивал и подавал поноску (кусок кожи или палку), но только не из воды. Воду он презирал. Хуже того, он ее боялся.

Кроме этого, Бим был страшно недисциплинирован. В комнате он мог бесцеремонно запрыгнуть на кровать и преспокойно улечься на светлом покрывале. На рыбалке — пройти по расстеленной вместо стола палатке, опрокидывая тарелки, наступая на продукты... Однажды мы собрались пообедать и только выложили на палатку всю свою снедь, как из кустов появился Бим, весь перемазанный вонючей тиной, и преспокойно направился к нам. Мы, зная его привычки, срочно стали сворачивать палатку, кричать, но он твердо выдерживал направление и был уже близок. И тогда кто-то из нас подсказал выход:

— Надо Бима искупать.

Реакция пса была мгновенной. Он сгорбился, поджал хвост и помчался от нас прочь. Мы не поверили в это открытие — вдруг случайность. Увы, все оказалось печальной правдой. Услыхав свое имя и слово «купать», Бим бросал даже еду и улепетывал во все лопатки. И я вспомнил прежнюю хозяйку Бима, ее наставления: «После каждой прогулки мойте ему лапы в ванной... Он хотя этого и не любит, но в порядке профилактики заболеваний». Вот к чему привели насильственные водные процедуры в течение трех лет.

А в остальном? В остальном Бим оставался красивой собакой, ласковой, незлобивой...

IV

Приближалось открытие осеннего охотничьего сезона. Приходилось торопиться с обучением Бима, но оно подвигалось туго. Тогда я обратился за советами к кинологам*, к опытным охотникам, и неожиданно для меня они вдруг в один голос заявили, что собака, прожив

* Кинолог — специалист по собакам.

три года без натаски и ни разу не побывав под ружьем, для охоты не годится. Я не мог поверить в это. Я считал, что врожденные инстинкты, тем более такие сильные, как у чистопородных собак, в конце концов проснутся, и Бим должен пойти по дичи. Просто обязан!

В августе я повел Бима на выставку охотничьих собак. Не знаю, как он, а я волновался здорово. И волновался напрасно. Маститые эксперты внимательно осмотрели Бима и вынесли единодушную оценку — «отлично». Весь его экстерьер — длина ушей, прикус зубов, рост... — соответствовали стандарту. Да, Бим был красив! К тому же наши постоянные тренировки закалили его. Он стал жилистым, сильным, без излишнего жира, даже его медлительность исчезла.

Бим очень привязался ко мне. Узнавал издали, а когда я уезжал в командировку, сильно скучал.

Первая суббота сентября — праздник для охотников: открытие охоты на водоплавающую дичь. Мы с Бимом приехали на угодья в пятницу. День был отменный. Пригревало солнце, и не верилось, что наступила осень, что скоро зажелтеет камыш, северный ветер принесет холод и снег.

Утром мы поднялись рано. Было еще темно, но звезды на востоке потускнели. Волнение торопило меня. Бим бежал впереди и постоянно оглядывался. Я знал, что в воду он не полезет, поэтому стал на берегу между двух кустов черемухи, рассчитывая, что утки, возвращаясь с полей после кормежки, обязательно налетят на меня.

Начало светать. Низко со свистом проносились утки, но видно их было еще плохо, поэтому я не стрелял. Бим сидел около меня и мелко-мелко дрожал не то от волнения, не то от холодной росы. Я гладил его, успокаивал, стараясь успокоиться и сам.

Наконец деревья и камыш на берегу озера стали видны. Пора! Я зарядил ружье и замер. Как ни ждал я этого момента, но первую стаю уток прозевал. Они зашли неожиданно со стороны леса, стремительно снизились над камышом, сделали круг.

Я еле удержался от выстрела, боясь, что убитая утка упадет в воду. А мне нужно было проверить Бима на успех. Постепенно приучить его. Я надеялся, что выстрелы, запах пороха разгорячат собаку и она забудет свой страх перед водой.

Загремели выстрелы на озере. Утки закричали, закру-

жились над водой. Вот пара кряковых взвилась над камышом и потянула в сторону леса. Я выстрелил и... промазал. Из ствола пахнуло сладковатым запахом бездымного пороха, и Бим заскулил, заперебирал лапами. Я перезарядил ружье.

Выстрелы гремели повсюду, а надо мной, как назло, ни одной утки. Наконец одинокий селезень вынырнул из-за леса и пошел на меня в лоб. Я выстрелил навскид, и он комом упал в траву неподалеку.

— Вперед! Искать! — охрипшим голосом приказал я.

Бим видел, куда упал селезень, поэтому быстро нашел его. Обнюхал и побежал дальше.

— Назад! Ко мне!

Бим неохотно подчинился. Я поднял селезня, дал ему понюхать и отбросил в сторону.

— Принеси! Подай!

Бим посмотрел на меня своими блестящими глазами, но с места не тронулся. Селезень его явно не интересовал. «Может, ему нужен подранок? Чтобы он почувствовал сопротивление птицы? — подумал я и ударил по стае чернети, проходившей стороной. Одна утка закувыркалась в воздухе, упала и заковыляла к камышам, волоча подбитое крыло.

— Вперед! Искать!

Бим догнал утку, перепрыгнул через нее, но сразу же вернулся. Утка притаилась между кочек. Бим вытянул морду, обнюхал ее и вдруг взвизгнул, поджав хвост и бросился наутек, жалобно скуля. Очевидно, утка клюнула его в самое чувствительное место — в нос.

Все! После этого случая Бим стал бояться всех птиц на свете.

Так бесславно закончилась охотничья биография чистопородного спаннеля Бима. Его вины здесь нет. И он остался у меня, но простой дворовой собакой. Да и сторож из него... Так себе, одно название...

На выставки охотничьих собак я его не вожу. Зачем обманывать и себя и других?

Я медленно иду по крутому берегу живописной горной речки Убин. Трудно узнать знакомые места. Много воды утекло, много лет прошло с той поры, когда я еще мальчишкой с оравой таких же сорванцов купался здесь до посинения и гусиной кожи, драл раков в норах и катался на лианах — лозах дикого винограда, во множестве свисающих с прибрежных деревьев.

Теперь река пробила себе новое русло. Где были заводи — весело журчат перекаты, где было мелко — спокойная гладь омутов. Все изменилось. И даже горы, поросшие молодым кудрявым дубняком, выглядят величавее чем прежде. Кажется, где-то здесь я ловил на самодельную удочку пескарей, а примерно в этом месте пылал наш костер, стреляя острыми искрами в ночную тьму. Точно! Здесь. На этой поляне, бывало, паслись колхозные кони.

Этò сейчас кони стали редкостью. В городах их совсем не увидишь, да и в селе, вытесненные тракторами и машинами, они стали как-то незаметны, а во времена моего детства конь был главный помощник человека, друг. На коне пахали, сеяли, косили, перевозили грузы, ездили верхом. Коня берегли, любили. В давние времена на Кубани еще не умеющего ходить сына отец сажал верхом на своего боевого коня, посвящая его в казаки.

На Кубани не говорят «лошадь». Конь! Конь! Конь! Сила, грация, резвость!

Я закрываю глаза и снова вижу далекую, незабываемую картину.

Солнце село за горы. Воздух начинает остывать. Запыхавшись, мы подбегаем к конюшне и, повиснув на воротах, умоляюще смотрим на колхозного конюха Михалыча. Он делает вид, что не замечает нас, усердно дымит толстой самокруткой. Мы ждем. Наконец, поплевав на окурки и придавив его ногой, он медленно идет по двору и, словно только что увидев нас, кричит громко, сердито:

— Вам чего, пострелята? Ишь ворота облепили... Вот я вас сейчас батогом! — Его лицо, перечеркнутое шрамом от правого виска до подбородка, кажется грозным.

Мы радостно смеемся.

— Чего смеетесь? Опять коней гонять?

— Не-е-е! Мы потихонечку, рысцей...

— Ну, если рысцей, — как бы нехотя соглашается наш бог. — Тогда заходите.

Ворота трещат под нашим натиском. Мы цепляемся за Михалыча, заглядываем ему в глаза.

— Дядь, а дядь, Резвого возьмем сегодня? А то вы все обещаете... — просит самый смелый из нас.

Прокатиться на племенном жеребце — тайная мечта всех станичных мальчишек. Ах, как он красив! Вороной, с маленькой звездочкой во лбу, с длинным до земли хвостом и аккуратно расчесанной гривой, поджарый, верткий, как змея, он ни минуты не стоит на месте, грызет запененные удила, перебирает точеными ногами...

Ощущая ногами теплые, немного влажные бока коня, я охлупкой скачу позади разномастного колхозного табуна и поглядываю вперед, где в настоящем казацком седле чуть покачивается Михалыч. Резвый под ним то танцует, то встает на дыбы, то идет боком, но Михалыч сидит свободно, бросив поводья на луку седла. Он управляет конем одними коленями. Это очень трудно, но зато в бою обе руки свободны. Михалыч медленно едет по улице, сдерживая табун, раскланивается со знакомыми. Его небольшая сухошавая фигура словно срослась с конем, и старики, провожая взглядом, восхищенно цокают языками. Настоящий казак!

Наконец последние станичные построики позади, и мы, гикнув, летим галопом наперегонки. Весь табун, разившись нашим весельем, несется за нами, и могучий топот будоражит горы. Какое счастье мчаться навстречу ветру, чуть пригнувшись к развевающейся гриве, припоривая босыми ногами коня. словно левой идешь в атаку с прославленными полководцами впереди — Буденным, Ворошиловым, Доватором... Руку правую опустил вниз, чтобы натяжелела она для страшного удара. Не беда, если вместо настоящей казацкой шашки у тебя пока деревянная, главное, чтобы была мечта и ты прожил жизнь, крепко и красиво держась в седле.

С сожалением отпускаем коней пастись. Они, весело помахивая хвостами, принимаются с хрустом щипать

траву. Резвый носится вокруг табуна, сгоняя его плотнее. Мы разжигаем костер и, рассевшись вокруг, ждем, когда Михалыч свернет толстенную самокрутку и начнет рассказывать очередную историю, главным героем которой будет обязательно конь. Мы чувствуем важность момента, лежим тихо-тихо и не торопим его.

— В гражданскую был у меня конь, — начал свой рассказ Михалыч. — Конь как конь, не сказать, что чистых кровей, но на ходу легкий, а умный бы-ы-ыл... Ну что человек, только не говорил. И звал я его как человека — Мишка. Друг у меня был — Михаил Бабенко. Срубил его в бою врангелевский офицер. Под Перекопом. Ну а этого гада я прикончил. Вот конь мне и достался. Красивый был, как лебедь. Меня на нем, бывало, за начальство принимали. Привязался ко мне Мишка сильно. Бывало, только свистнешь, а он тут как тут и тычется мордой в карман — хлебца, мол, давай, не жадничай. Сахару в ту пору и в помине не было, да и хлеба не густо, ну а для Мишки всегда от себя оторвешь, кусочек схоронишь. Жалел я его, холил. Да как не жалеть. Одна надежда на доброго коня, вострую шашку да удаль казачью... — Михалыч замолчал.

Резвый подошел к костру и уставился на огонь беспокойными большими глазами, в которых ярко метались язычки пламени. Михалыч встал, подошел к коню, обнял его за шею, похлопал любовно по боку и снова сел.

— Так вот, гонялись мы за одной бандой и днем, и ночью. Как прослышим, где она, так туда. Но хитрые попались бандюги, все время уходили от нас, открытого боя избегали. Замучились мы с ними. Кони притомились, да и провиант весь вышел. Командир и решил разделиться на два отряда, посчитал — так сподручнее, но друг от друга не отрываться, чтобы помочь в случае нужды. Банда сильная — не пошуткуешь.

Оставили мы пол-отряда в лесу, а сами, не спавши ночь, злые как черти вошли в хутор Ярский. Хуторок небольшой. В степи. Кругом сады да балки, ерики да перелески. Словом, самое что ни на есть бандитское место. Выставили мы дозоры, все как полагается. И заснули словно убитые, уж неважно было. Только слышим вдруг — выстрелы! Повыскакивали к коням, а по улице банда метет. Кто на тачанке, кто верхи и полощут из пулеметов вдоль хат. Командир и приказал мне, он уже в ногу раненный был: дуй, говорит, быстро за подмогой.

Вскочил я на Мишку и по огородам к перелеску. Никого. Ну, думаю, прошел! Глядь, навстречу из балки трое верхи вымахали. Одного-то я враз с карабина сшиб, а двое наперерез. «Утикаешь, комиссар?» — кричат. Вижу, не уйти мне, местность незнакомая. Развернулся и на них. С передним сшибся на шашках, а задний и пулынул из маузера. Чую, падаю. Удержаться в седле не могу, а тут еще этот... Шашкой рубанул напоследок, и ускакали оба. Спешили больно, стрельба-то на хуторе разгоралась.

Лежу я на траве, небо надо мной синее-синее. Солнышко ласково греет. Пчелки в цветах гудут. Явственно все слышу, только подняться не могу. А жить хочется! Аж слезы из глаз текут. Молодой ведь был, не жил еще... Мишка рядом топчется. Видит, не в силах я, как бывало, вскочить в седло — лег около. Пофыркал мне в лицо, садись, мол, живее. Потом поднялся и рысью ушел в степь. Ну, думаю, не иначе кто-то скачет сюда чужой, спасается Мишка.

Как уж он догадался, ума не приложу. Только казаки потом рассказывали: видим, говорят, конь к лесу скачет. В седле. Мы наперерез. Остановился он, да как заржет жалобно — узнал своих, значит. Глядим — Мишка. В крови, уздечка болтается. Поняли — беда! В момент собрались и к хутору на подмогу. Мишка тоже с отрядом вяжется, а к себе никого не допускает. Ближе подскакали, слышим — пальба на хуторе, а Мишка в сторону, к перелеску жмет. Некогда с ним возиться, развернулись мы лавой и «марш-марш» в атаку. Жарко было, сопротивлялась банда отчаянно, но мало кто ушел из них. Как раз ко времени подоспели.

Смотрим, говорят они, Мишка опять около крутится, стали его ловить, а он не дается и за хутор тянет. Двое казаков за ним и погнались... Подобрали меня казачки, те, что за Мишкой гнались. Так Мишка жизнь мне спас, да и отряд от разгрома уберег.

— А потом? — спросил кто-то тихо.

— Потом что? Потом, известное дело, госпиталь. А там уж и домой я вернулся...

— А Мишка?!

— Погиб Мишка. Командир его себе взял. В атаку шел первым. Пулеметом срезало их... Обоих.

Мы молчим, глотая слезы, стыдливо отворачиваясь друг от друга.

ПРИВЕТ ИЗ РОДНЫХ МЕСТ

Дед Григорий умирал на первый день троицы. Принесенные им накануне ветки и травы вяли, наполняя комнату запахами леса, поля речной поймы... И, может быть, поэтому не хватало дыхания, сохло во рту.

У деда ничего не болело. Да он и не помнил, когда болел. Все свои восемьдесят два года протолкался на ногах, до сегодняшнего дня не знавших усталости.

Он лежал на старинной деревянной кровати, уставив выцветшие глаза в потолок, темнея на подушке сразу похудевшим лицом. Над кроватью на рисованном коврикe с целующимися лебедями висело ружье и патронташ. И везде на стенах фотографии в рамках. Сам дед с покойной женой, умершей двадцать лет назад. Все шесть братьев, не вернувшихся с войны, и сын Иван. Совсем маленький. Побольше. В военной форме... Потом с женой, детьми... Ивановых фотографий больше всего. Оно и понятно — единственный сын.

— Ваньке телеграмму в Москву отбейте, — медленно, отрешенно, будто уже из потустороннего мира, ронял дед Григорий.

— Да што ты, батюшка, вштанешь ишшо, — шамкала беззубым ртом пришедшая провести соседская бабка Василиса.

— Не перечь, а слушай. Сказал: не встану, знаю, чай...

— Ну и не ершись. Без тебя, поди, понимаем. Не ты первый...

— Кобеля Лешке Мужикову отписываю, — с трудом собирая мысли для последнего наказа, тянул дед Григорий.

— И-и-и! У Лешки две шобаки, куды ему ишшо, — буднично возразила бабка Василиса.

— Такой нету. Такая на весь свет одна. — Дед дернулся телом, то ли в судороге, то ли пытаясь встать и ре-

шить судьбу любимой собаки. Заметив это, бабка Василиса поспешно согласилась:

— Знамо нету. Никто и не шпорит. Лежи, милый, лежи давай...

— Все, что в дому, сыну моему Ваньке завещаю. И деньги все, что на книжке, и ружье свое... — уже спокойней продолжил дед Григорий.

— Знамо ему, кому же еще... — поддакнула бабка Василиса.

— А дом родительский пущай на месте стоит...

Ушедшая было в свои мысли бабка Василиса согласно кивнула головой и уже начала привычно:

— Знамо... — как вдруг замолчала, удивляясь необычному наказу. Наконец сообразив что к чему, всплеснула руками:

— Ить чего удумал, супостат, прости меня, господи. Деревню всю, как есть, подчистую сносят, на главную усадьбу всех гонют, а он... Кто тебе тут дом сторожить будет? Ить надо же... Из ума выжил. Все сыну — Ваньке... Ивану Григорьевичу. Он приедет и решит...

— Нет, — медленно, но твердо произнес дед Григорий и снова шевельнулся. — Дом останется тут. Потому как и дед мой тут лежит, и отец, и мы — все отсюда на войну уходили — Иван, Петро, Яша... Нет, Степан, потом Яша... Вихтор, Бориска... Я раньше их. Я сразу за Яшей. Все мы здесь росли. Я вон там спал мальчонкой... — Он хотел повернуться, показать место, но только шевельнул рукой да закрыл глаза. Дед помолчал и потом снова заговорил уже глуше: — Наш это дом, вместе с нами пусть и стоит... Потому как и меня тут положат...

— Знамо положат, так не оставят, — зачастила бабка Василиса. — К самому времечку приспел. А то бы на главной усадьбе хоронили... Вон уже последние срубы разбирают. Ой-ей-ей-ее! Покидаем родные места-местечки-и-и. Ой-ей-ей-ей! — Она внезапно оборвала свои причитания, провела ладонью по лицу и добавила: — А дом все ж такн перевозить надо. Дом крепкий, лиственный. Может, Ивану Григорьевичу, а может, кому ишшо послужит...

— Нет, пущай тут стонт. — Лицо деда Григория стало подергиваться. Ему трудно было говорить. — Зови пред... председателя. Волю свою... сам ему... — И видя угасающим взором, как бабка Василиса мышкой скольз-

нула к двери, добавил: — Мясо кобелю... там... мне без надобности...

Бабка Василиса завернула на кухню к холодильнику. С трудом отодрала кусок мяса из морозилки и вышла на крыльцо. Здоровенный черный кобель по кличке Черт с белой грудью и белым кончиком лихо закрученного хвоста вскочил со ступеньки и, пригнув голову, строго посмотрел на бабку. Та отбросила в сторону мясо:

— На, жри... Этот, как тебя... Прости ты меня, гошподи... Назвали ж... — и пошла со двора.

Черт не бросился за мясом, а, проводив старуху взглядом, повернулся к двери. Лапой скребанул по ней, сунул морду в образовавшуюся щель, потом протиснулся сам. Раньше никогда он себе этого не позволял, но сейчас его тревожило долгое отсутствие хозяина. Поэтому, неслышно ступая, Черт прошел сенцы, таким же манером открыл дверь на кухню. Не услышав строгого окрика, он заглянул в комнату. Хозяин лежал на кровати с закрытыми глазами. Но Черт знал, что и с закрытыми глазами хозяин видит все, и наказание может последовать незамедлительно, потому и прижал уши. Но шло время, хозяин не шевелился. Черт двинулся к кровати и вновь остановился. Он заскулил, чтобы обратить на себя внимание, но лицо хозяина было бледным и ничего не выражало. Черт ткнулся ему в руку носом и, чего никогда не было, лизнул ее. Хозяин очень медленно приоткрыл глаза, шепнул:

— Пшел... — и вздрогнул всем телом.

Черт рывком поднял передние лапы на кровать и стал торопливо лизать хозяину лицо, шею...

II

Похоронная процессия растянулась от дома покойного до самого кладбища. Слез было много, и слезы искренние. Особо старались старухи, потому как понимали, что с Центральной усадьбы за двенадцать километров пешком не находишься. Когда еще выдастся случай побывать на этом кладбище, попроведать родные могилки.

А сбоку процессии, не обгоняя ее и не отставая, то рысцой, то шагом двигался крупный кобель, черный, словно в траурном одеянии, с белым галстуком на груди и белым кончиком низко опущенного хвоста. Кобель дошел только до кладбищенской ограды, сел у ворот. Си-

дел долго, смиренно, точно выполнял команду. А когда последние старухи вышли за ворота, он побежал к свеженасыпанному холмику и лег около.

Обед на поминках был обильный. Колхоз не покусился. И только мужики вылезли из-за столов, а старухи, крестясь и шевеля губами, стали усаживаться, приехал сын деда Григория — Иван. Еле добрался на перекладных. Его отвели на кладбище. Потом со вздохами и всхлипываниями проводили к дому, по дороге рассказав о последних днях жизни отца и о его странной предсмертной просьбе.

Иван Григорьевич, сам уже дед, грузно шагая по непривычно пустынной улице с кучами мусора вместо домов, сказал негромко:

— Воля отца для меня закон. Пусть стоит дом как стоял.

И все. Немногословен был отпрыск деда Григория, да и было в кого.

Во дворе толпились мужики, дымя куревом. И Иван Григорьевич, обходя каждого и здороваясь за руку, и узнавал и не узнавал друзей детства и юности. Подходя к крыльцу, заметил метнувшуюся за угол собаку.

— Неужели Черт? — спросил он.

— Ага. Ваш кобель, — загомонили мужики. — Знатный зверовик. Медведя один держит. Лося чуть не во двор загоняет. Лешке Мужикову отец его отписал. Вот ему...

— Премного благодарен деду Григорию я, — выступил вперед Алексей Мужиков, сухощавый высокий мужчина. — Только куда мне? У самого две собаки. Одна совсем молодая, второй сезон — Черта дочь. И мать ее. А так, что... Я бы не прочь, спасибо. Только Черту уже седьмой год, привыкать к новому хозяину трудно будет. Да и держать трех собак накладно.

— Значит, не берешь?! — обрадовался Иван Григорьевич.

— Раз отписал дед Григорий, как не взять, — зачесал затылок Алексей. — Ослушаться не могу. Он меня охотничать учил, заместо отца родного...

— Не бери, — перебил его Иван Григорьевич. — Освобождаю я тебя от отцовского наказа, потому как хочу забрать Черта с собой.

— Собаку с собой?! В Москву?! — удивились мужики. А Алексей сказал решительно:

— Не поедет он. А ежели силой — сдохнет от тоски по родным местам. Пусть лучше я старую отдам. Просили у меня.

Ивану Григорьевичу в его словах послышался упрек.

— Собака сдохнет от тоски по родным местам? — удивился он и пошутил мрачно:—Я же живой. И она... привыкнет.

Потом, закрутившись с малыми и большими делами по оформлению документов, Иван Григорьевич забыл о своем намерении. Не до этого было. Вспомнил только в последний день перед отъездом. С трудом нашел у местных охотников ошейник, поводок и позвал Черта. Но, видно, даром дали собаке такую кличку. Не доходя нескольких шагов, Черт наклонил голову набок и остановился, Иван Григорьевич звал его и ласково, и строго — безрезультатно. Черт не двигался. А когда Иван Григорьевич попытался подойти к нему сам — отскочил в сторону.

Бегавшие здесь же мальчишки бросились помогать. И странное дело, Черт, только что позволявший этим же мальчишкам садиться на него верхом, не дался и им. А когда те стали окружать его, в безмолвном рычании оскалил крупные желтоватые клыки.

А время торопило. Отчаявшись, Иван Григорьевич последний раз окинул взглядом неузнаваемо изменившуюся деревню. Почти все дома были уже перевезены на Центральную усадьбу. А около оставшихся суетились люди. Эти дома тоже доживали последние часы. И только дом, в котором Иван Григорьевич родился, вырос, откуда уходил служить в армию и куда больше не вернулся, стоял, темнея забитыми ставнями, сиротливо и одиноко. Иван Григорьевич махнул рукой и вошел в автобус. Шофер дал газ, а сбоку дороги, за кюветом, сначала рысью, а когда автобус прибавил скорости, то вскачь помчался Черт.

Выехали за поскотину, поднялись на бугор. Черт не побежал дальше, остановился на вершине холма. И пока новый холм не закрыл его, Иван Григорьевич видел четко очерченную фигуру собаки на фоне вечернего неба. «На следующий год,—мысленно поклялся Иван Григорьевич, — как только выйду на пенсию, вернусь в родные места обязательно, навсегда».

III

О собаке вспомнили лишь тогда, когда разобрали по бревнышкам и погрузили на тракторные тележки последний дом. Да и вспомнили случайно. Кому-то из рабочих что-то понадобилось в одиноко стоящем дворе, и он сунулся в калитку. Но калитка оказалась накрепко закручена толстой проволокой. Тогда он взялся за доски забора, намереваясь перелезть, но тут из-под крыльца дома метнулась черная молния. Черт бросился к непрошеному гостю, весь ошетилившийся и с оскаленной пастью.

Удивились мужики, покурили, посудачили, ничего не придумали и по исконной русской привычке решили — авось как-нибудь уладится дело. Проголодается кобель и прибьется к кому-нибудь. Поплевали мужички на окурки, покрутили головами, оглядывая все, что осталось от деревни. Повздыхали, почесали затылки и тронулись на новое место жительства.

Когда последний трактор с тележкой, окутанный пылью, скрылся из вида, Черт через дыру в заборе вылез со двора. Деловитой трусцой побежал он по бывшей деревенской улице. Забегал в каждый двор и ставил свою метку. В нос ему лез запах растрепанной гнили и покинутого человеческого жилья. Тихо, ни единой живой души. И Черт испугался. Он бросился напрямик, перескакивая через кое-где оставшиеся заборы, ломая молодую картофельную ботву, ожидая человеческого окрика, ругани... Какая-то смутная надежда повлекла его на кладбище. Он галопом пронесся между оградок, подбежал к свежему холмику земли...

IV

Волчата завозились в норе, запищали. Волк прислушался: никаких подозрительных звуков. Солнце село. Но на охоту идти еще рано. Волчата опять запищали. Волк встал, подошел к норе, принялся. Волчица была там. Волк успокоился, отошел. Выбрал местечко на пригорке, потоптался, собираясь прилечь, как вдруг необычный звук коснулся его слуха. Звук шел со стороны деревни. Был он тягучим, похожим на волчий вой. Но волк точно знал, что в той стороне да и во всей округе нет больше волков, потому и подобрался весь.

Из норы вылезла волчица, стала рядом, тоже прислушиваясь.

Может, догадался волк о собачьем одиночестве, может, сам вой встревожил его, только он тронулся с места и пошел, разминаясь, легкой рысцей в сторону деревни. Волчица осталась у норы.

Не добежав до деревни, волк повернул в сторону, чтобы выйти против ветра. По пути ему попадались коровьи лепешки и овечьи шарики, но старые, сухие.

Волк вышел на опушку леса и остановился пораженный. Деревни не было. Звук шел оттуда, где сиротливо темнел одинокий дом. Волк пошел вперед без опаски прямо по дороге, но в самой деревне все же сбавил ход, беспокойно зыряка по сторонам, иногда останавливаясь.

Вой оборвался внезапно, не на самой высокой ноте, а где-то посередине.

И вдруг кто-то сильный молча бросился на волка сбоку, ударил грудью в плечо, полоснул клыками по шее. Волк еле устоял, присел и теперь, весь напружинившись, разглядывал своего противника.

Это был черный рослый кобель с мощной грудью и сильными лапами. Обычно собаки соблюдают определенный ритуал — рычат, гребут землю, только потом кидаются в драку. Этот был не таков. Вот он отпрыгнул в сторону, стараясь зайти сбоку. Но волк тут же повернулся грудью. Толстая кожа и густая шерсть на шее спасли его от смерти, но рана была серьезной. К тому же биться приходилось на ровном твердом месте, далековато от леса. Ни дерева, ни кустика. И все же волк бросился вперед, целясь под собачью морду, но клыки лязгнули, схватив пустое место. А кобель уже распорол ему левую лопатку. Волк решил отступить в лес, где можно закружить врага между деревьев, внезапно напасть из-за куста. Но кобель занял позицию между ним и лесом. Ничего не оставалось волку, как броситься вперед. Он еще успел разодрать кобелю бок, но тот уже сдавливал ему горло. Волк хрипел, теряя силы. Лапы его подгибались. Была бы рядом волчица...

Волчица пришла среди ночи.словно тень, она скользнула по дороге. Обнюхала уже холодное тело волка и так же неслышно растворилась в темноте. В логове ее ждали трое волчат.

На следующий день к обеду Юрка, шофер председателя колхоза, привез на заготпункт волчью шкуру. Была она сырой, присыпана солью и с большими разрывами. На заготпункте Юрка рассказал страшную историю, как он, вооруженный гаечным ключом 24×18 и заводной ручкой, сражался с пятью волками и в подтверждение задирал штанину, показывая на ноге царапину недельной давности. Дома же объяснил, что по поручению председателя ранним утром ехал в район через снесенную деревню и недалеко от дома деда Григория прямо на дороге увидел труп волка. В том, что это дело Черта, Юрка ни секунды не сомневался.

Дня два и в магазине, и в конторе колхоза только и говорили что о Черте. Потом разговоры поутихли. Не до этого. Люди ждали дождя. Тучи ходили вокруг да около, а на иссушенную землю даже не капнуло.

Но в понедельник вечером шофер хлебной машины привез удивительную весть — через снесенную деревню полосой прошел такой дождь, что пришлось побуксовать изрядно, прежде чем выбрался на сухую дорогу. Потому и опоздал с хлебом.

Перед надвигающейся засухой такое событие было по меньшей мере странным. Судам и пересудам не было конца. Особенно рьяно выступала бабка Василиса. Шамкая беззубым ртом, она в открытую поносила и председателя, и кое-кого повыше:

— Жили мы, горюшка не жнали... Так нет, выселили, как супостатов каких, на Соловки... А тут ни воды, ни дождинки... Бросили кровные места, а молебен — прощание с родной землей — не отслужили, вот нас бог и наказывает...

Подбив несколько старушенок, она повела их к председателю с требованием дать им машину, чтобы съездить в город в церковь. Председатель, почерневший от жары и забот, не стал слушать бабок. Разговоры пошли гуще. И чтобы как-то пресечь их, председатель отдал Ваське-бульдозеристу приказ — утречком выехать в брошенную деревню и сровнять ее, подготовить землю под вспашку и посевы.

Васька молча выслушал приказ, кивнул и погнал бульдозер на колхозную заправку. Здесь он узнал, что у его свата сын пришел из армии на побывку. Такое

событие, естественно, Васька пропустить не мог. Потому, заправив бульдозер, он чуть ли не бегом помчался на другой конец деревни на торжество. Сват гостям был рад, и эта радость наутро была в голову так, что Васька кое-как выехал за околицу, доехал до речки, загнал бульдозер под тенистые вербы и проспал до обеда. После обеда, взбодрившись холодной водой из родничка и помня об оставленном до вечера торжестве, заторопился домой. Загнал бульдозер в машинный парк и выдал такое, что даже у видавшего виды бригадира отвисла челюсть.

По словам Васьки выходило, что он, исполняя приказ председателя, приехал в покинутую деревню, опустил нож и стал работать, как откуда ни возьмись — кобель этот, растреклятый — Черт, и стал кидаться на бульдозер. Из-за летней жары дверцы кабины были сняты, поэтому, чтобы не растерзал его взбесившийся кобель, Васька работу прекратил и отступил на исходные позиции, на Центральную усадьбу.

Бригадир строго-настрого наказал не распространять вредных слухов, чем страшно возбудил Васькин интерес к собственной выдумке. Поэтому через час о героическом поведении Черта знали все.

VI

Черт не раз убегал за двенадцать километров на Центральную усадьбу. Ночью, крадучись, проходил по улицам, и собаки поднимали отчаянный лай. Они не признавали в нем родню, потому как пахло от него лесным одиночеством. Нападать боялись. Только собирались тесной стаей и, подбадривая друг друга, визгливо грозили с безопасного расстояния. И Черт, побродив по улицам, возвращался к своему дому. Он очень скучал без людей, но бросить дом хозяина не мог. Жил впроголодь. Правда, когда кто-то хоть изредка приезжал на кладбище, то дело с пищей немного облегчалось. Люди, помня разговоры об этой собаке, бросали во двор деда Григория хлеб, яйца, а иногда и вареное мясо. Когда же пес ничего не находил во дворе, он бежал на кладбище.

Однажды там он увидел конкурента — лису — и прогнал ее так далеко, что потом сам с трудом добрался до дому. Зато теперь никто не осмелился подбирать оставленную людьми еду. Еды этой, конечно же, не хватало.

Люди приезжали все реже и реже. Приходилось добывать пищу везде — в лесу, в поле и даже в самой брошенной деревне. На месте бывших домов буйно разрослись бурьян и крапива. Заросли эти облюбовали зайцы, правда, они были на редкость проворны и не часто попадались Черту в зубы. Но если охота была удачной, о еде можно было не заботиться дня два. Не попадались зайцы, Черт уходил в лес выслеживать белок. Не удавалось с белками, искал выводки тетеревов и рябчиков. Не находил их, шел в поле мышковать, как заправская лиса. И как у лисы, когда голод подтягивал брюхо, в пищу шли и лягушата, и даже кузнечики.

Не раз Черт натыкался на следы волчицы, но та близко не подходила. Однажды они столкнулись у раненного кем-то лосенка. Черт шел по кровавому следу и считал лосенка своей законной добычей, поэтому с ходу бросился в драку, но волчица не приняла вызова, ушла.

Приближалась зима. Ночи стали холодными. Из-за оврага нет-нет да доносился пока еще дрожащий, но уже грозный вой подросших волчат. Черт тоже стал готовиться к зиме. Под крыльцом он вырыл глубокую нору, которая неожиданно соединилась с подпольем. Черт не мог предвидеть выгоды этой неожиданности. Конечно, зимой в подполье было теплее, но главное преимущество заключалось в другом. О нем он узнал в середине зимы, когда с кормежкой стало совсем худо.

Волки — волчица и трое молодых — наткнулись на собачьи следы неподалеку от дома деда Григория. Кровь на снегу говорила, что собака сыта, что ей посчастливилось поймать зайца. Это еще больше возбудило изголодавшихся волков, и они пошли к дому. Не чуя страшного человеческого запаха, осмелевшая волчица улеглась на крыльце, а молодые сгрудились у норы, откуда доносилось собачье рычание, но лезть не спешили.

Осада длилась день и ночь. Наконец один из молодых не выдержал, полез в нору. Нора была узкая, только-только протиснуться. И пока волк двигался вперед, Черт стоял на ровном полу, оскалив зубы и ошестинившись. Лаз норы находился на уровне его морды. И как только показалась голова волка, Черт вцепился в нее. Сопротивляться или повернуть назад волк не мог. Остальные сняли осаду и ушли в сторону Центральной усадьбы колхоза, где вскоре молодые погибли от выстрелов чабанов, когда пытались через крышу забраться в

кошару. И только легкораненой волчице удалось скрыться в лесу.

Через несколько дней Черт встретил ее след, усталый, неровный, и пошел было по нему, готовый покончить со всем волчьим семейством разом, но накатил снежный заряд февральской беспощадной метели, закрутило, завывало. От преследования пришлось отказаться. Черт забился под низко опущенные ветки ели, а как только метель кончилась, заспешил к дому.

VII

В феврале Иван Григорьевич стал готовиться на пенсию. Просили его на работе, оставляли, но что-то защемило в груди, затревожили воспоминаниями детства бессонные ночи. И все... Не могли его отговорить ни жена, ни дети, ни даже внуки — засуетился, засобирался... хоть ненадолго, хоть на весну и лето... А как только оформил документы, стал укладываться. И хотя понимал — не время, рано, весна только-только развесила сосульки по крышам, не мог уже — поехал.

В дороге в душном купе ему все представлялось, будто сидит он у раскрытой дверцы печурки, а оттуда пышет жаром, и глаза невозможно отвести от малиновых углей, над которыми невесомо носятся отсветы былого пламени...

Это видение не отпускало его до самой Центральной усадьбы колхоза, и только здесь он опомнился. Ведь там, в заколоченном доме, и дров, поди, нет, и печь развалена, да и есть ли он, дом, — неизвестно.

Оставив чемоданы и рюкзак в приемной, Иван Григорьевич робко зашел к председателю колхоза. Тот его узнал сразу. Усадил в кресло, расспросил, посетовал, что не предупредил о приезде, пригласил к себе в дом.

Неудобно стеснять человека, а куда денешься? Оно, конечно, можно было поискать односельчан, не отказали бы пустить переночевать, но председатель был настойчив, да и Иван Григорьевич не сильно упирался, втайне надеясь на дальнейшую помощь.

Дом у председателя добротный. Из красного кирпича. Четыре комнаты, кухня. На полу паласы, на стенах ковры. Хозяйка, дородная, красивая женщина с украинским напевным говорком, заставила стол всевозможными яствами.

Иван Григорьевич, разомлевший в тепле после дальней дороги, после всех треволнений, слушал председателя колхоза, который рад был свежему человеку, чтобы высказать свои мысли и чаяния.

— Деньги теперь у нас есть, Иван Григорьевич, — говорил он и рубил ладонью воздух. — Есть! И немалые. Строить надо и строить много. А опять же материалов нету. Где взять? Вот ты, дорогой товарищ, из самой Москвы, в главке работал или в министерстве, скажешь, нет дефицитных стройматериалов, не хватает... Так? Правильно я говорю? — И, не дожидаясь ответа, отвечал сам: — Так! Да и фондов нет, — делал удивленное лицо и восклицал: — Фондов нет?! Нет, брат, шалишь. Все у нас есть. И все достать можно. Все! За деньги... Только быют за это потом сильно. А строить надо...

— Уже били? — чтобы как-то поддержать разговор, спросил Иван Григорьевич, мучительно вспоминая отчество председателя.

— Били и больно, — председатель замолчал, и хозяйка, с тревогой поглядывая на него, заговорила:

— Та не надо об этом. То ли другого разговора нет у вас? О хате поговорите. Как это вы, Иван Григорьевич, одни жить будете? Туда ж теперь ни дороги, ни тропочки...

— Мне бы только добраться, а там как-нибудь...

Председатель вскинул голову, улыбнулся широко:

— Лошадей дам. На санях утречком по морозцу напрямки пройдетесь. Да я сам завтра соберусь. Гляну, как чего... Зря порушили деревню. Ох, зря! — И заговорил с горечью: — Может, где-то тесно деревням, а у нас наоборот. Ведь шутка сказать — двенадцать километров до Центральной усадьбы, а в других местах и того больше. Каждый день трактора туда, каждый день трактора оттуда. Каждый день — людей туда, каждый день — оттуда. Какие-никакие выпаса остались, скот уже туда не погонишь, а если летний лагерь сделал, — опять — доярок двенадцать километров туда да двенадцать обратно, да два раз в день... Продукция наша и набегаёт по стоимости. И потом — была там бригада. Бригадир за все отвечал, за всем смотрел. С него и спросить можно было. А теперь что? Когда-нибудь выберешься, а там уж и поля плохо вспаханы, и обработаны наспех... Не на глазах, так не на глазах. А на переселение денег сколько ухлопали?!

И главное... Хотя здесь все оказалось главным. Второстепенного нет. Народ русский, он какой? Спокойный, медлительный, даже можно сказать — инертный. Трудно его раскачать. Зато уж если сдвинул — не остановить. В любом деле так. И здесь так же получилось, стронули человека с места, он и поехал, поехал, да не на Центральную усадьбу, а где получше — в город или поближе к нему, в район, или в хозяйство побогаче... Двадцать три семьи из деревни Петровки, из вашей деревни, не установились на Центральной усадьбе. Шестьдесят девять человек. И не какие-то там... лучшие работники, которые знают — место им всегда и везде найдется. Иван Кайгородов — кузнец. Во всей округе такого нет. Говорю, куда ты-то? А он: «Без кузнеца даже ракеты не строятся». Вот и возьми. Мария Сидоренко — доярка. Лучшая в колхозе. «Пойду, — говорит, — хоть в уборщицы, хоть дворником, зато в городе...» Эх! — Председатель помолчал и добавил: — Дом ваш пес стережет. Насмерть стоит. Люди от деревни отступились, а он живет. Один...

VIII

К полудню солнце набрало силу и пригрело совсем по-весеннему. Вылезший из подполья Черт сел на крыльчке, щуря глаза. Принялся азартно выискивать в шерсти блох, но вскоре притомился, прилег, вытянувшись на верхней ступеньке крыльца. Он блаженствовал, он чувствовал себя в полнейшей безопасности, как когда-то давно-давно при людях.

Солнце нагрело один бок, и он, полусонный, кряхтя от удовольствия, перекатился, подставляя второй. А потом вообще самым бессовестным образом перевернулся на спину, открыв незащитный живот. Голова его свесилась с крыльца, но он не встал, не переменил позы, так его разморило. И вдруг открыл глаза, наострил уши, лег на живот, подобрал лапы и напрягся. Растревоживший его звук не повторялся. Однако беспечность домашней собаки, чувствующей за своей спиной хозяйина с ружьем, прошла. Черт пролежал так довольно долго, и звук наконец повторился. Теперь Черт узнал его. Это был короткий волчий крик, призыв. Призыв одинокого зверя.

Черт бросился к лесу. Кое-где наст подтаял и не выдерживал тяжести собаки. Поэтому к опушке Черт

добрался, изрядно запыхавшись. Но его напряженные мышцы, злобный взгляд, поднявшаяся на шее и спине шерсть — все говорило о том, что он готов к бою.

Солнце клонилось к горизонту, удлинились тени. Черт затаился под черемухой и не шевелился. Наконец он уловил движение между деревьями. В сгустившихся сумерках было плохо видно, но Черт узнал волчицу. Дороги их все-таки сошлись. Осторожно, прячась за деревьями, Черт вышел на след волчицы и остановился как вкопанный. Отпечатки волчьих лап пахли необычно и волнующе.

Черт услышал опять голос волчицы и, взвизгнув, бросился на него.

Волчица резко повернулась на шорох. Перед ней был не волк-самец, которого она так безуспешно звала, а собака. Правда, от нее не пахло человеком, но и не пахло волком. Волчица приготовилась к бою, а собака не выказывала никаких признаков враждебности, наоборот, она радостно повизгивала и дружелюбно виляла хвостом.

И все же волчица повернула прочь. Черт бежал неподалеку, то забегая вперед, то наскакивая сбоку.

Волчица, не отвечая на заигрывания, продолжала бежать ровной небыстрой рысью, а когда Черт подбегал слишком близко, щелкала зубами. Но этого было явно недостаточно, чтобы прогнать собаку.

К утру волчица и Черт покинули лес и вышли в поле. Яркое светила луна, снег весело скрипел под лапами. Брошенная людьми собака обрела друга и уходила с ним на юг, где легче прокормиться, где больше дичи...

Только весной, когда уже везде звенели ручьи, когда земля стала мягкой и дышала испарениями, волчица и Черт вернулись в родные места. Волчица стала беспокойной. По поводу и без повода она рычала на Черта, иногда в ход шли и зубы. Черт терпел. Волчица торопилась к старому логову, где уже четвертый раз собиралась выводить потомство.

Когда пробегали мимо брошенной деревни, Черт внезапно остановился, потом, радостно взвизгнув, длинными прыжками бросился вперед. Из трубы дома деда Григория вился дым. Волчица было кинулась следом, но, услышав запах человека, повернула назад. Немного погодя, Черт вернулся. Он был страшно возбужден и звал с собой подругу. Но она не понимала его и уходила в

глубь леса. Черт остался на опушке, он долго призывно лаял, потом заскулил. Не мог он покинуть дом теперь, когда люди вернулись...

IX

В субботу Иван Григорьевич проснулся с чувством острой тоски. В окнах серел рассвет. В комнате за ночь нахолодало, вылезать из-под одеяла не хотелось. Захотелось вдруг домой, в Москву. К жене. К внукам. Желание было таким сильным, что Иван Григорьевич удивился. Вчера как будто все нормально и вдруг на тебе...

Больше месяца он живет в отцовском доме. В своем родном доме. Он и Черт. На двенадцать километров — ни души. Заедет иногда председатель колхоза, подбросит продуктов, и опять они одни. Вообще-то скучать не приходится — работы много. И работал Иван Григорьевич в удовольствие. Отремонтировал дом. Привел в порядок двор. Забор починил, ворота. Чувствовал себя хорошо. Бессонница прошла. То ли весна подействовала, то ли воздух родных мест... И вот тоска... Может, плохой сон приснился?

Он закрыл глаза, повернулся на бок и постарался припомнить сон. Но сосредоточиться не мог. Со двора послышался шум подъехавшего мотоцикла и лай Черта. Иван Григорьевич быстро оделся и вышел на крыльцо.

У ворот стоял мотоцикл с коляской. Около мотоцикла мальчишка и Алексей Мужиков. Неподалеку, высоко задрав хвост, обнюхивался с чужой собакой Черт.

— Здравствуйте. Какими судьбами? — удивился Иван Григорьевич.

— По несчастью, — смущенно улыбаясь, сказал Алексей.

— Что случилось? — встревожился Иван Григорьевич, только заметив, что левая рука у Алексея в меховой рукавичке и висит на перевязи.

— Да нет, — досадливо поморщился тот. — Беда не эта. Это не беда. Невесту вон вашему Черту привез. Время пришло. Хоть и дорог нету, а нужно ехать. А уж раз приехали, то и порыбачить можно.

Собаки, ознакомившись, закружились в веселой игре.

— В дом заходите. Позавтракаем, — пригласил Иван Григорьевич. — Чайку поьем.

Алексей было заколебался и уже тронулся с места, но мальчишка сказал сердито:

— Некогда чаи гонять. Рыбачить приехали.—И стал заводить мотоцикл.

Алексей шутливо развел руками:

— Младший мой, Васька. Сурьезный — спасу нет. Приходи к разбитой вербе. Там будем. — Мотоцикл, разбрызгивая грязь, помчался к реке. Собаки бросились вслед.

— Червей не копай, у нас есть! — донеслось издали.

Иван Григорьевич переоделся, натянул длинные до паха сапоги, взял удочки и поспешил к разбитой молнией вербе. Сборы приглушили чувство тоски, и он забыл о ней.

Уселись неподалеку друг от друга. Вода еще не совсем очистилась от весеннего паводка и была желтоватой. Клевало плохо.

Вскоре у Алексея терпение иссякло, и он подошел к Ивану Григорьевичу.

— Ну как?

Иван Григорьевич неопределенно пожал плечами.

— Понятно. Васька, тащи сидор. Перекусить пора.

Васька оторвался от удочек, достал из коляски вещмешок и подошел. Ему было лет двенадцать-тринадцать. Лицо скуластое, с веснушками. Глаза голубые, озорные.

— Завидую я тебе, — вдруг сказал Алексей.

— С чего бы... — удивился Иван Григорьевич.

— В родном доме, на родных местах живешь...

— Что же сам не остался?

— Эх! Не вспоминай. Каждую ночь себя казню — зачем сломал свою хату. На казенную позарился. Как же — водопровод, отопление... Тьфу! Не в радость мне все это...

— Председатель ваш тоже жалеет, — поддержал разговор Иван Григорьевич. — Промашку вы сделали с переселением. Столько денег ухлопали.

— А-а! Председателю только деньги считать, — рассердился Алексей. — А того не понимает, что у меня сыновья растут. Один из армии на днях придет, а второй вот! — Он резко ткнул рукой в Васькину сторону и поморщился от боли.

— Что у тебя с рукой?

— Пустяки. Сорвал кожу гайкой. Ну и, как всегда, землицей присыпал. Да, видать, не той...

— Заражение?

— Было. Сейчас все. Врачиха разрежала, говорит,

только не застужай. И надо же... Посевная идет, а я... рыбалю... — он с досадой сплюнул и замолчал.

— Как там председатель? — спросил Иван Григорьевич.

— Во! Председатель. Ты меня перебил... Понятное дело, копейка, она счет любит. Но не все на деньги мерять нужно. Ведь посмотри, что получается, — Алексей заговорил громко, взволнованно. — Спросят меня, да меня уж чего брать... Сыновей спросят — где родился? В деревне Петровке. Где такая? А ее нет. Понимаешь? Родины нет у моих сыновей. Не той, большой, общей. А маленькой — своей, личной... Где босиком бегал, где первого пескаря выловил, где первый колосок увидел. Ма-а-аленькой... Из чего все большое потом складывается...

Иван Григорьевич удивился. С этой стороны он никогда не рассматривал переселение из неперспективных деревень.

— Нельзя так. Человеку важно, чтобы было куда вернуться... Не смогу я объяснить, что думаю. Да тебе и не понять, — сказал Алексей с раздражением.

— Почему это? — обиделся Иван Григорьевич.

— Потому как тебе это без надобности. Ты человек теперь, считай, уж и не наш. Не обижайся только. Корней здесь у тебя не осталось. Забыл ты все... А мне, веришь, каждую ночь река эта вот снится. Вербка, молнией разбитая... Лесок вон тот... А ты говоришь — деньги...

— Взял бы да вернулся! А то все только слова...

— И перееду! — с внезапным ожесточением крикнул Алексей. — Уже говорили об этом дома. Перееду. В понедельник пойду в леспромхоз сруб заказывать.

— А зачем тебе сруб? — вдруг сказал Иван Григорьевич. — Живи в моем доме.

— Как? — не понял Алексей.

— Дарю я его тебе, — и, видя ошарашенные глаза собеседника, его отрицательный жест, заторопился: — Дом крепкий, лиственный. Подремонтировал я его. А документы в понедельник в сельсовете оформим.

— А ты как же...

— Я? В гости приезжать буду. Не прогонишь, чай...

— О чем разговор. Дык дарить зачем? Я и купить могу. Деньги у нас есть. Правда, Васька? Есть деньги.

— Нет, — твердо сказал Иван Григорьевич. — Продать не могу. Только подарить.

В деревню вернулись люди. Сразу же после отъезда Ивана Григорьевича Алексей Мужиков переехал в его дом жить. А через некоторое время еще две семьи перевезли свои дома с Центральной усадьбы назад. И мертвая было деревня ожила. Замычали коровы, заблеяли овцы, зазвенели детские голоса. По ночам звонко кричали петухи. Запахи человеческого жилья разнеслись далеко вокруг.

Черт в каждом приезжающем человеке бессознательно искал своего хозяина и не находил. Жил он все там же, под крыльцом. Правда, нору новый хозяин заложил камнями и засыпал землей. Но зато рядом с Чертом, бок о бок, теперь жила очень симпатичная сука Аза. Была она молода и шаловлива. Часто вместе с нею Черт обходил деревню. Все три двора он исследовал обстоятельно и на только ему известных местах ставил свои метки. Потом небыстрой трусцой выбегал за околицу, где по берегу речки без всякого присмотра паслось разношерстное деревенское стадо. Тут были три коровы с телятами, десятка два овец и даже два поросенка.

Черт усаживался неподалеку. Аза носилась около. Черт долго не выдерживал серьезной мины, неожиданно делал прыжок и мчался за подругой. Набегавшись, ложился на пригорок и засыпал. А Аза убегала в деревню. Домой Черт возвращался вместе со стадом. Никто не приучал его к этому.

И в этот день, как всегда набегавшись, Черт прилег отдохнуть, Аза умчалась в деревню. Было нежарко, ветерок чуть дышал, донося запахи пасущегося стада. Но вот новый запах потревожил, и Черт вскочил. Овцы уже сбились в кучу, коровы, нагнув головы, выставили вперед рога. Телята жались за ними. Только поросята, отчаянно визжа, бежали к деревне. Наперерез им от опушки леса мчалась волчица. Черт бросился навстречу. Волчица остановилась, но Черт не напал на нее. Грозно рыча, он стал теснить ее к лесу. Волчица, изловчившись, разорвала ему ухо, распорол бок, но Черт, пряча горло, продолжал отгонять ее от стада.

От деревни бежали люди, размахивая руками и крича. Впереди с громким лаем неслась Аза. Услышав ее голос, Черт обернулся, и волчица рванула клыками незащищенную шею. Черт захрипел и упал. Он уже не ви-

дел, как Аза догнала волчицу, как потом ее добивали люди палками...

А через три дня городские рыболовы в овраге, густо заросшем боярышником и черемухой, у неглубокой норы, по голодному писку отыскивали семерых волчат. Шесть из них были черными с белыми пятнышками на груди, седьмой — серый, в мать...

XI

«Привет из родных мест! Здравствуйте, Иван Григорьевич и ваша супруга, дети и внуки ваши!

Пишут вам из деревни Петровки. Потому как дарственную вашу нам теперь не нужно. Есть решение правления колхоза, чтобы строить здесь дома стандартные, кирпичные. А сейчас в деревне уже четыре семьи, не считая нашей, а с нашей, значит, пять. Дом ваш в целости и сохранности, не беспокойтесь. В огороде срубили вам баню. Ходим в баню все, потому как она у нас одна на всю деревню.

И еще хочу вас порадовать, сука Аза оценилась четырьмя щенками. Три кобелька и одна сучка. Все черные с белой грудью. А один из них так и норовит за палец тяпнуть — вылитый чертенок. Всех оставил жить, хочу, чтобы племя Чертovo росло и размножалось.

Колхоз мне за работу выделил машину «Жигули», и Сережка, старший мой, что пришел из армии, нагонял на ней уже целую тыщу. Машина хорошая. Но прошу тебя, Иван Григорьевич, как будешь ехать в гости к нам или насовсем, или как, купи там в Москве распредел для «Жигулей», говорят, ломаются они быстро.

А намерении встретил Кольку Чистякова. Помнишь? Три дома от твоего отца жил. Корова у них еще комолая. Да помнишь. Так он в леспромхозе сруб новый заказал и ставить будет не на Центральной усадьбе, а здесь, на старом месте.

Бабка Василиса в город ездила, в церкву. Молебен за возвращение в родные места заказала, и Черта помянула, так батюшка-поп ее из церкви чуть не попер.

Про урожай не загадываем, но должен быть хорошим. А так все у нас по-старому. Дожди вовремя прошли, так председатель орлом летает. Привет тебе от него. Приезжай, рады будем.

Остаюсь вами доверенный Алексей Мужиков.

Деревня Петровка».

МОЙ ДРУГ СЕНЬКА

УСЫНОВЛЕНИЕ

енок лежал в траве у забора и скулил. Был он еще совсем маленьким, слепым и беспомощным и возбуждал такую жалость, что мы с сыном Игорем, не колеблясь ни минуты, потащили его домой. Коричневая короткая шерстка, очевидно, грела еще плохо, и щенок сильно дрожал. Но на руках быстро пригрелся, засопел крошечным носом и затих.

Дома Игорь соорудил щенку ужин — подогрел молока, налил в блюдце. Но он еще не мог самостоятельно есть.

Слабые лапки плохо держали, и щенок ползал на брюхе возле блюдца, тыкался незрячей мордашкой в пол и плакал:

— Ой-ой! Ой-о-ой! — Выходило это у него так тонко, так слезно, что даже кошка оставила своих котят на коврике у печки и с любопытством смотрела на плаксу. Потом стала осторожно красться к нему, усиленно нюхая воздух.

— Это еще что за чудо? — говорил весь ее вид. — И чего он так пищит?

И вдруг грозно выгнула спину, встопорщила шерсть, зашипела, но, сообразив, что в щенке и собачьего-то всего один запах, брезгливо фыркнула:

— Фу! Не собака, а так себе... — и принялась лакать из блюдца молоко, которое мы налили щенку. Делала она это не спеша, аккуратно, с достоинством.

Щенок на мгновение замер, прислушиваясь. Потом пополз к кошке, отчаянно взвизгивая.

Кошка, перестав есть, вновь встопорщила шерсть и зашипела сердито:

— Не подходи!

Щенок продолжал ползти. Кошка подняла лапу для удара, но передумала и поспешила к себе на коврик, всем своим видом показывая:

— А, неохота связываться...

Она улеглась на своем месте, и котята кинулись к ней, подняв радостный писк. Щенок пополз на этот звук. Он перестал скулить и двигался медленно, неслышно. Кошка, не чуя опасности, дремотно закрыла глаза и замурлыкала:

— Мур-мур. Ешьте, детки, молоко...

Котята и так старались изо всех сил.

Щенок подполз ближе. Вот он уже совсем рядом. Замер на мгновение, очевидно, поточнее определяя направление, и ткнулся в кошачий бок. Кошка открыла глаза и вскочила, как подкинутая пружиной. Котята запищали:

— Где мама? Где мама?

Щенок молчал.

Кошка обнюхала его, грозно подняла лапу. Щенок лежал неподвижно, словно забытая детьми игрушка. Но кошка не спускала с него настороженных глаз: «Это еще что такое?! Что ему здесь нужно?»

Щенок молчал и не шевелился. Зато котята полезли к матери, требуя молока. Кошка неохотно улеглась. Котята радостно затеребили ее.

Чуть двинулся и щенок.

Кошка хотела было подняться, но котята не дали. Щенок еще подвинулся. Кошка предупреждающе зашипела:

— Куда? Ну-ка назад! — но щенок уже нашел свободный сосок и припал к нему. Кошка, повернув голову, брезгливо обнюхала его, фыркнула и наконец стала осторожно, чтобы не потревожить котят, слизывать со шкурки щенка ненавистный ей собачий запах.

Так щенок, которого Игорь потом назвал Сенькой, обрел мать, а наша кошка — приемного сына.

СЕНЬКА РАСТЕТ

Сенькин день начинается рано. Только солнышко заглянет в окошко, Сенька просыпается, потягивается, зевает и, вдруг что-то вспомнив, стремительно выкатывается на кухню. Останавливается в раздумье: что раньше сделать? Поколебавшись мгновение, мчится к входной двери. Если она открыта — переваливается через порог, выбегает на крыльцо. А если дверь закрыта, то еще лучше, далеко не бегать, и он тут же присаживается и с са-

мым невинным видом делает лужу. Потом, очень довольный, отправляется искать еду. Одно главное дело он сделал только что, теперь — самое наиглавнейшее. Бывает, что еду он находит сразу и наедается так, что живот раздувается, как мячик. Тогда Сенька довольно кряхтит и, еле передвигая лапы, тащит туго набитый живот на коврик. Бесцеремонно расталкивает еще спящих котят, своих молочных братьев и сестер, укладывается посередине и засыпает.

Через час-полтора Сенька просыпается. Потягивается. Зевает. Вскакивает. Катится к входной двери. И все повторяется — опять лужа, опять поиски пищи... Иногда поиски затягиваются. Тогда Сенька начинает нервничать. Он катится в одну комнату, в другую... И наконец сообразив, что так можно остаться голодным, поднимает отчаянный крик.

— Не дают мне есть. — кричит он. — Ай-яй-яй! Умираю с голода. Умира-а-ю!

На его крик спешит наша кошка. Она готова броситься на любого, кто посмеет обидеть ее приемыша. Но, выяснив причину шума, ложится и кормит Сеньку своим молоком. На несколько минут становится тихо. Кошкиного молока Сеньке явно не хватает. Он только раздражил аппетит.

— Совсем умираю-ю! — еще горше плачет Сенька.

Кошка лижет его, успокаивает, но Сеньке сейчас не до нежностей.

Кошка начинает волноваться, тщательно обнюхивает Сеньку и, видимо, убедившись в близости голодной смерти своего любимца, тоже начинает кричать:

— Мяу! Накормите же его! Он почти не дышит. Мяу!

Котята сбегаются на крик матери, сначала таращат глаза, а затем нет-нет да и вставят свои тоненькие голоса:

— Мя! Мя! Умирает Сенька! Умирает братец!

Воодушевленный поддержкой родни, Сенька начинает выть.

Получается отличный концерт.

Первым не выдерживает Игорь — достает банку с молоком. Сразу же наступает тишина. Сенька настораживается и катится к тарелке. А шустрые котята уже здесь. Но ведь умирает с голода только один Сенька?! Поэтому он расталкивает их и принимается торопливо

лакать. От жадности захлебывается, кашляет, но не останавливается, пока тарелка не приобретает первоначальный блеск.

Покончив с едой, Сенька блаженно жмурит глаза, облизывается и ползет на свое место. Укладывается удобнее и засыпает.

Теперь можно покормить и котят. Но только раздастся звук льющегося молока, как Сенька уже тут как тут. Отталкивает котят от тарелки и снова принимается лакать. Остановится, отдохнет и опять...

Закрываем обжору в другой комнате. Котята едят медленно, нехотя, видно, что не голодны, и часто поднимают головы, прислушиваясь к истошным Сенькиным воплям за дверью.

Ел Сенька так много, что мы часто беспокоились за его желудок. И беспокоились напрасно. Сенька рос быстро, хотя и был очень толстым.

Игорь души в нем не чаял. Да и я, признаться, тоже.

ПУШОК

Сенька, выкормленный кошкой, сохранил привязанность и к своим молочным братьям — котяткам. Целыми днями он играл с ними, звонко лаял, и тогда котята как по команде выгибали дугой спины и удивленно таращили глаза:

— Как это у него получается? Как он может лаять?

Они свыклись с Сенькой и, очевидно, считали его тоже котенком.

Время шло.

Котята росли. И постепенно знакомые разобрали наших питомцев. Остался один белый с желтым — Пушок. С ним Сенька особенно дружил. Они даже спали вместе. С утра и до позднего вечера Сенька и Пушок бегали друг за дружкой. Играли они всегда шумно, весело. Пушок, выбрав момент, прятался за дверью.

Сенька замечал исчезновение котенка сразу же и начинал искать.

В квартире не так уже много потайных уголков, и он быстро обнаруживал Пушка. Но, приблизившись, вдруг делал вид, что никак не может найти, и проходил мимо, тоненько взлаивая:

— Где ты? Где ты?

Котенок молчал, притаившись. Сенька ленивой трус-

цой делал круг по комнате. Пушок весь подбирался, сжимался в комочек, готовясь к прыжку. И как только Сенька приближался, стремительно выскакивал из своего укрытия и, забавно фыркая, легко ударял его лапой.

— Вот я! Вот я! — и бросался наутек.

Сенька, взвизгивая от восторга, — за ним. И пошла кутерьма... Звенит посуда, падают стулья, визг, лай, фыркание... и это только начало игры, а что будет дальше?.. Приходилось вмешиваться. Стоило войти в комнату, как моментально становилось тихо. Сенька и Пушок замирали на месте, озорно блестя глазами.

— Разве можно так?! — журил я их. — Всю посуду побьете. Вот погодите, придет хозяйка, она вас... Ну-ка, подойдите ко мне!

Сенька, запыхавшийся, с высунутым розовым языком, подбегал ласкаясь.

— Гав-гав! Давай с нами! — приглашал он.

Пушок подходил неохотно, недовольный тем, что игра прервалась. Но стоило мне отойти, как все начиналось сызнова. Ни Сенька, ни Пушок ни минуты не могли посидеть на месте.

Однажды Пушок увязался за Сенькой на улицу. Он уселся у ворот на бревне и с интересом наблюдал за открывшимся перед ним огромным миром. Он был так заинтригован новым, еще не виданным, что даже не обратил внимания на пробежавшего мимо Сеньку. Сеньку это удивило страшно. Он тут же вернулся, припал грудью к земле и залаял призывно:

— Гав-гав! Давай играть?!

Пушок даже ухом не повел. Сенька долго лаял то игриво, то сердито — ничего не помогало. Тогда он ухватил котенка за пушистый хвост и потащил с бревна. Но Пушок крепко зацепился за бревно своими острыми когтями, вздыбил шерсть и закричал:

— Мяу! Отпусти сейчас же!

Никогда Пушок не кричал на своего друга так сердито и громко.

И Сенька уступил.

Он отошел в сторонку, присел и посмотрел на Пушка удивленно и растерянно, потом заскочил на бревно, схватил его за шиворот, как всегда носит котят кошка-мать, и потащил во двор.

После этого случая Пушок часто старался улизнуть на улицу, но Сенька был настороже. Только котенок вы-

совывал свой нос за ворота, как Сенька хватал его и тащил обратно. И для Пушка, и для Сеньки это превратилось в своеобразную игру.

Как-то раз мы взяли Сеньку с собой на рыбалку с ночевкой, а когда вернулись — узнали, что Пушок пропал. Наша соседка видела его через три дома у магазина. Скорее всего он пошел разыскивать своего друга Сеньку и заблудился.

А может быть, его украли?

Мы очень переживали исчезновение котенка. А Сенька особенно.

Он сбился с ног в поисках своего друга. Перестал есть и даже на свою любимую ливерную колбасу смотрел с отвращением.

Я гладил Сеньку, называл ласковыми именами, но он лежал недвижимо и только чуть-чуть шевелил хвостом. Глаза у него были грустные-прегрустные. Мы вызвали врача, и он, узнав причину болезни, сказал строго:

— Тоскует собака. Найдите ему друга. Без друга даже собаки чувствуют себя очень плохо.

СЕНЬКА УЧИТСЯ РЫЧАТЬ

После исчезновения Пушка Сенька долго болел, и даже когда выздоровел, ходил по двору печальный, уныло опустив хвост. Он уже здорово подрос и превратился в потешного маленького пса. Коричневая шерсть его была очень густа, поэтому не свисала, как у большинства собак, а словно плюш равномерно покрывала все тело. Он был весь коричневый, от носа до хвоста. Коричневыми были и глаза, и даже пуговка носа. Он не был породистым. Но если бы проводились выставки дворняжек, как проводятся выставки служебных, охотничьих и декоративных собак, я уверен, что жюри обязательно присудило бы Сеньке какую-нибудь медаль или на крайний случай диплом. Ростом всего тридцать сантиметров, он и не обещал вырасти больше. И до того был похож на магазинного плюшевого медвежонка, что все мальчишки и девочки нашей улицы звали его Мишкой, брали на руки и таскались с ним как с игрушкой. Я не препятствовал, надеясь, что хоть это разгонит его печаль о потерянном друге. Сенька рос незлобивым, ласковым. Я ни разу не слышал, чтобы он злился или рычал. Можно было подумать, что у него нет голоса. Но ведь он скулил по но-

чам, в играх с Пушким даже лаял... Правда, когда ему здорово досаждали девчонки пеленками, он еще и крихтел смешно так:

— Ух! Ух! Ух!

Ходил он медленно, вперевалочку, бегал же только тогда, когда пытался скрыться от изрядно надоевшей ему ребятни. Но ребятня ловила его, пихала в пасть всякие лакомства и тащила играть. Избавиться от нее не было никакой возможности. Тогда Сенька стал прятаться в соседнем огороде. Ребятишки хоть и видели его, но достать не могли, опасаясь сердитой хозяйки. Хозяйка, крикливая, злая женщина, мирилась с Сенькой, очевидно, потому, что тот ходил только по тропочкам, не наступал на грядки и пока не давал повода к ссоре. Но этот мир продолжался недолго.

У соседки водились куры, которых она выпускала в огород только поздней осенью, когда все с грядок было убрано. Поэтому Сенька ни видеть, ни знать их не мог.

И вот однажды — по какой причине? — куры, целых шесть штук, под предводительством горластого черно-красного петуха прорвались в огород и кинулись на поспевающие помидоры. И единственным свидетелем этого разбоя был Сенька — он дремал на тропке между грядок. Вдруг перед ним возникло что-то большое, яркое, с громким голосом, на звук которого прибежали еще шесть незнакомцев, только белых.

— Кто, кто-то такой? — грозно прокричал черно-красный и, распустив крылья, придвинулся к Сеньке вплотную.

Сенька испуганно вскочил и, наверное, хотел ответить на вопрос, но черно-красный, не дожидаясь ответа, пребольно клюнул щенка в нос. Тот отчаянно взвизгнул и бросился к спасительной дыре в заборе. Но то ли с испугу, то ли от боли проскочил мимо и заметался в углу, тщетно ища спасения. Поведение Сеньки и внимание кур придало петуху смелости. Он оглушительно захлопал крыльями и звонко прокричал:

— Ку-ка-реку-у-у! Бей его! — и бросился в атаку.

От второго удара Сенька увернулся, но третий пришелся ему по спине. В отчаянии щенок попытался проскочить у своего преследователя между ног, но, не рассчитав... столкнулся с петухом.

— Ко-о! — испуганно ахнули куры.

— Кудях! — заорал петух.

Куры шархнулись в сторону, и бедный щенок очутился между двух огней. Петух уже оправился от испуга и вновь распустил крылья, стараясь достать Сеньку клювом. Выхода не было. Сенька сжался в комочек, припал к земле и предостерегающе зарычал:

— Гр-рр! Не трогай!

Но, уверенный в себе, петух не придавал этому значения. Тогда Сенька отважно бросился на него и вцепился в разноцветные перья. Петух рванулся в сторону, таща на себе щенка.

— Кудух! Убивают! Спасите! — вопил он, мчась по грядкам и сшибая помидоры.

Сенька не удержался, отцепился и покатился по земле, но тут же вскочил и, выплевывая перья, бросился вдогонку. Куры подняли ужасный крик.

— Кудух! Кудух! Убивают! Убивают! Убивают!

Петух дико вскрикнул на бегу:

— Ку! Ку! Да-а-ах! Разбой!

Сенька азартно лаял:

— Лови его! Держи его!

На этот невообразимый шум выскочила соседка и быстро положила конец сражению. Суматошно галдящие куры и перепуганный до смерти петух были водворены в курятник, в Сеньку полетела палка, от которой он благополучно увернулся и, не дожидаясь повторного броска, нырнул в дыру забора.

Разъяренная соседка прибежала ко мне жаловаться. Но Сенька своевременно запрятался под крыльцо и благоразумно молчал.

После этого случая Сенька не переставал лазать в соседний огород, но стоило во дворе появиться хозяйке, как он начинал рычать. А кур с той поры так просто терпеть не мог, и как только видел их, сразу же бросался в атаку.

ВОРОНА

Сеньку я вывез в лес впервые, когда ему исполнилось всего четыре месяца от роду. Привыкнув к ограниченной свободе города, он жался к моим ногам и растерянно озирался вокруг. Но через несколько минут сделал шаг, второй, обнюхал подозрительное место и оглянулся на меня вопросительно.

— Можно? — говорила его лохматая морда и лукавые коричневые глаза.

— Валяй, — разрешил я.

Сенька быстро засеменял своими короткими лапами, на некоторое время забыв даже вилять хвостом. Он обошел вокруг машины. Остановился и посмотрел на меня веселыми глазами:

— А здесь неплохо...

— Давай-давай. Не бойся. Я здесь, — подзадорил я его.

Сенька подбежал к старому трухлявому пню, обнюхал со всех сторон, посмотрел на меня торжествующе и поставил свою метку. Он чувствовал себя здесь первооткрывателем. Я же сделал вид, что не замечаю его торжества, и демонстративно отвернулся, исподволь наблюдая за ним.

Вдруг внимание Сеньки привлекла ворона, что-то клевавшая неподалеку. И в нем проснулся охотничий азарт. Он лег на брюхо — и ползком к ней.

— Кар-р! — недовольно вскрикнула ворона и пересела на ближайший куст. Сенька подбежал к тому месту, где она только что сидела.

— Кар-р! — закричала ворона, что на ее языке, наверно, означало: «Не трогай!»

Сенька усиленно заелозил носом по земле и, не найдя ничего интересного, подбежал к кусту, звонко залаял. Лай был беззлобный, дурашливый.

— Гав-гав! Давай играть, — приглашал он ворону.

— Кар-р! Нужен ты мне... — крикнула та недовольно и перелетела на дерево.

— Ах ты! Ах ты! Вот я тебя сейчас, — лаял Сенька, подбегая к дереву.

Ворона не приняла вызова, она поднялась, сделала круг над поляной, провожаемая веселым Сенькиным лаем, и села на куст у дороги.

— Ага! Поймаю! — залаял Сенька и кинулся к ней.

Ворона полетела в глубь леса. Сенька коричневым клубком покатился следом. Ворона дальше — Сенька за ней. Поворот дороги уже давно закрыл от него поляну, где стояла машина, но развеселившийся щенок не замечал этого.

Вороне, очевидно, надоели лай, и сам щенок. Она поднялась повыше и скрылась за деревьями. И уже откуда-то издали донеслось ее:

— Кар-р! Дурачок. Бегн назад...

Сенька не понял ее предостережения и кинулся на-

прямую в чащобу. Но кусты были настолько густы, что он скоро выдохся и, оглянувшись, вдруг заметил, что остался один в неизвестном лесу. Он закрутился на месте. Коричневая пуговка его носа усиленно забегала из стороны в сторону, но густой, напоенный различными запахами воздух не давал ответа, и тогда Сенька тихонечко заскулил, потом отчаянно завопил: «Ай-яй-яй! Помогите! Ой-ей-ей!»

Я подошел, взял его на руки. Он завизжал от радости. Я вынес его и поставил на дорогу: «Ну что? Как бы ты без меня?» Но Сенька моего ехидства не понял. Он закрутил хвостом и побежал к поляне.

Ворона сидела на прежнем месте и подозрительно смотрела на него. Сенька было опять напряжился для броска, но передумал. С гордо поднятым хвостом прошествовал к машине, словно хотел сказать: «Я с такими не играю», растянулся в тени и устало закрыл глаза.

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Мы остановились в деревне, чтобы купить молока. Сенька сразу выскочил из машины и стал знакомиться с окрестностями. Подбежал к дереву, обнюхал его, потом двинулся вдоль забора — все с таким деловым видом, что я не выдержал и окликнул его:

— Сеня! Что-нибудь интересное?

Он не принял моего шутливого тона и даже не удостоил взглядом. За забором, учуяв чужого, залаяла большая собака, загремела цепью. Сенька было кинулся к ней, но я удержал.

— Куда ты, дурашка. Ведь ты меньше ее головы.

Сенька посмотрел оценивающе вначале на меня, затем на собаку и, согласившись, повернул на дорогу, но вдруг остановился пораженный. Невдалеке, сразу за дорогой, паслась стая гусей. С курами Сенька был уже знаком, а гусей видел впервые. Он усиленно задвигал носом, но гуси заметили его и, недовольно гогоча, собрались теснее, распекая щенка на разные лады. Особенно старался большой белый гусак, вожак стан.

— Го-го-го! — выкрикивал он. — Понаехали тут всякие...

Сенька постоял, словно прислушиваясь к гусяному гоготанью, потом бросился вперед молча, стремительно.

— Га-га-га! Этого еще не хватало... Спасайтесь,

братцы! — загалдели испуганно гуси и, хлопая крыльями, пустились наутек. Сенька, довольный, с внезапно возникшим охотничьим азартом, — следом.

Белый гусак бежал позади стаи. Он изредка оглядывался и громко вскрикивал:

— Га! Га! Караул!

Сенька шариком катился за ним, тоненько взлаивая. Я уже хотел окликнуть щенка, чтобы прекратить этот шум, как вдруг гусак остановился, растопырил крылья и, дерзко блестя глазами, повернулся к своему преследователю. Хищно изогнув шею, он зашипел сердито:

— Пш-ш! Пш-ш! Ну-ка, подойди!

Сенька замедлил свой бег, затем совсем остановился. Его лукавая морда, высунутый от усердия язык, высоко поднятый хвост выражали веселье и любопытство.

— Чего ты? — ласково твякнул он на гусака.

Шипение гусака стало еще более угрожающим, и вдруг он ринулся в атаку. Сенька в последний момент еле увернулся от широкого клюва. Гусак проскочил мимо, но тут же, помогая себе крыльями, развернулся и снова бросился вперед. Сенька попятился, затем повернулся боком, готовясь к отступлению, и в это время гусак, словно шпагой, ударил его клювом.

— Ай! — взвизгнул щенок. — Ты чего?! Чего! Больно же... — и, трусливо поджав хвост, рванулся со всех ног назад, к машине.

Противники теперь поменялись ролями. Причем Сенька выглядел не с лучшей стороны. Вся гусиная стая громкими криками подбадривала своего вожака.

Сенька мчался к машине на предельной скорости. Он с разбега юркнул в открытую дверь и забился между сиденьями. Гусак подбежал, заглянул в машину и, не видя своего противника, попытался залезть вовнутрь. Но я его не пустил. Гусак было ринулся на меня, но вовремя опомнился.

— Го-го-го! — торжествующе закричал он. — Видали, как я его?

— Га-га-га! Видали! Видали! — шумно хвалили своего вожака гуси.

Сенька высунул свою коричневую морду из-за сиденья и, еще вздрагивая от пережитого испуга, твякнул:

— Уж пошутить нельзя...

— Выйди сюда! Я тебе пошучу! Выйди! — продолжал грозиться гусак.

— Ладно, ладно, ребята. Хватит вам, — попытался помирить я противников. Но не тут-то было. Гусак снова полез в машину. Тогда я отогнал его дальше за дорогу и позвал Сеньку:

— Иди сюда, забияка. Сам первый начал драку, а теперь в кусты. Не стыдно? Иди сюда!

Сенька вылез из машины и осторожно огляделся. Удостоверившись, что опасность миновала, он замахал хвостом и уставился на меня виноватыми глазами.

— Эх ты! Приехал в гости... Не стыдно? — журил я щенка, но он вдруг зевнул притворно и запрыгнул на сиденье. Потянулся лениво и улегся, щуря глаза, всем своим видом показывая:

— Зачем из-за пустяка шум поднимать... Ну, пошутили... Разве что-либо случилось?

Конечно, ничего особенного не произошло, но с этого памятного дня Сенька уже не гоняется за гусями, а обходит их стороной.

СЕНЬКА ИЩЕТ РАБОТУ

Мой товарищ попросил меня помочь отремонтировать дачу. Ремонт несложный, работа сразу же пошла споро. Сенька, радостно поблескивая глазами, крутился тут же, совал нос в каждую дырку, в каждую банку. В пушистом хвосте его застряли стружки, передняя правая лапа вдруг стала зеленоватой, а левая — голубой. На морде пролегла белая полоса. Это и вынудило нас пойти на крайние меры — выставить Сеньку за дверь. Он долго скулил под дверью, царапался, потом внезапно затих.

Перемены в поведении моего друга всегда подозрительны. Тут-то и жди подвоха! Я выглянул в окно. Сенька крутился около крыльца, что-то усиленно вынюхивая. Вот он царапнул землю лапой в одном месте, потом перешел на другое. Тут, очевидно, земля была мягче. И вот Сенька быстро-быстро заработал обеими лапами. Земля так и сыпанула вверх. Я никогда не подозревал в нем таких способностей и очень удивился. Сенька тем временем работал, как хорошая землеройная машина, и пока я выскочил на крыльцо, вырыл уже довольно глубокую яму.

— Сенька, ты что делаешь? Ну-ка перестань сейчас же! — закричал я.

Он высунул из ямы свою лохматую морду, испачканную теперь еще и землей.

— Ты что, не видишь? Работаю! — Удивленно посмотрел он на меня и опять принялся за дело.

— Нельзя! Нельзя! Пошел отсюда! — я приближался к нему с самыми серьезными намерениями.

Сенька это понял и неохотно попятился.

— Гав! — негромко гавкнул он. — Вы работаете, а мне так уж и нельзя?

— Лег бы, повалялся на солнышке, — начал уговаривать я его и протянул руку, чтобы погладить, но он обиженно отвернулся.

Засыпав яму, выкопанную Сенькой, я вернулся в комнату. Работа наша шла к концу, но беспокойство вдруг охватило меня с новой силой. Бросив кисть в ведро с краской, я вновь вышел на крыльцо. Сеньки не было.

— Сеня! Сенька, где ты?!

Обошел вокруг домика — Сеньки нет. Внимательно оглядел весь участок — никого. Ну не мог же он перескочить через такой забор? Или, может быть, есть где-то в нем дыра? Я пошел вдоль забора. И у недавно высаженного какого-то редкого сорта малины, которым мой товарищ очень дорожил, я увидел... О, ужас! Увидел кончик пушистого хвоста, торчащий из свежевыкопанной норы. Оглянувшись, не видит ли это кошунство хозяин, я вытащил упирающегося Сеньку за хвост и наскоро присыпал яму. Сенька, наклонив голову набок, наблюдал за мной со стороны. Я пожурил его, погрозил пальцем, но стоило мне отойти, как он тут же вновь принялся за дело. Мягкая, разрыхленная земля так и летела из-под его лап. Ну что ты будешь делать? Пришлось забрать его в комнату.

Он так обрадовался, что тут же залез в банку с краской и оставил на полу отпечатки всех четырех лап.

— Выгони его во двор, — рассердился мой товарищ.

«Ага! Выгони... Ты еще не знаешь про малину! — мелькнуло у меня в голове. — Но, с другой стороны... Сенька же умница и, очевидно, уже понял, что можно и чего нельзя», — прикинул я и вытолкнул проказника за дверь.

И не ошибся. Сенька оказался еще мудрее, чем я думал. Не успела за ним закрыться дверь, как он уже мчался опять к малине. Остановился и, заметив, что я наблюдаю за ним, негромко тявкнул:

— Гав! Скучно мне одному. Гав! Иди ко мне, а не то я...

Я вышел на крыльцо, Сенька подбежал ласкаясь. Я взялся за ручку двери — Сенька рванулся к малине... Я спускаюсь с крыльца. Сенька ко мне. Я к двери — Сенька в малину...

Так и пришлось товарищу заканчивать ремонт одному.

КАПКАН

Не успел я вылезти из палатки, как Сенька тут как тут. Хвостом виляет и преданно смотрит мне в глаза.

— Что, соскучился за ночь? — усмехнулся я.

Сенька припал на передние лапы и еще усерднее завилял хвостом, приглашая играть.

— Ладно, ладно, некогда мне.

Взяв удочки, подсак, банку с червями, я столкнул на воду лодку. Сенька ужом проскользнул мимо меня и уселся на корме, радостно поблескивая глазами.

— Нет, брат, так дело не пойдет. А палатку кто стеречь будет, вещи?.. Вылазь, вылазь, — уговаривал я его. — Нельзя нам обоим отлучаться. Вылазь, ну!

Сенька с явной неохотой вылез на берег.

— Гав! — тявкнул негромко Сенька. — Возьми, пожалуйста!

— Сказал же — нельзя, — рассердился я.

Сенька медленно потрусил по берегу вслед за мной. Я приналег на весла, и кусты скрыли от меня моего друга.

Через три часа, когда солнце уже жарило вовсю и утренний клев кончился, я причалил к берегу, но Сенька не выскочил, как обычно, навстречу. «Спит, наверное», — подумал я и громко позвал:

— Сеня! Ну-ка ко мне, быстренько! — Ни звука в ответ.

Сеньки не было и в палатке. Я вновь позвал его и прислушался. Тихо все. Только чуть треснула где-то неподалеку ветка, да всплеснула под берегом стайка рыбьей мелочи. «Что могло случиться? — не на шутку встревожился я. — До ближайшей деревни десять километров. Волков здесь не водятся... Может, кто проезжал мимо да поймал его. Ведь Сенька такой доверчивый. Но тогда бы я слышал шум мотора...»

...И все-таки я выскочил на дорогу. Пробежал с километр до ближайшего поворота — свежих следов автомашин не было.

Солнце палило нещадно. Пот заливал глаза. В траве тревожно звенели кузнечики. Кусты стояли нахохлившись, виновато опустив привядшие листья. «А почему считают, что здесь нет волков? — вдруг подумал я. — Вон какие заросли! Ах, Сенька, Сенька! Ну почему я не взял тебя с собой в лодку? Бог с ней, с палаткой... с вещами...» Мне так стало жалко моего пропавшего друга, что запершило в горле и губы стали сухими, горячими.

Я вернулся к палатке, взял походный топорик и направился в самую гущу кустов, полный решимости хотя бы отомстить прожорливым волкам за своего четвероногого друга. Целый час я безуспешно искал следы жестоких хищников, весь исцарапался о колючие ветки, но ничего не нашел. Подавленный и усталый, вернулся к палатке. Ничто меня не радовало — ни хороший утренний клев, ни прекрасное место отдыха, ни устоявшаяся погода. Полными ненависти глазами смотрел я на эту коварную поляну, на густосплетение кустов — свидетелей Сенькиной гибели. Вдруг неподалеку от меня дрогнула и закачалась ветка. Я бросился вперед, ногой раздвинул кусты и увидел... Сеньку. Он лежал в какой-то страшно неудобной позе. Головы не было видно. Одна задняя лапа застряла в развилке ветки, другая — слабо скребла землю. «Живой еще!» — понял я и, отбросив топорик, попытался поднять Сеньку на руки. Тело его дернулось, послышался жалостный тихий вздох. Я повернул своего верного друга на бок. Сеньке, конечно же, было невесело. У него не было сил даже шевельнуть хвостом. Но ситуация была такая комичная, что я не выдержал и захохотал.

Сенька сам себе нашел капкан. Любитель свиной тушенки, он обнаружил где-то порожнюю банку из-под нее, оставленную нерадивым нашим предшественником, и опрометчиво засунул туда морду. Острые края, загнутые вовнутрь, не давали вытащить ее обратно, а сама банка плотно засела в густых ветках.

Сколько Сенька промучился в этом капкане, не знаю, наверное, долго, потому что, когда я освободил его, он так виновато и устало посмотрел на меня, так понуро горбясь, залез под машину, что мне вновь стало жаль его, хотя трудно было сдержать улыбку. Я предложил ему конфетку — он отвернулся.

Урок этот Сенька запомнил на всю жизнь. И если на-ходил пустую банку, поднимал шум.

— Гав! Гав! — лаял он. — Безобразне! Разбрасывают везде мусор. Порядочной собаке прогуляться негде! — и не успокаивался, пока эту злосчастную банку не закапывали в землю.

СЕНЬКА ПОМОГАЕТ АКТАРУ

Только подъехали к дому егеря, как Сенька исчез. Стоянка предвиделась длительная, поэтому я не беспокоился. Пока мои друзья ставили во двор машины, пока решался вопрос о ночлеге, я любовался красивой черно-белой лайкой, которая на привязи стояла в соседнем дворе. Она не лаяла. Она просто стояла и смотрела на нас, чуть слышно повизгивая. Мы долго разгружали машины, и за это время лайка ни разу не присела, только нервно переступала лапами.

— Хороша! — не выдержал я.

— Актар! Стоящий пес, — подтвердил егерь и вздохнул: — Хозяин не охотник, так... Губит собаку на привязи. Я просил его продать — ни в какую! Говорит, дом сторожить некому. — Он огорченно махнул рукой и отвернулся.

Словно поняв, что разговор шел о нем, Актар взвыл и стал метаться по двору. В это время вывернулся откуда-то Сенька и бесстрашно нырнул в дыру забора. Актар умолк, насторожился и, вытянувшись вперед, насколько ему позволяла привязь, внимательно смотрел на незнакомца. Сенька приближался, грозно рыча, но при этом сильно махая хвостом. Начался обычный процесс знакомства — обнюхивание. Я приготовился к худшему, испугавшись за своего любимца. Ростом он едва доставал до брюха лайки и вообще выглядел перед ней несолидно. Но все кончилось благополучно. Вот Сенька припал на передние лапы, потом метнулся в сторону, приглашая Актера играть. Тот кинулся было за ним, но ремень рванул его назад, чуть не опрокинув на спину. Актар завыл и стал бегать по двору, с грохотом катая блок по проволоке, натянутой от дома к сараю. Сенька, не дождавшись нового знакомого, вернулся. Вся его лукавая морда выражала высшую степень нетерпения.

— Гав? — спросил он. — Ну чего ты? Я же жду.

Актар еще отчаяннее взвыл. Сенька подошел и долго обнюхивал ремень, на который был привязан Актар. Таковую вещь он встречал впервые, поэтому исследовал

основательно. Он даже пытался грызть его, но вскоре бросил эту затею и улегся рядом с другом, глядя в мою сторону и изредка взлаивая:

— Гав! Иди помоги нам.

А что я мог сделать? Чужой двор, чужая собака...

Сели ужинать. Я позвал Сеньку. Обычно дважды приглашать его не приходилось. Но сейчас он подошел с явной неохотой.

— Сеня, ты что, заболел?

Он смотрел на меня своими коричневыми глазами с немим укором.

— Глупый Сенька, ну что я могу сделать для твоего нового друга? Ничего.

Утром, еще затемно, мы быстро погрузили все необходимое на телегу и тронулись в путь по едва заметной дороге через болота к дальним озерам. Я крикнул Сеньку, через некоторое время он появился, покрутился у ног, поластился и потрусил сзади.

За разговорами с егерем я вспомнил про Сеньку спустя полчаса. Позвал, его не было.

— Сенька! Сенька! Сенька-а-а! — кричал я, но безрезультатно. Ночную темень сменил густой туман — дорожку не видно в десяти метрах. «Сбежал к машине», — успокаивал я сам себя, однако тревога не унималась, и я повернул назад.

Каково же было мое удивление, когда через несколько шагов, за поворотом, я буквально наткнулся на Сеньку и... Актара. На Актаре был ошейник с обрывком ремня. Ремень кто-то перегрыз мелкими, словно мышиными зубами. Я вопросительно посмотрел на Сеньку. Тот с преувеличенным вниманием обнюхивал какую-то травку.

— Ну-ка, подойди ко мне, — приказал я.

Он подошел неохотно, виновато опустив хвост и прижав к голове уши.

— Твоя работа? — Я сунул ему под нос кусок ремня. Сенька дипломатично отвернулся.

Я присел на корточки и снял с Актара ошейник.

— Ну и что прикажете теперь делать?

Актар отскочил в сторону. А Сенька вдруг подпрыгнул и неожиданно лизнул меня в лицо.

Как мне поступить? Ну не вести же Актара назад? Да и говорят, возвращаться нельзя — плохая примета. И мы поспешили догонять моих друзей. Сенька бежал

вперед, довольный, гордо задрал хвост и весело оглядываясь. Рядом с ним трусил Актар, иногда касаясь мордой Сенькиного уха.

ОБОЗНАЛСЯ

Как-то раз мы с Сенькой поехали в сад к одному нашему приятелю. День выдался жаркий. Мы сидели на веранде на сквознячке, а Сенька, страдая в своей теплой шубе, забился под куст сирени и часто дышал, высунув язык. Я с жалостью поглядывал на своего друга и придумывал, чем бы облегчить его участь, как вдруг увидел неторопливо идущего между грядок клубники большого кота. Желто-белый, он очень напоминал пропавшего Пушка.

Сходство заметил и Сенька. Он резво вскочил, весело завилял хвостом, и я понял, как свежа еще его рана — потеря друга. Сенька бросился навстречу коту со всех ног, весело взлаивая, как тогда... в игре с Пушком.

— Гав-гав! Здравствуй! Давай играть?

Но кот не понял Сеньку.

— Кто ты? Чего надо? — сердито зашипел он, выгнув дугой спину.

— Гав-гав! — весело лаял Сенька. — Гав-гав! Давай играть! Это так интересно. Так хорошо. Ну давай! — он прямо по грядкам подбегал к коту то с одной, то с другой стороны, но тот угрожающе вопил:

— Отстань! Уйди! А то...

На Сеньку эти предостережения не действовали. Он подбирался к коту все ближе, припадал грудью к земле, прыгал, визжал. Вдруг кот резко выбросил вперед переднюю лапу, ударил Сеньку и, дико вякнув: «Мяу! Вот тебе!», бросился к яблоне.

Сенька взвизгнул, затряс головой, а кот, воспользовавшись его замешательством, вскарабкался на дерево и уселся на суку, злорадно ворча:

— Не будешь лезть, куда тебя не просят.

Сенька подошел, задрал голову и обиженно твякнул:

— Гав! Ты чего? Я же хотел поиграть...

— Мрр-у! — взревел кот. — Я тебе поиграю!..

Сенька, растерявшись от такого поворота, присел на задние лапы, а передними по очереди то одной, то другой стал тереть морду, изредка укоризненно поглядывая на кота. Он словно говорил:

— Вот, хоть ты и ударил меня, а я все равно на тебя не сержусь. Слезай с дерева и давай играть.

— Мрря-у, — заунывно ревел кот. — Уйди! Не нужна мне твоя игра.

Сенька медленно обошел вокруг яблони и прилег в тени, очевидно, решив терпеливо ждать.

Но kota это вариант не устраивал, и он еще громче завыл:

— Уйди! А то слезу, тогда...

Сенька положил на вытянутые передние лапы морду и закрыл глаза. На некоторое время в саду вновь воцарилась тишина. Но вот кот стал осторожно спускаться с дерева, злобно сверкая глазами на Сеньку. А тот то ли задремал, то ли делал вид, что дремлет. Кот спрыгнул и только успел сделать несколько шагов к забору, как Сенька в два прыжка загородил ему дорогу.

— Гав-гав! Ну давай поиграем. Ну хоть чуть-чуть. Хоть капельку...

— Фу-ух! — зашипел кот. — Нахал! Уйди с дороги! — он принял боевую позу.

Сенька наконец понял, что из игры ничего не получится, сразу как-то сник, опустил хвост и тихо поплелся к веранде.

— Что, Сенька, не вышла игра? — спросил я щенка. — Это тебе не Пушок...

Сенька посмотрел на меня полными человеческой печали глазами и чуть шевельнул хвостом.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Мне позвонил товарищ и закричал в трубку:

— Слушай, достал спаниеля! Великолепного! Чистокровного! Собирайся на охоту! Живо! Поедем на моей машине. Даю час на сборы.

Естественно, сборы были спешные. Сенька, зараженный моим волнением, носился вокруг, мешаясь под ногами. Блестел своими коричневыми глазами, вертел хвостом и поминутно звонко лаял: «Гав! Гав! Меня-то возьмете?»

— Сеня, ну о чем разговор. Конечно, возьмем, куда я без тебя?

Ружье, патроны, резиновая лодка, спальный мешок, продукты... Кажется, все... И — сигнал машины у ворот. Вовремя мы управились. Выбегаем с Сенькой. Точ-

но — за нами. Складываем вещи в багажник. Открываем дверцу машины. Вот он! Знаменитый спаниель! Длинные висячие уши. Ухоженная черно-белая волнистая шерсть. Но не успел я толком его разглядеть, как Сенька уже запрыгнул на сиденье и оскалил зубы:

— Гр-гр! Это что за новости?! И еще лежит на моем месте!..

Благородный спаниель тоже зарычал. Мгновение — и клубок собачьих тел уже катался по машине. Полетели клочья черно-белой и рыжей шерсти. Ах! Ах! Мы срочно вмешиваемся. Тяжело дышащие противники растащены за задние лапы.

— Сеня! Ты что это? Как тебе не стыдно? Помиришься сейчас же, — уговаривал я своего друга.

Но не тут-то было. Ни Сенька, ни спаниель не хотели уступать. Что делать? И в спешке было принято единственное решение: Сеньку оставить дома. Рыжий рычащий комок был выдворен за калитку. Калитку на замок. Взревела машина, и мы помчались вперед. Ну что мне стоило обернуться назад?

В начале нашего пути, увлеченный обсуждением ярко выраженных признаков чистых кровей спаниеля и выбором места предстоящей охоты, я как-то забыл про моего друга Сеньку. Потом, чуть позднее, в душу мне закралось сознание вины перед ним, которое уже не оставляло до самого возвращения. Настроение из-за этого было скверное, потому и охота не удалась, и спаниель не понравился, хотя работал он неплохо.

Но вот наконец через два дня снова родная калитка, снова дома, но никто меня не встречает, не прыгает вокруг, не ластится, не вертит хвостом... Вхожу во двор — тишина. Поднимаюсь на крыльцо — вот он!

— Сеня, привет!

Но Сенька как лежал на верхней ступеньке крыльца, так и остался лежать, только глянул на меня грустными-прегрустными глазами и отвернулся.

— Ты что, заболел? — встревожился я и нагнулся, чтобы приласкать, но Сенька выскользнул из-под моей руки, спрыгнул с крыльца и улегся под кустом смородины.

— Что с тобой, Сеня, дружище? — Я направился к нему. Он — от меня. — Да что же это такое? Ты меня не узнал?

— Обиделся он, — пояснила моя мать. — Как вы

уехали, он за вами погнался. К вечеру только вернулся. Весь в грязи, усталый. И с той поры ничего не ест, все лежит и лежит...

Я взял любимую Сенькину ливерную колбасу, подсушил кусочек ему под нос. Он отвернулся. Я гладил его. Называл ласковыми именами. Просил прощения — ничего не помогало. Я позвонил своему другу — посоветоваться.

— Обиделся сильно, — подтвердил и друг. — Но не огорчайся, через день-другой отойдет. Побольше будь рядом с ним. Собака — не человек. Она прощает все, даже предательство...

На следующий день я вывез Сеньку за город. Там он немного оттаял. А через два дня стал снова самим собой — веселым, забавным, ласковым.

Но я как только вспоминаю про этот случай, так снова чувствую вину перед моим Сенькой.

СТРАХ

Много интересного было на дальнем кордоне, но эта встреча запомнилась особо.

Закончив исследование прилегающего ко двору лесника пространства, Сенька, естественно, захотел ознакомиться и с самим двором. Он не последовал за лайками в дыру забора, а толкнул носом скрипучую калитку и бесцеремонно, на правах важного гостя ступил во двор. Для начала, отдавая дань моему, хотя и несколько посрамленному во встрече первой, старшинству, он подошел, позволил себя потрепать по лохматому загривку и тут же заспешил продолжить знакомство с окружающим миром в почетном сопровождении лаек, которые теперь не отходили от него ни на шаг.

Я особенно внимательно наблюдал за ними и вот почему.

Посередине двора под деревом стояла вместительная клетка, оббитая железной сеткой. А в ней безразличная ко всему лежала волчица. Настоящая. Живая. Ее поймал в капкан лесник и теперь дожидался оказии, чтобы везти в зверинец.

Наши разговоры, хождения по двору, даже присутствие лаек, к которым она уже привыкла, не трогали волчицу. Она лежала неподвижно, вытянув вперед лапы и положив на них крупную, остроносую голову. В глаза

ее, дремотно прикрытые, невозможно было заглянуть. Ни один волосок, ни один мускул не отреагировал и на скрип калитки, когда Сенька вошел во двор.

Но когда он, деловито елозя носом, заспешил по тропинке, волчица приоткрыла глаза, и они вспыхнули страшным зеленоватым цветом. Волчица неслышно поднялась и также неслышно улеглась уже у самой сетки.

Сенька, маленький, лохматый, ничего не подозревая, бежал близко от клетки, семеня своими короткими лапами. И вместе с ним рядом, рывками, но совершенно бесшумно передвигалась и волчица. Вся ее напряженная фигура, взгляд, неотрывно устремленный на щенка, сложенная работа мышц, которые не выдавались из-под шкуры, как у наших охотничьих и сторожевых собак, а только угадывались, кошачья бесшумность движений — все обличало настоящего хищника, свирепого и безжалостного.

Волчицу от Сеньки отделяло расстояние всего в пол-прыжка, в четверть прыжка... Но она не бросилась, потому что видела перед собой железную преграду.

А когда Сенька, так ничего и не заметив, стал удаляться от клетки, волчица села и вдруг, широко разевая пасть, зевнула. Зевнула громко и застыла, глядя куда-то вверх. Сенька, услышав зевок, оглянулся и, заинтересовавшись, повернул назад. Он никогда не отличался хорошим чутьем, видеть же волков ему не приходилось ни разу. Поэтому он смело подошел к клетке и уже поднял лапу, чтобы поставить метку, как вдруг...

Я даже не смог проследить рывок взглядом, только почувствовал дрожь его тела уже у моей ноги. Лайки стояли, недоуменно оглядываясь, — кого так испугался их новый знакомый? Сенька дрожал все сильнее и, чего никогда не было, вскарабкался мне на колени.

Волчица же не сдвинулась с места и все глядела куда-то вверх, в синеющую даль родных алтайских гор.

И мне стало жаль ее.

ПРИЕХАЛИ

Только мы подъезжаем к дому из своего очередного путешествия, как Сенька шариком выкатывается из машины, оббегает вокруг и звонко лает:

— Гав! Гав! Приехали! — и отходит в сторону, мол, свои обязанности я выполнял исправно, теперь твоя оче-

редь, хозяин, разгружай машину, таскай свои палатки, лодки, удочки, а мне некогда. У меня тоже дел по горло. И тут же начинает проверять свои метки.

Но на его лай уже выскочил из соседней подворотни черный, как жук, щенок — Шарик. Выскочил и мчится к Сеньке, усиленно виляя хвостом. Сенька, свысока поглядывая на Шарика, дает ему возможность как следует себя поприветствовать и трусит дальше. Шарик следом, вытягиваясь в струнку, старается носом достать хоть кончик Сенькиного хвоста.

Из калитки напротив выходит кокетливая болонка — Барселона. Потягивается, жеманно щурит глаза под выпасающими кудряшками и вдруг, заметив Сеньку, взвизгивает и бросается к нему. Навстречу даме Сенька галантно делает несколько шагов, вежливо виляет хвостом и дает себя обнюхать. Потом поворачивается и продолжает свой путь. А вот и Мушка, помесь дворняжки со спаниелем, мчится, заискивающе повизгивая. За ней пристраивается огромный добродушный пес, с редкой кличкой Лай. Из-за угла выворачивается лохматый Боб, за ним еще, еще... Наконец Сенька, окруженный целой свитой поклонников, останавливается где-то в укромном уголке. Садится. Обожаатели плотно окружают его и начинают обнюхивать.

Наверное, это так же, как и у нас, у людей. Когда встретишь знакомого, вернувшегося из интересного путешествия, хочется послушать его рассказы.

Здесь же рассказы — это запахи, принесенные в густой Сенькиной шерсти оттуда, куда ни одна из этих собак попасть даже не мечтает.

И Сенька, гордый оказанным вниманием, с самодовольным видом дает возможность своим поклонникам пережить хоть в малой мере то, что пережил сам.

Я представляю себе это так:

— Сенья, милый, а что это за запах? — начинает подлизываться Барселона.

Даме нельзя не ответить, и Сенька, оттопыривая нижнюю губу, поясняет:

— Это? Лось пробежал неподалеку.

— Лось?! Настоящий?! И ты... ты...

— Нет, — Сенька притворно вздыхает. — Не пустил меня хозяин. А то бы я... конечно...

— А вот этот? — несмело спрашивает Шарик.

— Ни разу неграмотный, что ли? Не знаешь? Эх

ты... — презрительно фыркает Сенька. — Это же ондатра. Я сидел на ее домишке.

— Ой! — восклицают хором Барселона и Мушка. — На самом ее домишке. И... И не боялся?

— Кого? — возмущается Сенька. — Ондатру? Да я...

— Врет он все! Врет! — лает за забором и гремит цепью огромная овчарка Дик.

— Завидуешь, пустолайка, — небрежно бросает Сенька.

— Это я... я пустолайка?! Ну, погоди! Дай мне освободиться от ошейника, я тебе покажу, жалкий хвастунишка!

На эту угрозу Сенька и ухом не ведет. Верит — цепь крепкая.

Храбрясь, он подходит к самому забору, поднимает заднюю лапу и ставит свою метку.

Дик, взбешенный таким нахальством, хрипит и исходит пеной.

— Оставь его, дурака, — ворчит добродушно Лай. — Лучше скажи, вот это что?

— Зайчишка попался, — облизывается Сенька.

Облизываются все, роняя на землю слюну.

— А это? — громко спрашивает чем-то встревоженный Боб.

— Волчица! — выдыхает Сенька, и все замирают, ошетилившись. Барселону начинает бить дрожь. И даже Дик перестает греметь цепью.

Такая или почти такая встреча длится с полчаса. Затем Сенька встает и ленивой трусцой направляется к дому. Остальные собаки нехотя разбредаются по своим собачьим делам.

После каждой нашей поездки такое обнюхивание повторяется. И, наверное, из-за этого, несмотря на свой малый рост, Сенька пользуется огромным уважением у окрестных собак. Что интересно, в дни нашего приезда я не видел ни одной собачьей ссоры. Они будут потом, завтра, а сегодня... Сегодня нельзя, сегодня Сенька приехал!

ПОСЛЕДНЯЯ РЫБАЛКА

Приближалось время сенокоса. Погода держалась пасмурная. Поэтому нас очень донимали комары. Они тучами вылетали из высоких, уже созревших трав.

Комаров было так много, что даже Сенька в своей густой лохматой шубе не выдерживал их натиска. Они набивались в нос, глаза, уши, и он, спасаясь от их укусов, выкапывал в земле нору, залезал в нее и закрывал морду лапами. Комары облепляли Сеньку так густо, таким плотным слоем, что мой бедный друг становился из коричневого серым. Ночью мы спасались в палатке, а днем приходилось уплывать на лодке подальше от берега. На открытой воде комаров было меньше. Если бы не эта кровожадная братия, отдохнули бы мы хорошо. Рыба клевала, ночи были теплыми, днем нежарко. Отпуск мой заканчивался, вечером мы уезжали домой, но в полдень, когда сборы были в самом разгаре, к нам пожаловали гости.

Двое мальчишек, дочерна загорелых, босиком, с простенькими, вырезанными из тальника удилищами, подошли, глаза на машину, яркую палатку, на спиннинги с блестящими катушками... Подошли, робко поздоровались, опасливо косясь на Сеньку.

С мальчишками Сенька всегда знакомился быстро и относился к ним доброжелательно. На этот раз он слишком долго обнюхивал их, и я, боясь за гостей, прикрикнул:

— На место!

Он подчинился с неохотой и ушел под машину обиженный. Но через минуту выскочил оттуда. Шерсть на загривке дыбом, горло подергивается в хриплом рычании. Никогда я не видел его таким сердитым.

— Сенька! Ко мне! — крикнул я, он не послушался и бросился мимо нас по тропе.

— Это он на нашу собаку, — пояснил один из мальчишек.

И точно, из-за поворота вышла большая и лохматая, какого-то неопределенного цвета собака. Шла она медленно, еле переставляя лапы. Шерсть висела сосульками.

— Отчего она у вас такая? Уж не бешеная ли? — заволновался я.

— Не-а! Старая сильно. И не ест ничего.

И хотя объяснение было не очень вразумительным, я успокоился. Угостил мальчишек конфетами, оторвал им японской лески, показал новую резиновую лодку, но краем глаза не переставал следить за Сенькой. Уж очень странно он повел себя с нашими гостями. Не обидел

бы... Но Сеньке было не до мальчишек. Он целиком занялся собакой. Он не давал ей приблизиться к нам, прыгал перед мордой, рычал, лаял. Собака тоже показывала зубы, и хотя была больше Сеньки, нападать боялась. Она несколько раз пыталась пробиться к своим хозяевам и каждый раз получала такой яростный отпор, что наконец отступила и улеглась прямо на тропе. Сенька присел неподалеку и, поглядывая на непрошеную гостью, громко лаял:

— Гав-гав! Разлеглась тут... Убирайся отсюда!

Мальчишки побыли с час и ушли. Сенька далеко проводил их, не переставая лаять. И даже когда вернулся и обнюхал то место, где лежала эта, так не понравившаяся ему собака, вновь встопорщил шерсть на загривке и зарычал.

— Хватит тебе, — успокаивал его я. — Ну, прогнал... Ну, хватит.

Вечером мы уехали домой. А через неделю Сенька вдруг стал вялым, отказался от еды, глаза у него воспалились и покраснели. В начале болезни мы пробовали лечить его домашним способом — насильно поили молоком, промывали глаза слабым раствором борной кислоты. Ничего не помогало. Сенька сильно похудел, рыжая, прекрасная шерсть потемнела и свалилась космами.

Мы вызвали врача. Он только глянул на моего друга и выдохнул:

— Чумка! В народе ее называют собачья смерть. Ничего нельзя сделать. Где-то он заразился...

И я вспомнил нашу последнюю рыбалку, мальчишек, собаку, на которую так лаял Сенька. Наверно, он чувствовал, что она больна, и старался не пустить ее к нам, не зная, что люди этой болезнью не болеют. Оберегал нас, а сам вот не уберется.

Мы с Игорем повезли Сеньку в ветеринарную лечебницу. Он лизал нам руки, словно прощаясь, и язык у него был сухой, шершавый. Игорь плакал. Я сам не мог сдерживать слез. Врачи делали все, но спасти Сеньку не удалось.

Так не стало Сеньки. Он был самым породистым из всех непородистых собак. Он был верным другом.

СОДЕРЖАНИЕ

Лопухий бес	3
На утином перелете	38
Мудрое решение	42
Филька	48
Встреча	63
Диана	66
Звено цепи	71
Лиса-лисанька	80
Обыкновенная история обыкновенной кошки	85
Ушел человек на войну	100
Мечта детства	118
Кони	126
Привет из родных мест	130
Мой друг Сенька	150

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Владимир Борисович Свинцов

ЛОПУХИЙ БЕС

Рассказы и повести

Редактор И. Березюк. Художник А. Емельянов. Художественный редактор В. Еранкин. Технический редактор М. Сафонова. Корректор Л. Кайгородова.

ИБ № 1696. АГ 00050. Сдано в набор 11.03.1986 г. Подписано к печати 22.05.1986 г. Формат 84х108/32. Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 10,342. Уч.-изд. л. 9,307. Тираж 30000 экз. Заказ 512. Цена 50 коп. Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, Ленина, 76. Производственное объединение «Полиграфист» управления издательства, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — 656023, Барнаул, Г. Титова, 3.

Larisa_F

